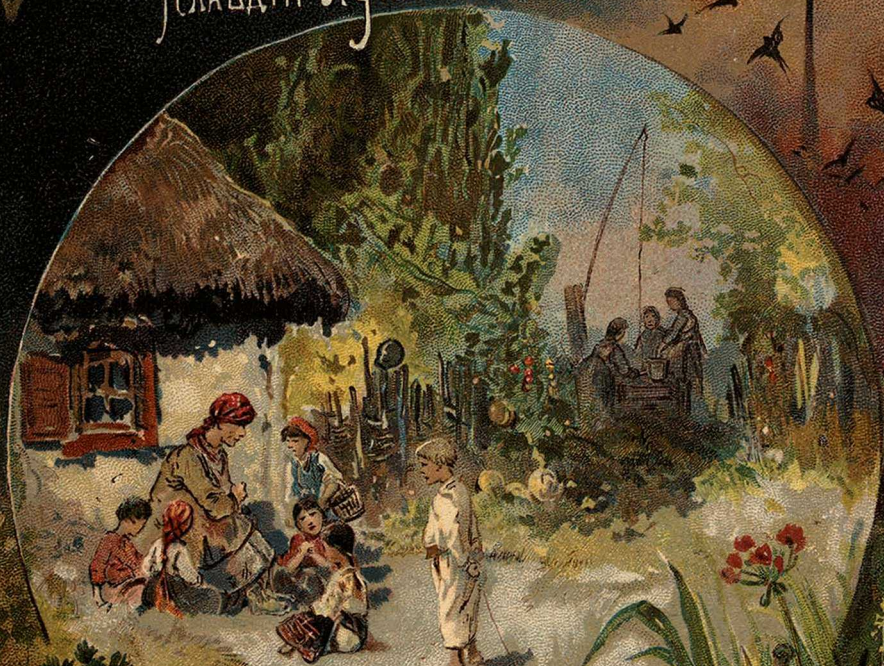

Р 210
К 610

Доброслїйскія сказки

Клавдіи Лукашевичъ

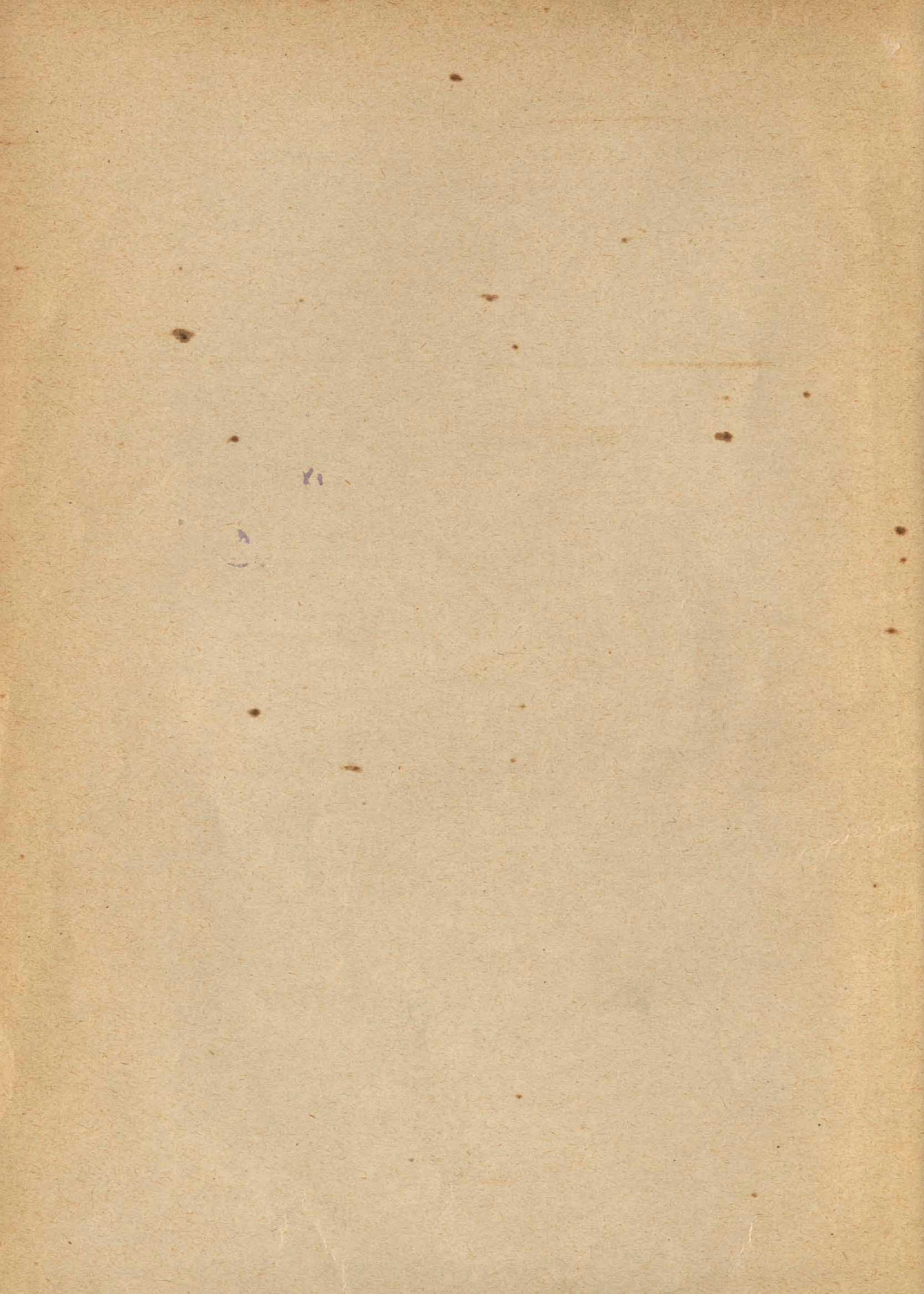
И. Гораминъ
1906

издание
И. Д. Сытина
Москва

R 210
610

13122

R $\frac{210}{610}$

Малороссійскія

С К А З К И

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ рисунками.

ПЕРЕВЕЛА, ОБРАБОТАЛА И
СОБРАЛА ПО СБОРНИКАМЪ

Чубинскаго, Данилевскаго, Леонасьева,
Рудченко, дяди Пуфа и др.

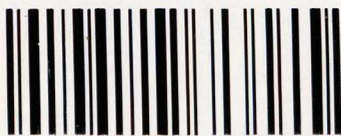
13/22

Клавдія Лукашевичъ.

фр-28-4755

Издание 2-е Т-ва И. Д. Сытина.

2015147672

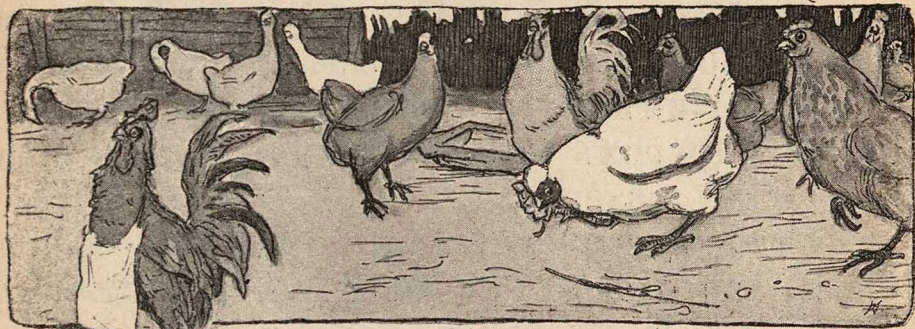

Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1909.

и ж

у

Полпѣтушокъ.

у

Одного крестьянина жила-была курочка. Жилось ей привольно и хорошо: корму всегда было вдоволь, нашеств чистый и хозяйка ласковая. Курочка гуляла по широкому двору со своими малыми дѣтками-цыплятками. Она тихо кудахтала, учила дѣтей уму-разуму: гдѣ зернышко найти, гдѣ червячка склевать и гдѣ бѣды избѣжать. Цыплята слушались мать и за ней слѣдомъ ходили. Были они все красивые, здоровые, и только одинъ цыпленокъ ро-

дился калѣкой. Вывелся онъ изъ крохотнаго яичка, съ однимъ глазомъ, съ однимъ крыломъ и одной ножкой, будто кто отнял у него половину тѣла. Всѣ куры, пѣтухи и даже люди смѣялись надъ нимъ, считали его уродцемъ и прозвали «Полпѣтушокъ». Только мать находила его и умнымъ и красивымъ, только какимъ-то «неудалымъ» и любила его больше другихъ цыплятъ. Такъ ужъ всегда бываетъ у матерей.

Этотъ цыпленокъ-калѣка подросъ и рѣшилъ, что онъ лучше всѣхъ. И началъ онъ важничать и гордиться, какъ и его отецъ — старый пѣтухъ. А отецъ его былъ самый красивый, статный, голосистый пѣтухъ: хоть сто вереть исходи вокругъ, другого такого не сыщешь.

Полпѣтушокъ бѣжитъ, прихрамывая, однимъ глазомъ косить, крыломъ трепещеть, взлетитъ на заборъ, гордо вытянетъ шею и важно-преважно закричитъ: «Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку!» Такъ закричитъ, точно немазаная телѣга проѣдетъ.

Всѣ куры замѣтили, какъ важничалъ Полпѣтушокъ и стали надъ нимъ смѣяться.

Полпѣтушокъ думалъ: «Пускай смѣются. Это они все изъ зависти, что я лучше ихъ».

А когда цыплята дразнили его и ему разные прозвища давали, онъ говорилъ:

— Я и смотрѣть-то на васъ, глупыхъ, не хочу!

Вотъ разъ и говорить Полпѣтушокъ своей матери:

— Слушай, мама! Мнѣ надоѣло жить на селѣ съ курами; я надумалъ до царя дойти: хочу царя и царицу видѣть.

Бѣдная мать - курица, какъ держала въ клювѣ червяка, такъ тутъ же его и выпустила и закудахтала съ перепугу не своимъ голосомъ.

— Кудяхъ-тахъ-тахъ! Ахъ, кудяхъ-тахъ-тахъ! Ахъ, что это ты выдумалъ, дитя мое?! Кто набилъ тебѣ голову такими глупостями? Зачѣмъ и куда пойдешь ты?! Посмотри на твоего отца: онъ никогда не выходилъ изъ своего села, а вѣдь лучшаго пѣтуха и въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Лучше, чѣмъ у насъ на дворѣ, тебѣ и у царя не будетъ. Посмотри, сколько кругомъ навозныхъ кучъ. Какимъ вкуснымъ зерномъ насъ кормятъ. Какой чистый, уютный у насъ нашестъ... И семья у насъ, слава Богу, не маленькая. И всѣ-то тебя такъ любятъ.

— И слушать ничего не хочу. И знать никого не хочу! Мои братья и сестры—глупая деревенская темнота...—грубо отвѣтилъ матери упрямый Полпѣтушокъ.

— Мое голубятко,—уговаривала его мать, какъ только могла нѣжнѣе,—развѣ ты не смотрѣлся на себя въ воду и не видѣлъ, что у тебя одного глазочка и одной ножки нѣтъ... Надъ тобой смѣяться стануть.

Но Полпѣтушокъ только гордо поднялъ свой красный гребешокъ и задорно отвѣчалъ:

— А, можетъ-быть, я найду такого доктора, который мнѣ приставитъ все, чего мнѣ нехватаетъ. Какъ ты меня не уговаривай, я все равно уйду!

Видитъ бѣдная курица, что съ такимъ упрямцемъ ничего не подѣлаешь, горько заплакала да и говорить:

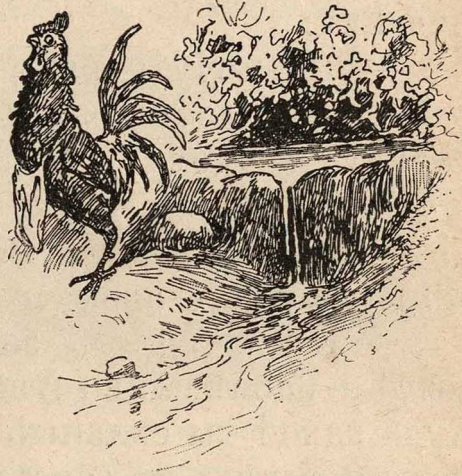
— Хоть послушайся, дитятко, моего добраго совѣта: когда пойдешь странствовать, то берегись тѣхъ людей, которыхъ зовутъ поварами, да и кухаркамъ на глаза не попадайся. Это наши злые враги. Ты и пискнуть не успѣешь, какъ они тебѣ горло перерѣжутъ. Ну, а теперь, сынокъ, иди себѣ, если не хочешь жить съ нами, только попроси отца, пусть благословитъ тебя на дорогу.

Полпѣтушокъ подскочилъ къ почтенному пѣтуху, поклонился ему низко и поцѣловалъ его коготь. Почтенный отецъ-пѣтухъ радъ былъ, что сынъ уходитъ, — онъ не очень-то любилъ сына за гордый и спесивый нравъ. А мать такъ плакала, что даже смотрѣть на сына не могла: то и дѣло сухими листиками глаза утирала.

Полпѣтушокъ замахалъ однимъ крылышкомъ, три раза прокричалъ въ знакъ своего отхода и тронулся въ путь.

Шелъ онъ, шелъ и пришелъ къ ручейку. Дѣло было лѣтомъ и ручеекъ совсѣмъ пересохъ; дѣти на немъ плотину изъ песку устроили. Увидѣлъ ручеекъ прохожаго и зажурчалъ такія рѣчи:

— Эй, братику, ты видишь, какъ я обезсилилъ, насилу двигаюсь. Нѣтъ у меня силъ даже дѣтскую плотину прорвать, чтобы она моей воды не задерживала, а въ сторону повернуть — объ этомъ и думать нечего!

Помоги, любый, въ моемъ горѣ: разгреби коготками дѣтскую плотину. За это ты будешь пить мою воду, когда и сколько хочешь. А когда пойдутъ дожди да прибавятъ мнѣ силы, тогда я тебѣ, можетъ-быть, большую услугу окажу.

А Полпѣтушокъ разсердился и закричалъ ручейку:

— Не хочу я разгребать! Что я тебѣ за работникъ достался! Развѣ пристало мнѣ, такому важному, служить ничтожному, мутному ручью!

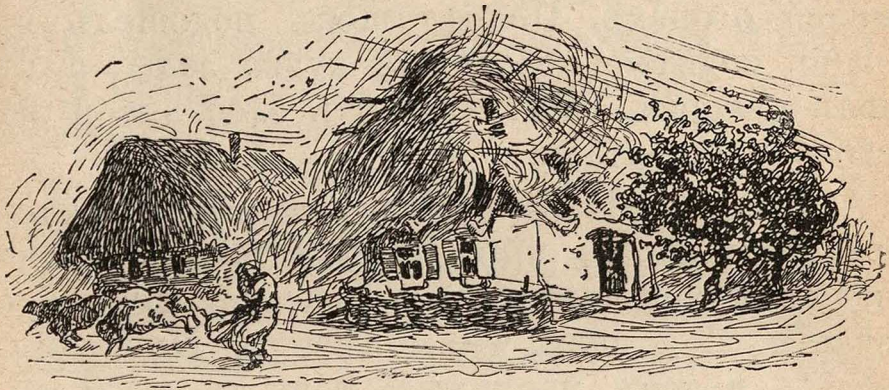
— Ладно, ладно... Вспомнишь же ты меня когда-нибудь,—прожурчалъ тихо ручеекъ.

— Прежде, чѣмъ запугивать, дождись-ка дождя,—насмѣшливо отвѣчалъ Полпѣтушокъ.— Куда какой ты сильный на словахъ, а завтра, можетъ-быть, и совсѣмъ высохнешь и по твоему дну будутъ воробьи прыгать.

И пошелъ Полпѣтушокъ дальше. Видитъ онъ—на дорогѣ лежитъ вѣтеръ и еле-еле дышитъ. Онъ окликнулъ странника:

— Дорогой мой Полпѣтушокъ, вѣкъ прожить—не поле перейти. Мало ли что можетъ случиться. Нужно помогать другъ другу. Подойди ко мнѣ поближе и посмотри. Видишь, что со мною полуденный зной сдѣлалъ!

А бывало я и лѣса ломаль и крыши сры-
валь—никто противъ меня устоять не могъ.
Не лежалъ бы я теперь на дорогѣ, да я отъ
аромата цвѣтовъ опьянѣлъ, да жаркій день
докональ меня и уложилъ посреди дороги.
Если бъ ты меня только чуть-чуть отъ земли
своими когтями подбросилъ, да крыломъ под-

махнулъ, то я поднялся бы вверхъ и полетѣлъ бы въ родную сторонку. Тамъ хорошо, тамъ моя матушка-буря съ моими сестрами-мятелями изъ силъ выбиваются—собирають золотыя кучки, что я разбилъ, показывая свою удалъ молодецкую. Тамъ только я отдохну и снова наберусь прежнихъ силъ.

— А ты забылъ, сударь мой,—отвѣчалъ Полпѣтушокъ вѣтру,—какъ ты бывало издѣвался надо мной?! Помнишь, какъ хвостъ

мой путаль, будто индюку, перья раздувалъ — людямъ на смѣхъ, а мнѣ на досаду? Всякому свое время. Теперь и ты лежишь въ пыли... Будь здоровъ, сударь мой!

Полпѣтушокъ звонко прокричалъ ку-ка-ре-ку и гордой поступью пошелъ дальше.

На жнитвѣ, близъ дороги, тлѣлъ и дымился огонекъ. Полпѣтушокъ подошелъ къ огню, видитъ — небольшая кучка золы, а въ золѣ искорка. Она чуть-чуть блестя и ласково прошептала:

— Ахъ, Полпѣтушокъ, въ добрый часъ ты пришелъ ко мнѣ. Какъ я рада: ты, конечно, поможешь мнѣ и спасешь меня отъ смерти. Я думала, что погасну... Мой пріятель — вѣтеръ пропалъ... А не то онъ сейчасъ бы помогъ мнѣ. Подкинь мнѣ, дружокъ, немножко сухихъ листьевъ или соломы: я сейчасъ оживу, вспыхну...

— Какое мнѣ дѣло до тебя?! — грубо крикнулъ Полпѣтушокъ. — Мнѣ ты не нужна: можешь и погаснуть!

— Охъ, смотри! — проговорила искорка. — Можетъ-быть, и я бы тебѣ пригодилась. Не даромъ говорятъ: «Не плюй въ колодець — пригодится воды напиться!»

— Ишь, ты! — закричалъ на нее Полпѣтушокъ. — Еще грозиться смѣешь! Такъ вотъ же тебѣ за это!

Онъ засыпалъ искорку золою, затопталъ ее лапой и началъ горланить свое «кука реку», точно онъ сдѣлалъ хорошее дѣло.

Пошелъ Полпѣтушокъ дальше и пришелъ въ столицу. Онъ гордо подошелъ къ дворцу, чтобы посмотрѣть на царя и царицу. Около дворца стоялъ солдатъ съ ружьемъ; увидѣвъ пришельца, онъ закричалъ:

— Эй, ты, куда лѣзешь? Нельзя тутъ ходить! Назадъ ступай!

Полпѣтушокъ испугался и бросился подъ ворота. За воротами, на дворѣ, человѣкъ въ бѣломъ стоялъ, а по песочку воробей прыгалъ. Полпѣтушокъ подбѣжалъ къ воробью.

— Кто это? — спросилъ онъ.

— Это — царскій поварь. — отвѣчалъ воробей.

Полпѣтушокъ не послушалъ совѣта своей матери: ему бы надо было скорѣе убѣжать отъ повара. Но онъ считалъ себя важной и сильной птицей и рѣшилъ испугать повара своимъ видомъ. Поднявъ задорно красный гребешокъ, распутивъ свое единственное убогое крылышко, онъ поднялъ

хвостъ кверху и смѣло поскакалъ къ повару бочкомъ. Поваръ захохоталъ, увидѣвъ глупаго пѣтушка, и схватилъ его за крылышко. Потомъ онъ вынулъ изъ-за пояса широкій

ножь и чикнулъ Полпѣтушка по горлышку, тотъ только ножкой задрыгалъ.

— Гей! Гей! — крикнулъ поваръ своимъ поварятамъ. — Давайте сюда кипятку! Вотъ я его хорошенько ошпарю!

— Водица, моя сестрица! — жалобно попросилъ Полпѣтушокъ. — Смирись надо мной! Не шпарь меня!

— А ты меня развѣ пожалѣлъ, когда я пробѣгала ручейкомъ? — сказала вода, закипѣла отъ злости и ошпарила его до костей.

Подскочили поварята и не оставили на Полпѣтушкѣ ни одного перышка.

Потомъ поварь взялъ сковороду, положилъ на нее Полпѣтушка и поставилъ на огонь.

— Ой, огонекъ-братикъ, не пеки, не жарь ты меня! — запищалъ Полпѣтушокъ.

— А вотъ подожди еще! — затрещалъ сердито огонь. — Я тебя не пощажу. Ты меня не пожалѣлъ и золою забросалъ... Огонь припекъ и зажарилъ Полпѣтушка. Повара въ то время не оказалось близко, и Полпѣтушокъ почернѣлъ, какъ головешка.

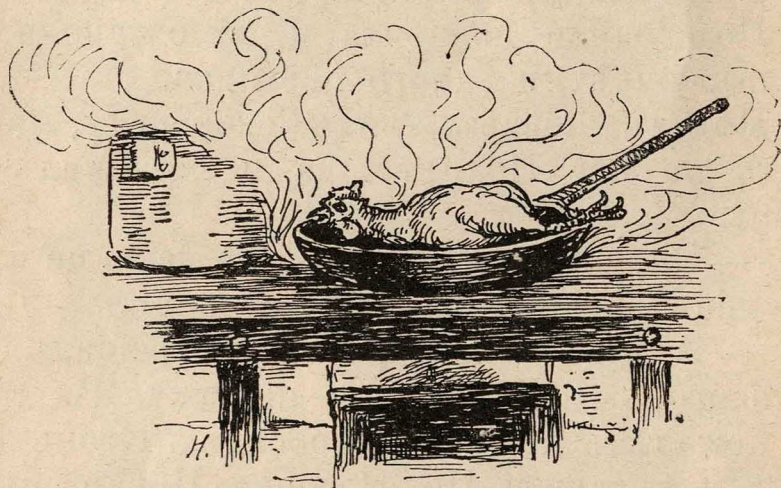
Вернулся поварь подвыпивши, — видитъ, его жаркое никуда не годится, и онъ выбросилъ Полпѣтушка на задворки.

Тамъ гулялъ вѣтеръ, увидѣлъ знакомца и подхватилъ его.

— Ой, вѣтеръ-вѣтерочекъ, — жалобно запищалъ тогда Полпѣтушокъ, — не трогай хоть ты меня! Ломай лучше деревья, срывай

крыши, а я ужъ буду тутъ лежать и плакаться на свою горькую долю.

— Нѣтъ, ты отъ меня такъ легко не отдѣлаешься!—заревѣлъ ему вѣтеръ въ отвѣтъ. Закружилъ онъ, засвистѣлъ, подхватилъ Пол-

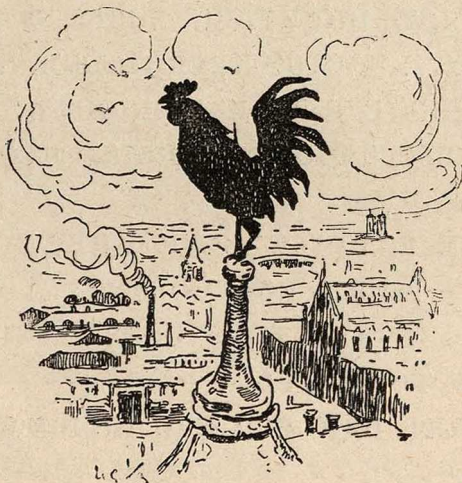
пѣтушка, поднялъ выше царскаго дворца да и бросилъ со всего размаху внизъ.

Летитъ бѣдный Полпѣтушокъ внизъ... А внизу, на крышѣ царскаго дворца,—желѣзный шпигъ торчалъ. Онъ на тотъ шпигъ и наткнулся. А вѣтеръ и началъ его срывать; вертится кругомъ него, шумитъ, гудитъ, издѣвается... А Полпѣтушокъ-то на шпигъ крутится.

Такъ и до сихъ поръ вѣтеръ не даетъ ему покою ни днемъ ни ночью.

Вѣтеръ ляжетъ отдыхать и Полпѣтушокъ передохнетъ. Проснется вѣтеръ и тотчасъ завертитъ Полпѣтушка то туда, то сюда. Онъ, бѣдный, только поскрипываетъ...

Это было давно. Но и теперь много такихъ Полпѣтушковъ вертится на крышахъ...

Левъ и щука.

Разъ подошелъ левъ къ рѣкѣ, нагнулся, хотѣлъ напиться воды, а щука плеснула хвостомъ, скрылась на дно, выплыла вдали и говорить:

— Я испугалась, думала, что это человекъ, а это левъ.

— Развѣ человекъ страшнѣе меня?—спросилъ левъ.— Меня всѣ боятся. Хотѣлъ бы я видѣть человека! Что это за птица?

Щука и говорить:

— О, такъ иди, все иди полемъ и увидишь человека.

Левъ пошелъ. Встрѣчаетъ хлопчика.

— Ты человекъ али нѣтъ?

— Нѣтъ, еще не человекъ; скоро буду человекомъ.

Пошелъ левъ дальше; идетъ да идетъ: встрѣчаетъ стараго дѣда.

— Ты человекъ али нѣтъ?

— Прежде былъ человекомъ, а теперь уже дѣдъ.

Пошелъ левъ еще дальше; встрѣчаетъ казака, снаряженнаго на войну, со всѣми при-

пасами, на конѣ верхомъ. Спрашиваетъ онъ его:

— Ты человекъ али нѣтъ?

— Да. Я—человекъ.

— Ну, такъ я тебя съѣмъ.

Казакъ, не долго думавши, вынулъ пистолетъ да какъ трахнетъ—и попалъ льву въ

глазь; левъ даже свалился, вскочиль и понять ничего не можетъ. А казакъ уже уѣхаль своею дорогою.

Пошелъ левъ къ рѣчкѣ. Выплыла къ нему щука и спрашиваетъ:

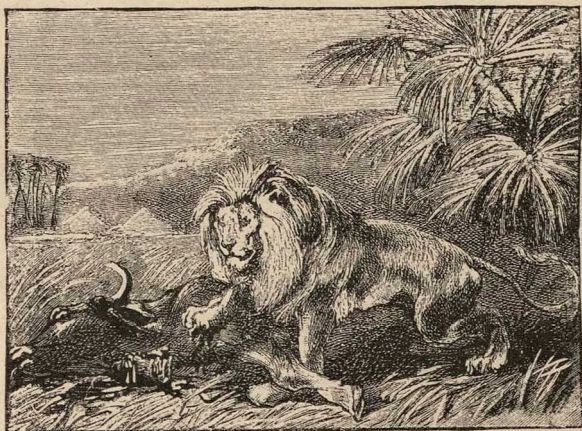
--- Что видѣль ли человекъ?

— Видѣль,—отвѣчалъ левъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ?

— Ничего не сказалъ. Только плюнулъ въ глазь: я его и открыть не могу.

— Вотъ онъ, какой человекъ!—сказала щука.

Покотигорошекъ.

иль-быль на бѣломъ свѣтѣ
хохолъ; у него былъ сынъ.
Приходитъ онъ къ своему
баткѣ и говоритъ:

— Пойду я, тату, счастья
искать.

— Что жъ, иди, сынку! —
отвѣтилъ хохолъ.

Взялъ хлопецъ ружье и
пошелъ. Идетъ да идетъ,
идетъ да идетъ; встрѣтилъ
прохожаго и говоритъ:

— Здорово, дядя!

— Дай Богъ и тебѣ здо-
ровья! Ты куда идешь?

— Иду счастья искать.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

— Добре! Пойдемъ! А какъ тебя звать?

— Вернигоръ. Потому, если я обопрусь объ гору, то хоть какъ она велика ни будь, непременно ее сверну. А тебя какъ звать?

— Меня—Покотигорошекъ. А ну - ка давай бороться!

— Давай!

Покотигорошекъ и поборолъ Вернигора. Потомъ они пошли вмѣстѣ; встрѣчаютъ прохожаго.

— Здорово, дядя!

— Здорово, хлопцы!

— Ты куда идешь?

— Счастья искать.

— А какъ тебя звать?

— Вертидубъ. Потому что, если я обниму дубъ, то хоть какой бы онъ высокій ни былъ, я его съ корнемъ вырву. А вы-то какъ зоветесь?

— Я—Покотигорошекъ, а этотъ—Вернигоръ. А ну-ка давай бороться!

— Что жъ, давайте!

И оба пріятели побороли Вертидуба.

Вотъ онъ и говорить:

— Коли такъ, побратаемтесь: я буду меньшимъ братомъ, Вернигоръ—среднимъ, а Покотигорошекъ пусть будетъ старшимъ.

Всѣ согласились.

— Добре, добре! Пойдемте же въ путь-дорогу.

Пошли они лѣсомъ. Идутъ да идутъ, лѣсъ—направо, лѣсъ—налѣво. Все они идутъ. Вдругъ видятъ, въ лѣсу стоитъ хатка; около нея ограда, а въ оградѣ стадо воловъ.

Вотъ Покотигорошекъ и говоритъ:

— Пойдемте, братцы, въ эту хатку. Оста-немтесь тутъ жить.

Вошли они въ хату; потомъ убили вола, сварили себѣ похлебку и легли спать.

На другой день Покотигорошекъ и гово-ритъ:

— Ну, братикъ Вертидубъ, ты оставайся дома, вари намъ обѣдъ, а мы вдвоемъ пойдемъ на охоту.

Они пошли. Вертидубъ убилъ вола, наварилъ ѣсть и легъ въ хатѣ спать.

Только что онъ легъ на печь, слышитъ, кто-то въ дверь стучитъ и кричитъ:

— Отопри! Отопри!

А Вертидубъ отвѣчаетъ:

— Не великъ панъ и самъ отопрешь!

Дверь отворилась, кто-то вошелъ въ хату и сказалъ:

— Пересади меня черезъ порогъ!

А Вертидубъ крикнулъ съ печи:

— Не великъ панъ, перелѣзешь и самъ!

Въ хату вошелъ дидокъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ. Живо прибиль онъ гвоздь, схватилъ Вертидуба за чубъ и повѣсилъ на тотъ гвоздь. А самъ взлѣзъ въ печь, поѣлъ все, что тамъ было, и ушелъ скорѣе въ лѣсъ.

Вертидубъ вертѣлся - вертѣлся, кое-какъ сорвался съ гвоздя, скорѣе убилъ вола и снова сталъ готовить обѣдъ; пришли его старшіе названные братья и спрашиваютъ:

— Что же ты, Вертидубъ, такъ запоздалъ съ обѣдомъ-то?

— Проспалъ, братцы, оттого и опоздалъ. Наѣлись они всѣ и полегли спать.

На другой день Покотигорошекъ и говоритъ:

— Ну, Вернигоръ, теперь ты карауль домъ да готовь обѣдъ, а мы пойдѣмъ на охоту.

Они пошли. Вернигоръ наварилъ ѣсть и легъ спать. Вдругъ кто-то стучить въ дверь и кричить:

— Отопри! Отопри!

— Не великъ панъ, отопрешь и самъ! — сказалъ Вернигоръ.

Кто-то опять закричалъ:
 — Пересади черезъ порогъ!
 — Не великъ панъ, перелѣзешь и самъ! —
 отвѣчалъ Вернигоръ.

Вдругъ лѣзетъ дидокъ, самъ съ ноготокъ,
 а борода съ локотокъ.

— Ге, ты чего сюда забрался? — закричалъ дидокъ. — Еще и пересадить меня не хочешь! Какъ начну я тебя раздѣлывать, такъ не узнаешь, куда и спрятаться..

Разгнѣвался дидокъ, кряхтитъ, пищитъ.
 Какъ схватилъ онъ Вернигора за волосья,

да и повѣсилъ его на гвоздь. А самъ взлѣзъ на печь, поѣлъ все, что тамъ было, да и ушелъ.

Бѣдняга Вернигоръ вертѣлся, крутился, кое-какъ сорвался и чубъ волосъ вырвалъ.

Бросился онъ скорѣе въ ограду, убилъ вола и началъ скорѣе обѣдъ готовить.

Вернулись названные братья съ охоты. Покотигорошекъ и спрашиваетъ:

— Что ты, братикъ, съ обѣдомъ запоздалъ?

— Легъ я, задремалъ, да и проспалъ.

А Вертидубъ молчить: догадался, что тутъ было.

На другой день всѣ встали рано; младшіе братья пошли на охоту, а Покотигорошекъ остался домовничать. Вотъ наварилъ онъ обѣдъ и легъ спать.

Вдругъ стучится кто-то въ дверь и кричить:

— Стопри!

— Подожди, сейчасъ встану, — отвѣчалъ Покотигорошекъ.

Онъ всталъ, отворилъ, смотритъ и дивится: стоитъ передъ нимъ дидокъ, самъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ.

— Что тебѣ надо? — спросилъ онъ.

— А вотъ я тебѣ покажу, что мнѣ надо,— отвѣчалъ дидокъ и полѣзъ, чтобы его за чубъ схватить.

— Ага! Такъ вотъ ты какой-сякой! Я жъ тебѣ задамъ! Я съ тобой иначе поговорю!— закричалъ Покотигорошекъ.

Онъ схватилъ дидка за бороду, прихватилъ топоръ и поволокъ въ лѣсъ. Онъ раскололъ въ лѣсу осину, закинулъ туда дидову бороду и забилъ ее клиномъ.

— Коли ты со мной по худому, такъ сиди же тутъ, дидусь, пока я не приду!— сказалъ Покотигорошекъ и ушелъ.

Пришелъ онъ въ хату, а братья названные уже вернулись съ охоты. Вотъ они сытно пообѣдали. Покотигорошекъ и говоритъ:

— Пойдемте-ка, братцы, со мною. Покажу я вамъ такое чудо, какого вы и не видавали.

Пришли они къ той осинѣ, гдѣ Покотигорошекъ дидка за бороду защемилъ... Смотрятъ — только одна борода на осинѣ торчитъ, а дидка и слѣдъ простылъ.

Тутъ Покотигорошекъ все своимъ братьямъ названнымъ рассказалъ. А меньшіе братья признались ему, какъ дидокъ съ но-

готокъ, а борода съ локотокъ, ихъ за чубы вѣшалъ.

— Э, коли такъ, пойдѣмте жъ его искать. Поймаемъ его!—сказали всѣ братья разомъ.

Собрались они въ дорогу и пошли. Идутъ да идутъ, идутъ да идутъ. Смотрятъ — слѣды крови... Должно-быть, дидокъ бѣжалъ. Они по тѣмъ слѣдамъ пошли; дошли до глубокой ямы, такой глубокой, что даже дна не видно.

Тогда старшій братъ и говоритъ:

— Лѣзь туда, Вертидубъ!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ, — не полѣзу. Не хочу. Я боюсь.

— Ну, такъ ты, Вернигоръ, полѣзай.

— Цуръ тебѣ, не полѣзу, не хочу!

— Коли такъ, придется мнѣ самому лѣзть, — сказалъ Покотигорошекъ. — Плетите, братцы, веревку, длинную-длинную...

Сплели они веревку. Покотигорошекъ взялъ ее за конецъ и началъ спускаться.

Спустился онъ не болѣе половины ямы, а уже веревки конецъ пришелся. Тутъ началъ онъ братьямъ названнымъ кричать:

— Рвите одежду! Связывайте ее скорѣе!

Вернигоръ и Вертидубъ связывали - связывали одежду, — все на себѣ перервали, а

конца нѣтъ. Тогда они взяли да и опустили веревку. Покотигорошекъ упалъ на дно.

Всталъ онъ, видитъ поле. Пошелъ и думаетъ: «Ну, братцы, отплачу же я вамъ!»

Вотъ онъ идетъ да идетъ, видитъ — богатая палаты. Онъ туда вошелъ; выбѣгаетъ дивчина, такая пригожая, такая пригожая, что лучше и на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ.

Покотигорошекъ сталъ ее ласково допытывать:

— Гей, гарна дивчинка, не видала ли ты, гдѣ тутъ дидокъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ?

— Э, знаю... Онъ подъ рѣшетомъ сидитъ. На томъ свѣтѣ кто-то ему бороду выщипалъ. Только ты, человѣче, не ходи къ нему: онъ тебя поколотитъ.

— Не поколотитъ. Не боюсь. Я жъ ему и бороду выщипалъ. Веди меня къ нему.

Пришли они къ дѣду. Тотъ узналъ хлопца и спрашиваетъ:

— Ты зачѣмъ пришелъ? Биться или мириться?

— Конечно, пришелъ биться.

Вотъ и начали они драться. Дрались-дрались, — Покотигорошекъ убилъ дидка. Дивчина была рада: онъ освободилъ ее изъ не-

воли. Она накормила, напоила его, и онъ пошелъ искать дороги на тотъ свѣтъ.

Шель онъ, шель; вдругъ зашумѣлъ холодный вѣтеръ, пошелъ дождь, градъ, поднялась такая буря, что стало совсѣмъ темно.

Покотигорошекъ видитъ дубъ, а на томъ дубѣ, въ гнѣздѣ, пищать орленята; пищать такъ жалобно, бури боятся. Ему стало жаль орленятъ. Онъ взлѣзъ на дубъ и накрылъ орленятъ своею свиткою. Немного погодя, прилетаетъ орель и бросился на Покотигорошка, хотѣлъ его заклевать. Орленята какъ запищать:

— Не убивайте его, тату: если бы не онъ, мы бы съ холоду померли.

— Ну, хорошо. За то, что ты моихъ дѣтей свиткой прикрылъ, я тебѣ все, что хочешь, сдѣлаю.

— Добре! — обрадовался Покотигорошекъ. — Только вынеси ты меня на тотъ свѣтъ.

Орель отвѣчалъ:

— Трудно, далеко, но вынесу. Возьми ты съ собою девять бочекъ воды да девять бочекъ мяса. Какъ я поверну голову «собъ»*), ты мнѣ и дай кусокъ мяса, а коли я поверну голову «цобе»**), то дай немного воды.

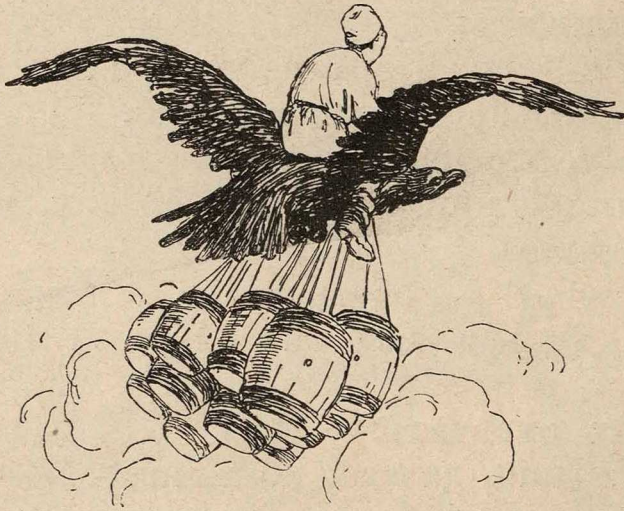
Забрались они высоко-высоко. Летятъ и летятъ. Какъ орель повернетъ голову «собъ» — ему Покотигорошекъ сейчасъ даетъ кусокъ

*) Собъ — направо.

**) Цобе — налѣво.

мяса, а когда повернетъ «цобе», то онъ вливалъ ему въ ротъ немного воды.

Они летѣли высоко-высоко, долго-долго. На самомъ верху орель опять повернулъ голову «собѣ», а у Покотигорошка уже ни маленькаго кусочка мяса не было. Не долго

думая, онъ оторвалъ у себя ногу и отдалъ орлу. Тутъ и вылетѣли они наверхъ.

— Ну, теперь иди, куда хочешь! — сказалъ орель.

А Покотигорошекъ и ступить не можетъ.

— Куда жъ я пойду безъ ноги?! — сказалъ онъ.

Тогда орель вытащилъ изъ своего горла его ногу и отдалъ ему, а самъ полетѣлъ за живительной водой, принесъ ее, помазалъ ногу, приставилъ, и она живо приросла.

Орель тогда вернулся домой, а Покотигорошекъ пошелъ искать своихъ братьевъ. Пришелъ онъ въ ту же хату, что была въ дѣсу, а названные братья тамъ и сидятъ.

Покотигорошекъ отколотилъ ихъ хорошенько и ушелъ къ своему батькѣ.

Батько обрадовался, созвалъ сосѣдей, угощалъ ихъ и задалъ пиръ. И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по бородѣ текло, а во рту не бывало.

Царевна - жаба.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ, жили-были царь и царица; у нихъ было три сына, что соколы прекрасные.

Выросли царевичи и стали такіе красавцы-молодцы, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Молодцы-царевичи вошли въ годы, и пришла пора имъ жениться.

Вотъ царь съ царицей поговорили, посоветовались и позвали своихъ сыновей. Царь и говоритъ имъ:

— Сыны мои соколы, дошли вы до тѣхъ лѣтъ, что скучно вамъ однимъ жить, пора подружекъ найти и жениться.

— Согласны мы, царь - батюшка! Какъ прикажешь, такъ и будетъ! — отвѣчали покорные сыновья.

— Берите же, дѣти мои милыя, серебряные луки, пускайте мѣдныя стрѣлы въ чужедальнія стороны: гдѣ чья стрѣла во дворѣ упадетъ, тамъ и невѣсту сватайте!

Царевичи пошли на дворъ; натянули луки и начали стрѣлять.

Старшій пустилъ стрѣлу; загудѣла стрѣла подъ небесами и упала въ далекомъ царствѣ, въ саду царя. Въ тотъ часъ по саду царская дочь гуляла; подняла она стрѣлу и не могла ею налюбоваться. Пришла къ своему родителю и хвалится:

— Батюшка-царь, посмотри, какую я гарну стрѣлочку нашла.

А царь ей въ отвѣтъ:

— Смотри, дочка, никому не отдавай этой стрѣлы, отдай ее только тому, кто тебя замужъ возьметъ.

Вскорѣ пріѣхалъ въ то царство старшій царевичъ и спросилъ:

— Не упала ли здѣсь гдѣ-нибудь стрѣла, что я пустилъ изъ лука?

— Упала! Упала! Въ царскомъ саду. Царевна подняла, — радостно отвѣчали ему царедворцы.

Тогда царевичъ сталъ просить у царевны отдать ему стрѣлу.

— Не отдамъ! — отвѣчала царевна. — Отдамъ ее только тому, кто меня замужъ возьметъ.

— Я тебя съ радостью замужъ возьму! — воскликнулъ царевичъ.

Вотъ они помолвились, и онъ уѣхалъ.

Другой царевичъ тоже натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу; взвилась стрѣла выше лѣса стоячаго, ниже тучи ходячей и упала на княжескій дворъ. Въ тотъ часъ княжна на скамеечкѣ сидѣла, видитъ — къ ея ногамъ стрѣла упала; она подняла ее, понесла къ отцу и говорить:

— Посмотри, батюшка, какую я гарну стрѣлочку нашла.

А князь ей въ отвѣтъ:

— Не отдавай ее никому; отдай только тому, кто тебя замужъ возьметъ.

— Хорошо, батюшка! — отвѣчала княжна.

Черезъ нѣкоторое время къ тому князю пріѣзжаетъ второй царевичъ и просить свою стрѣлу. Княжна отвѣтила ему то же, что ца-

ревна старшему царевичу. Онъ весело ска-
заль:

— Я съ радостью беру тебя замужъ.

Они обо всемъ договорились, и царевичъ
уѣхаль домой.

Пришло время и младшему царевичу пу-
стить стрѣлу изъ
лука. Звали его
Иванъ - царевичъ.
Какъ стрѣльнулъ
онъ, загудѣла стрѣла,
понеслась ни низко,
ни высоко, но выше
хатъ и упала ни
близко ни далеко, а
за селомъ въ болотѣ.
На кочкѣ въ болотѣ
сидѣла жаба и взяла
ту стрѣлу.

Прибѣжалъ Иванъ - царевичъ на болото,
смотреть — а стрѣла его въ лапѣ у жабы.

— Отдай мою стрѣлу, — попросиль ца-
ревичъ.

— Нѣтъ, не отдамъ! — отвѣчала жаба. —
Отдамъ ее только тому, кто меня замужъ
возьметъ.

— Вотъ еще что сказала! Кто жъ возьметъ замужь зеленую жабу?! — воскликнулъ царевичъ.

Закручинился онъ; постоялъ, постоялъ надъ болотомъ, заплакалъ и пошелъ домой.

Въ это время царь-отецъ велѣлъ позвать къ себѣ сыновей. Пришли сыновья. Царь имъ говоритъ:

— Ну, мои милые, сыны-соколы, повѣдайте теперь мнѣ: кто какую невѣсту нашель?

Старшій и средній царевичи такіе веселые да радостные, а Иванъ-царевичъ стоитъ и плачетъ.

Вотъ старшій и говоритъ:

— Я, батюшка-царь, нашель себѣ невѣсту царевну.

Средній сказалъ.

— А я нашель себѣ — княжну.

А Иванъ-царевичъ слова вымолвить не можетъ, стоитъ и горько-горько плачетъ.

И сталъ его царь спрашивать, допытывать.

— О чемъ же ты, Иванъ-царевичъ, такъ плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать! — отвѣчалъ царевичъ. — У братьевъ будутъ жинки хоро-

пія, красивыя, а мая стрѣла упала на болото и подняла ее зеленая жаба... Такъ неужели же мнѣ съ болота жабу замужъ брать?! И развѣ она мнѣ ровня!

— Нечего дѣлать! Знать, такая твоя судьба. Бери замужъ жабу, — рѣшилъ царь-отець.

Опечалился царевичъ, да дѣлать нечего.

Вотъ они всѣ повѣнчались. Старшій царевичъ взялъ царевну, средній — княжну, а младшій — зеленую жабу съ болота.

Зажили себѣ царевичи со своими женами.

Только вдругъ надумалъ царь-отець, что бы всѣ его невѣстки полотенца выткали; которая - де изъ нихъ лучше работать умѣеть.

— Пусть онѣ всю ночь работаютъ, — приказалъ царь, — а завтра, рано утромъ, пусть принесутъ мнѣ на показъ тѣ полотенца!

Иванъ-царевичъ опечаленный пошелъ домой. Вылѣзла ему навстрѣчу жаба и спрашиваетъ:

— Чего ты, супругъ мой, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать! — отвѣчалъ царевичъ. — Приказалъ батюшка, чтобы каждая невѣстка къ завтрашнему утру полотенце выткала... Братнины жены все умѣютъ, а у меня жена — жаба съ болота...

— Не плачь, Иванъ-царевичъ!— перебила его жаба зеленая. — Ложись и спи спокойно! Все у насъ будетъ хорошо.

Онъ легъ и заснулъ.

Между тѣмъ жаба сняла съ себя свою шкуру, вышла на дворъ, крикнула, свистнула, руками захлопала... Откуда ни возьмись набѣжали дѣвушки-прислужницы и сѣли за работу. Къ утру онѣ полотенце соткали и орловъ на немъ вышили и жабѣ отдали. Она взяла, положила его около Ивана-царевича, а сама снова одѣла на себя свою зеленую шкурку и стала жабою.

Проснулся Иванъ-царевичъ; какъ увидѣлъ то полотенце, такъ и ахнулъ: лучше онъ никогда и не видывалъ!

Обрадовался онъ и понесъ къ царю. Царь похвалилъ работу невѣстки и велѣлъ благодарить ее. Другихъ же невѣстокъ работа была простая, и царь приказалъ ихъ полотенца на кухню отдать, а жабино себѣ оставилъ.

Въ скоромъ времени царь снова отдаетъ приказъ, чтобы невѣстки напекли ему гречаниковъ; хочетъ онъ узнать, какъ-то онѣ хозяйство знаютъ.

Иванъ-царевичъ пошелъ домой и заплакалъ. Жена-жаба вылѣзла ему навстрѣчу и завакала:

— О чемъ ты, супругъ мой, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать; приказалъ царь-батюшка, чтобъ ему невѣстки гречаниковъ напекли... Тѣ напекутъ, а ты, жаба, не сумѣешь...

— Не плачь!.. Можетъ, справимся. Ложись спать.

Онъ легъ и заснулъ.

А другія невѣстки пришли потихоньку подъ окно и смотрять, какъ жаба будетъ справляться.

Вотъ она взяла тѣсто завела, подбила, замѣсила; послѣ полѣзла на печь, пробила дырку, вылила туда тѣсто — гречаники такъ и расплылись по золѣ.

Невѣстки скорѣе побѣжали по домамъ и давай такъ же стряпать. Не задались ихъ гречаники и вышли черные, какъ сажа.

Между тѣмъ жаба шкурку съ себя сняла, вышла на дворъ, крикнула, свистнула, покликкала; откуда не возмись, набѣжало множество дѣвушекъ-прислужницъ. Она имъ приказала, чтобы живо готовы были гречаники. И вышли тѣ гречаники бѣлые да вкусные.

Жаба положила ихъ около Ивана - царевича, сама шкуру одѣла и снова стала зеленою жабою, какъ и была.

Проснулся царевичъ, смотритъ — около него гречаники, да такіе бѣлые, смачные; онъ обрадовался и понесъ ихъ къ царю.

Царь тѣ гречаники попробовалъ и очень хвалилъ; онъ приказалъ ихъ подавать на угощенье къ столу, а тѣхъ невѣстокъ стряпню велѣлъ собакамъ бросить.

Вотъ царь снова отдалъ приказъ своимъ сыновьямъ:

— Завтра, мои милые сыны, устраиваю

я пиръ. Пріѣзжайте всѣ ко мнѣ съ женами веселиться.

Старшіе царевичи обрадовались, пошли домой такіе веселые, а Иванъ-царевичъ опечалился, закручинился, идетъ домой, повѣсивши голову, и плачетъ.

Жаба вылѣзла ему навстрѣчу и заговорила:

— О чемъ ты, Иванъ-царевичъ, такъ кручинишься?

— Какъ же мнѣ не плакать: царь-батюшка пирь на весь мѣръ задаеть; велѣль онъ намъ съ женами прѣхать... Какъ же я-то тебя повезу! Мнѣ людей совѣстно...

— Не плачь! Ложись спать! Утро вечера мудренѣе. Какъ-нибудь и мы поѣдемъ.

Онъ легъ и заснулъ.

На другой день надо было на пирь собираться, а Иванъ-царевичъ еще больше закручинился; плачетъ и горюеть.

— Не горюй ты такъ, супругъ мой,—говорить ему жаба,—собирайся и отправляйся ты сначала одинъ на пирь къ батюшкѣ-царю.

— Царь-батюшка приказалъ намъ вмѣстѣ прѣхать,—сказалъ царевичъ.

— Я послѣ прѣду. Какъ станетъ дождикъ накрапывать, то знай, что твоя жена рососою умывается; когда молнія засверкаетъ, знай, что твоя жена въ дорогое одѣянье убирается, а какъ громъ загремитъ, то, значитъ, я уже ѣду на пирь.

Иванъ-царевичъ принарядился и на пирь поѣхалъ.

Прѣзжаетъ, а уже братья съ своими женами тамъ. Жены ихъ разубрались, разукрасились: платья золотыя, жемчугами и дорогими каменьями вышиты.

Старшіе братья-царевичи надъ младшимъ стали шутить, насмѣхаться:

— Что же ты, братецъ, одинъ на пиръ пріѣхалъ? Ты бы жинку-то свою хоть въ платочекъ завернулъ да и принесъ сюда...

Иванъ-царевичъ отвѣчалъ:

— Не смѣйтесь, братцы, моя жена скоро пріѣдетъ!

Въ это время сталъ накрапывать крупный дождь. А Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— Вотъ уже моя любя-жинка дождевою росой умывается.

Братья засмѣялись:

— Что ты, братецъ, пустяки брешешь?

Вдругъ блеснула молнія. А Иванъ-царевичъ сказалъ:

— Это мое сердынько-жинка въ дорогое одѣянье наряжается.

Братья того пуще засмѣялись и плечами пожимають.

— Бѣдный братецъ! Быль прежде человекъ, какъ человекъ, а теперь сталь дурачкомъ!..

Въ это время громъ грянулъ, даже дво-

рецъ затрясся. А Иванъ-царевичъ радостно воскликнулъ:

— Вотъ уже моя жинка-голубочка ѣдетъ.

И правда: къ крыльцу подкатила карета, запряженная шестеркою коней; кони, что змѣи... Изъ кареты вышла такая красавица, гордая и нарядная, что всѣ поразились и рты разинули.

Красавица подошла къ Ивану-царевичу, взяла его за руку, и они пошли вмѣстѣ.

Сѣли всѣ за столъ. Царь, царица, старшіе царевичи и жены ихъ смотрятъ на жену младшаго брата, дивятся, откуда она, и на-смотрѣться не могутъ. Она же, что солнце—прекрасная. Лучше и быть не можетъ.

Обѣдаютъ всѣ весело. А невѣстки глазъ не спускаютъ съ братниной жены. Она, что ни ѣсть, то ложку въ ротъ и ложку въ рукавъ, кусочекъ въ ротъ, кусочекъ въ рукавъ. Какъ увидѣли это невѣстки, и сдѣлали то же самое.

Вотъ пообѣдали; пошли на дворъ; стала музыка играть. Царь велѣлъ танцовать. Старшія невѣстки отказываются.

— Пусть сначала младшая танцуетъ.

Вотъ и начали они танцовать съ Иваномъ-царевичемъ. Такъ хорошо танцовали, что едва земли касались.

А жинка его, что прежде жабой была, махнула правымъ рукавомъ и посыпались оттуда кусочки—и направо выросъ садъ съ кудрявыми деревьями, съ прекрасными цвѣтами; въ томъ саду серебряный столбъ стоялъ, а вокругъ столба котъ ходилъ; поидетъ направо—сказки сказываетъ; поидетъ налѣво—пѣсни поетъ. Танцовали они, танцовали, красавица махнула лѣвымъ рукавомъ, оттуда

посыпались кусочки—и зажурчала налѣво въ саду прозрачная рѣчка, а по рѣкѣ бѣлые лебеди плаваютъ. Всѣ на пиру смотрятъ, дивятся, точно малыя дѣти.

Танцовали они, танцовали, устали и сѣли отдыхать.

Тогда стали другія невѣстки танцовать. Танцуютъ онѣ, да какъ махнуть правымъ рукавомъ—вдругъ оттуда вылетѣли кости и прямо царю и царицѣ въ лобъ угодили; махнули лѣвымъ рукавомъ—царю и царицѣ всѣ глаза засыпали.

— Ой, стойте, перестаньте, дурныя! Вы мнѣ глаза погубите!—закричалъ царь.

Онѣ тогда и перестали рукавами махать.

Сѣли всѣ тогда на лавочкахъ; музыка играетъ, а царедворцы танцуютъ.

А Иванъ - царевичъ смотритъ - смотреть на свою жинку да удивляется: какъ это она изъ такой зеленой жабы такою гарною молодницею стала, что очей отъ нея отвести невозможно. Подумалъ онъ, вышелъ на крыльцо, велѣлъ подать лошадей и поѣхалъ домой. «Дай, молъ, дома посмотрю-развѣдаю, что съ моей женой-жабой сталося».

Приѣхалъ онъ домой, вошелъ въ спальню, смотритъ, а тамъ только жабина зеленая

шкурка лежитъ. Въ ту пору въ спальнѣ каминъ топился. Царевичъ скорѣе шкурку схватилъ и въ каминъ, въ самый огонь бросилъ; только дымокъ пошелъ.

Тогда онъ снова къ царю на пиръ вернулся и къ ужину подоспѣлъ.

Долго еще гости всѣ тамъ веселились и гуляли; лишь подъ самое утро стали по домамъ разѣзжаться. Поѣхалъ и Иванъ-царевичъ со своею жинкою.

Приѣхали они домой; жинка вошла въ комнату, бросилась туда, сюда, смотреть вездѣ, что-то ищеть.

— Что ты ищешь, моя голубочка?—спросилъ ее мужъ.

— А не видалъ ли ты тутъ, Иванъ-царевичъ, моей одежды?

— Какой такой?

— Здѣсь я зеленую шкурку сняла. Гдѣ она?

— Э-э-э, такъ я ее въ печкѣ сжегъ.

Молодица заплакала горькими слезами.

— Охъ, что ты надѣлалъ, Иванъ-царевичъ; зачѣмъ ты мою шкуру сжегъ?!

— То жъ ничего, сердынько, мы и безъ шкуры еще лучше заживемъ. — утѣшалъ ее Иванъ-царевичъ.

— Нѣтъ. Намъ надо разлучиться! Полюбила я тебя, мой добрый, ласковый, Иванъ-царевичъ! Мнѣ жаль тебя покинуть.

— Я тебя не пущу, моя любя!

А молодица заплакала еще горше, кровавыми слезами и говоритъ:

— Если бы ты не сжегъ моей шкурки, я бы вѣчно жила съ тобою и помогала бы тебѣ. А теперь нельзя! Прощай! Ищи меня въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ у бабы-яги, костяной ноги... Прощай! Прощай!

Иванъ-царевичъ бросился къ ней, хотѣлъ удержать ее. А она взмахнула бѣлыми ручками, обернулась зозулю *) и вылетѣла въ окошко.

Иванъ-царевичъ выбѣжалъ на дворъ, въ садъ,—туда, сюда, а зозуля давно скрылась въ облакахъ.

Долго Иванъ-царевичъ горевалъ по своей жинкѣ, долго и горько плакалъ онъ, думалъ и спрашивалъ, что ему дѣлать. Никто не зналъ, чтобы ему посовѣтовать.

Вотъ онъ положилъ въ торбу хлѣба, повѣсилъ черезъ плечо кувшинъ, взялъ се-

*) Кукушкою.

ребряный лукъ свой и ушелъ изъ дома жинку искать.

Идетъ онъ да идетъ; идетъ дорогою, полями, лѣсами. Вдругъ встрѣчаетъ старичка, такого стараго, да какъ молоко бѣлаго. Старикъ его и спрашиваетъ:

— Здравствуй, Иванъ-царевичъ, куда тебя Богъ несетъ?

— Иду я, дидусь, куда глаза глядятъ. Иду искать своей жинки. Живетъ она въ тридевятомъ царствѣ, въ тридесятомъ государствѣ, у бабы-яги, костяной ноги... Не знаете ли вы, дидусь, гдѣ это тридевятое царство?

— Какъ же не знать! Знаю, — отвѣчалъ старикъ.

Иванъ-царевичъ себя не вспомнилъ отъ радости.

— Будьте ласковы, дидусенько, скажите мнѣ, куда мнѣ итти?

— Э, сынку, сказалъ бы я тебѣ, да ты все равно не найдешь то царство.

— Все равно, скажите. Можетъ, и найду. А за васъ я всю жизнь буду Бога молить.

— Ну, коли такъ, приходится тебѣ, сынку, помочь. Вотъ возьми этотъ клубочекъ, брось его: куда онъ покатится, туда ты за нимъ

и ступай. Такъ и дойдешь до бабы-яги, ко-
стояной ноги.

Иванъ - царевичъ поблагодарилъ дѣда за клубочекъ, взялъ его, только что выпустилъ изъ рукъ, какъ клубочекъ покотился, а онъ быстрыми шагами пошелъ за нимъ.

Идетъ да идетъ; долго ли, коротко ли, все идетъ густымъ лѣсомъ. Стало темно.

Вдругъ встрѣчается ему медвѣдь. Царевичъ схватился скорѣе за лукъ, хотѣлъ выстрѣлить, а медвѣдь говоритъ ему человѣчьимъ голосомъ:

— Иванъ-царевичъ, будь добръ, не убивай меня: я тебѣ отплачу за это.

Онъ пожалѣлъ его и не убилъ. Идетъ дальше, видитъ — соколъ подъ небесами вьется.

Иванъ-царевичъ схватился за серебряный лукъ, только что наложилъ стрѣлу и хотѣлъ убить его, какъ соколъ заговорилъ человѣчьимъ голосомъ:

— Иванъ-царевичъ, не убивай меня. Я тебѣ сослужу службу!

Царевичъ и сокола пожалѣлъ и не убилъ. Идетъ онъ да идетъ. Передъ нимъ клубочекъ катится, а онъ за нимъ идетъ... Дошелъ до синяго моря. Смотритъ—на берегу

лежить зубастая щука; лежитъ она на солнцѣ, безъ воды, ротъ разинула, еле дышитъ. Иванъ-царевичъ только что хотѣлъ взять ее и сварить, какъ щука заговорила человѣчьимъ голосомъ:

— Охъ, Иванъ-царевичъ, не ѣшь меня. Лучше брось меня поскорѣе въ синее море: я тебѣ сослужу великую службу.

Онъ пожалѣлъ щуку, бросилъ въ море и пошелъ дальше.

Вотъ уже пришелъ онъ, наконецъ, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, а клубочекъ все передъ нимъ катится... Вдругъ онъ остановился. Иванъ-царевичъ видитъ — стоитъ хатка на куриной ногѣ, тростникомъ подперта, — иначе, пожалуй бы, развалилась. Вошелъ онъ въ ту хатку; смотритъ — на печи лежитъ баба-яга, костяная нога: голова ея въ трубѣ, а ноги на полу.

И стала спрашивать баба-яга:

— Ты зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ, Иванъ-царевичъ? Своею волею или неволею?

— Пришелъ я къ вамъ и волею и неволею, — отвѣчалъ царевичъ.

— Что жъ ты скрываешься отъ кого-нибудь?

— Нѣтъ, не скрываюсь я.

— Ну, такъ ищешь кого-нибудь?

— Да, ищу... Ищу я свою милую жинку, зеленую жабу... Не знаете ли вы, баба-яга, гдѣ она?

— Знаю, знаю... Она мнѣ голову чешетъ, когда въ гости приходитъ...

— Гдѣ же она? Скажите мнѣ, бабуся? — спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Она у моего братика наймичкою служить.

— А кто вашъ братикъ и гдѣ онъ живетъ?

Баба-яга, костяная нога сначала не хотѣла говорить, но Иванъ-царевичъ, какъ

началь просить, какъ началь плакать, баба-яга и сказала ему:

— Нечего дѣлать: скажу я тебѣ. Тамъ, на морѣ, есть островъ, а на островѣ — хата... Въ той хатѣ они и живутъ. Только, смотри, берегись, чтобы бѣды съ тобой не случилось. Если увидишь жинку, хватай ее крѣпче и убѣгай, не оглядываясь.

Иванъ-царевичъ поблагодарилъ бабу-ягу и пошелъ къ морю. Пришелъ онъ къ синю морю, а ему и конца не видно. И гдѣ тотъ островъ — неизвѣстно.

Вотъ онъ ходитъ по берегу, голову повѣсивши, и горюетъ. Вдругъ изъ воды выплываетъ щука и спрашиваетъ:

— О чемъ ты горюешь, Иванъ-царевичъ?

Иванъ-царевичъ ей все рассказалъ.

— Такъ, моль, и такъ... Есть на этомъ морѣ островъ. Надо мнѣ туда пробраться. А какъ попасть, я и не знаю...

— Не горюй! — сказала щука. Какъ ударила она хвостомъ по морю, — вдругъ такой мостъ раскинулся, что и у царя такого нѣтъ: перилы золотыя, сваи серебряныя, а настилка стеклянная: какъ идешь, такъ все равно, что въ зеркалѣ на себя любишься...

Иванъ-царевичъ пошелъ по этому мосту и перешелъ на островъ. На томъ островѣ лѣсъ такой густой и темный, что зги не видно и пройти въ него невозможно. Царевичъ нашъ ходитъ около лѣса и плачетъ, ходитъ и плачетъ. Долго такъ ходилъ онъ. А тутъ уже и хлѣба не стало: ѣсть нечего было. Сѣлъ онъ на песочекъ, горюетъ и думаетъ: «Ну, пропаль я теперь».

Вдругъ бѣжить мимо него заяцъ, и убилъ бы онъ его себѣ на обѣдъ, да нечѣмъ: откуда ни возмись, соколъ налетѣлъ на зайца, ударилъ и убилъ.

Иванъ-царевичъ обрадовался,—взялъ того зайца, ободралъ, высѣкъ изъ дерева огня, развелъ костеръ, сдѣлалъ себѣ изъ зайца шашлыкъ и досыта наѣлся.

Вотъ наѣлся онъ и опять сталъ ходить около лѣса; ходитъ и горюетъ; лѣсъ такой темный, густой, что ни за что черезъ него не пройти.

Вдругъ смотритъ — идетъ медвѣдь.

— Здорово, Иванъ - царевичъ, чего ты тутъ ходишь?

— Хочу я къ хатѣ пробратъся, что посреди острова стоитъ, да не знаю, какъ черезъ лѣсъ пройти.

— Я тебѣ сейчасъ помогу.

Какъ началъ медвѣдь дубы ломать да выворачивать, что только трескъ пошелъ кругомъ. Такіе онъ дубы ломалъ, что трое обхватить не могли. Выворачивалъ онъ ихъ, выворачивалъ,—притомился; пошелъ, напился воды и снова началъ ломать... Вотъ проломаетъ немного и снова пить пойдетъ, и опять ломаетъ да ломаетъ. Наконецъ продѣлалъ въ лѣсу дорогу.

Иванъ-царевичъ пошелъ по той дорогѣ; шелъ - шелъ и смотритъ—передъ нимъ прекрасная долина, а въ той долинь не хата, а настоящій дворецъ. Онъ вошелъ въ этотъ дворецъ. Открылъ первую желѣзную дверь—тамъ нѣтъ никого; открылъ вторую серебряную дверь—опять пусто, нѣтъ никого. Какъ открылъ онъ третью дверь, золотую, посмотрѣлъ, да такъ и ахнулъ отъ радости: сидитъ тамъ его милая жинка, зеленая жаба, и прядетъ. Увидавъ Ивана-царевича, она заплакала, бросилась ему на шею и стала говорить:

— Любый ты мой! Молубъ мой сизый, какъ я по тебѣ скучала! Если бы еще немного ты не пріѣхалъ, ты бы меня и въ живыхъ не засталъ.

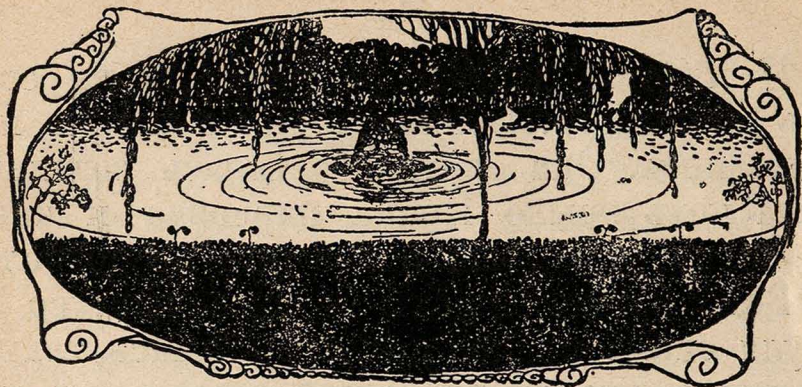
И плачетъ она и радуется, слова сказать не можетъ. Обнялись они и сладко поцѣловались. Она опять обратилась зозулею, взяла подъ крыло Ивана-царевича и такъ шибко полетѣла, что никто ихъ не догналъ.

Вотъ прилетѣли они въ свое царство и зозуля снова въ молодицу обратилась, такую красивую, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать.

— Теперь своею любовью ты меня отъ колдовства избавилъ. Больше ужъ я не буду жабою, — сказала она Ивану-царевичу.

Онъ очень радовался. И царь, и царица, и весь народъ радовались... И живутъ они припѣваючи, хлѣбъ жуютъ да въ лаптѣ золото возятъ.

Человѣкъ, волкъ, кабанъ и медвѣдь.

Шель человекъ по лѣсу; встрѣтили его волкъ, медвѣдь, кабанъ и говорятъ ему:

— Мы слышали о тебѣ, человекъ.

— Скажите, что вы слышали?

— А то, что мы беремъ силой, а ты — умѣньемъ. Кто кого поборетъ?

— Такъ. Вѣрно, — сказалъ человекъ.

— Покажи же намъ умѣнье!

— Я бы вамъ, братцы, показалъ, да оно у меня дома на крюкѣ виситъ.

— То не бѣда жъ! Достань и покажи. А не то мы тебя съѣдимъ!

— Ладно. Знаете что?

— А что же? — спросили его звѣри.

— Возьму я съ собой волка и пойду за умѣньемъ. А кабанъ и медвѣдь пускай здѣсь насъ дожидаются.

Дошелъ онъ съ волкомъ до своей хаты и говорить:

— Подожди тутъ, у порога, я сейчасъ съ умѣньемъ приду.

Волкъ остался, а человекъ пошелъ въ хату, взялъ ружье да какъ выстрѣлить въ волка, и убилъ его.

— Вотъ тебѣ и умѣнье!

Тогда человекъ вернулся въ хату, набралъ сала и колбасъ и пошелъ въ лѣсъ.

— Принесъ ты умѣнье? — спросили его медвѣдь и кабанъ.

— Принесъ, — отвѣчалъ человекъ.

Онъ наложилъ хворосту и сталъ жарить сало и колбасу. Стало оно пахнуть, а медвѣдь и спрашиваетъ:

— Что такъ хорошо пахнетъ? Дай и мнѣ!

А человекъ показываетъ ему на кабана и говоритъ:

— Это онъ. Поди, убей его. Онъ дюже смачный.

Медвѣдь, не долго думавши, выкрутилъ дубъ и убилъ кабана.

Человекъ его взялъ и началъ смолить, и только поджарить — его сало и пригорить, а медвѣдь его рветъ и хватаетъ.

— Подожди, пока осмолю! — закричалъ человекъ. — Не то и умѣнья не увидишь!

— Мнѣ невтерпежь... Не удержаться... Такое оно смачное... Лучше привяжи меня, — сказалъ медвѣдь.

Вотъ человѣкъ привязалъ его къ дубу и спрашиваетъ:

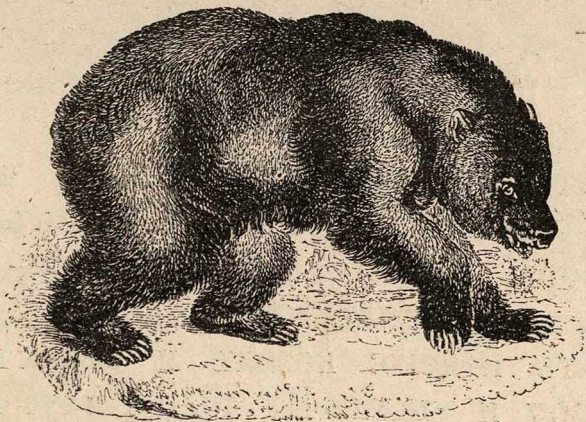
— Что, крѣпко ли я тебя привязалъ? Попробуй, можешь ли оторваться?

Медвѣдь попробовалъ и говоритъ:

— Крѣпко. Теперь не оторвусь!

Тогда человѣкъ взялъ топоръ, убилъ медвѣдя да и говоритъ:

— Вотъ вамъ всѣмъ троимъ мое умѣнье! Что, хорошо ли оно?!

Козель и баранъ.

или-были хохоль и жинка; у нихъ были козель да баранъ.

— Охъ, жинка, — сказала хохоль, — прогонимъ козла и барана: они у насъ только даромъ хлѣбъ ѣдятъ.

— Ото жъ, ладно! Прогонимъ, человиче.

— Убирайтесь, козель и баранъ, съ нашего двора! Живите, гдѣ хотите! — сказала хозяйинъ и прогналь ихъ.

Дѣлать нечего: козель и баранъ сшили себѣ торбу и ушли. Идутъ да идутъ, идутъ да идутъ. Видятъ — посреди поля лежитъ волчья голова.

Баранъ-то былъ сильный, да трусливый; а козель—храбрый, да слабый.

Вотъ козель и говорить:

— Братикъ баранъ, бери волчью голову:
ты сильный!

А баранъ отвѣчаетъ:

— Бери ты, братикъ козель. Я боюсь — ты
храбрый!

Долго они спорили; наконецъ подошли оба вмѣстѣ, схватили волчью голову и спрятали въ торбу.

Пошли дальше. Идутъ да идутъ, идутъ да идутъ... Видятъ, въ полѣ огонь горитъ.

— Пойдемъ туда, братикъ, — сказалъ баранъ; — переночуемъ около огонька, чтобы насъ волки не съѣли.

— Добре! Пойдемъ.

Подошли къ огоньку, смотрятъ — а тамъ волки кашу варять.

Перепугались они до полусмерти, но страха своего не показываютъ.

— А-а-а, здорово, молодцы!

— Здравствуйте, братцы, здравствуйте! Каша еще не кипить... а на мясо вы пригодитесь...

Баранъ шибко перепугался, а козель еще пуще того.

Козель одумался:

— У насъ есть мясо, — сказалъ онъ. —

Подай-ка, баранъ, волчью голову.

Баранъ вынулъ изъ торбы и принесъ.

— Эхъ, не ту... Принеси побольше.

Баранъ догадался, пошелъ къ торбѣ и снова принесъ ту же голову.

— Да не ту же! Принеси самую большую! — закричалъ козель.

Тутъ ужъ волки не на шутку перепугались; стали думать да гадать: какъ бы отсюда удрать.

— Славная у насъ, братцы, теперь компанія. И каша гарна кипить. Только долить нечѣмъ. Пойду я за водой, — сказалъ старшій волкъ и ушелъ.

Другіе волки ждали-ждали, перепугались, стали думать да гадать: какъ бы оттуда удрать.

Средній и говорить:

— Э, вражій сынъ! Ушелъ и сидитъ тамъ: каша пригораетъ — нечѣмъ долить. Вотъ возьму я палку, поколочу его и пригоню сюда.

Какъ побѣжалъ онъ, такъ больше и не вернулся.

А третій сидѣль - сидѣль и весь трясся: — Ой, — говоритъ, — вся каша пригорѣла! Побѣгу я за братьями да пригоню ихъ сюда.

Убѣжалъ безъ оглядки, да и не вернулся.

Козель и баранъ обрадовались, стали хозяйничать. Козель и говоритъ:

— Станемъ, братецъ, скорѣе все хватать, чтобы всю кашу поѣсть. Пожалуй, волки сюда прибѣгутъ.

Между тѣмъ волки одумались:

— И чего мы, право, барана и козла испугались! Насъ трое... Пойдемъ и съѣдимъ ихъ, вражьихъ сыновъ.

Прибѣжали они въ поле; костеръ уже потухъ, каша съѣдена, и баранъ и козель убѣжали. Стали волки думать да гадать, какъ бы козла да барана нагнать. Побѣжали по слѣдамъ, смотрятъ—а они на дубѣ сидятъ.

Козель, что похрабрѣе былъ, на самый верхъ забрался, а баранъ трусливый пониже сидѣль.

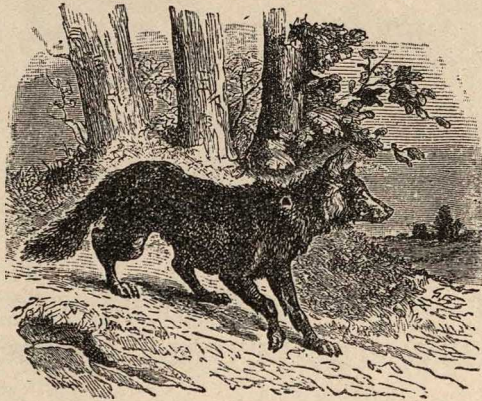
— Ложись, братецъ, да ворожи, что намъ дѣлать съ ними, — сказали волки самому мохнатому.

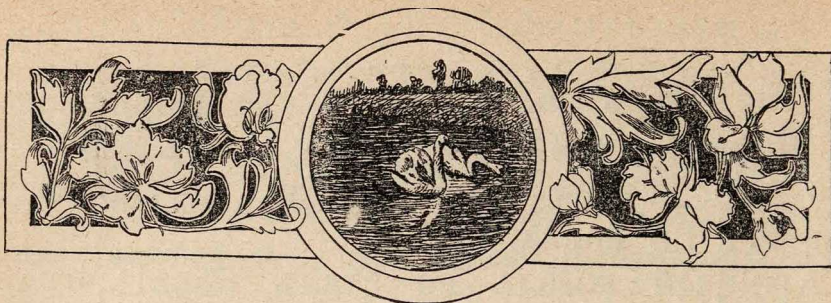
Тотъ легъ подъ дубъ и сталъ ворожить.
Баранъ сидѣлъ на вѣткѣ и такъ дрожалъ,
что все дерево тряслось, да вдругъ какъ
упадетъ на волка.

Храбрый козель не сталъ зѣвать, какъ
закричитъ по-козлиному:

— Бе - бе - бе, давайте мнѣ сюда ворож-
бита! Бе - бе - бе!

Волки такъ перепугались, такъ перепуга-
лись, что пустились бѣжать безъ оглядки,
только мелькали ихъ пятки.

Вѣдьма и солнцева сестра.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ, жилъ-былъ царь съ царицей; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, отроду нѣмой.

Однажды, когда царевичу было 12 лѣтъ, онъ пошелъ къ своему любимому конюху въ конюшню. Конюхъ этотъ очень хорошо сказывалъ сказки, и царевичъ любилъ его слушать.

На этотъ разъ конюхъ не сталъ рассказывать сказку, а съ печалью сказалъ Ивану-царевичу:

— Слушай, мой добрый Иванъ-царевичъ, у твоей матушки скоро родится дочь, а тебѣ сестра. Она будетъ страшная вѣдьма и съѣстъ твоего отца, мать и другихъ людей. Ступай

скорѣе къ отцу, попроси у него наилучшаго коня, будто кататься, а самъ уѣзжай отсюда, куда глаза глядятъ... Лишь бы тебѣ отъ бѣды избавиться!

Иванъ-царевичъ прибѣжалъ къ отцу и впервые заговорилъ: сталъ просить коня. Царь-отецъ такъ обрадовался, что сынъ говоритъ, что не сталъ и спрашивать, зачѣмъ ему нуженъ добрый конь. Онъ приказалъ выбрать наилучшаго коня изъ своихъ табуновъ и осѣдлатъ для Ивана-царевича.

Иванъ-царевичъ сѣлъ на того коня и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго-долго онъ ѣхалъ; пріѣзжаетъ къ избушкѣ—въ ней жили двѣ старушки-швей.

Сталъ просить ихъ Иванъ-царевичъ:

— Возьмите меня къ себѣ жить.

Старухи отвѣчали:

— Мы бы рады тебя взять, Иванъ-царевичъ, да намъ ужъ недолго осталось жить. Вотъ доломаемъ сундукъ иглокъ да изощьемъ сундукъ нитокъ—тотчасъ и смерть придетъ.

Иванъ-царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Долго-долго ѣхалъ онъ; подѣзжаетъ къ Вертодубу и просить:

— Прими меня къ себѣ жить.

— Радъ бы принять тебя, Иванъ-царевичъ, — отвѣчалъ Вертодубъ, — да мнѣ немного остается жить. Вотъ, какъ повыдерну всѣ эти дубы съ корнями, тотчасъ за мною и смерть придетъ!

Пуще прежняго заплакалъ Иванъ-царевичъ и поѣхалъ дальше и дальше.

Подѣзжаетъ къ Вернигору и сталъ его просить:

— Возьми, пожалуйста, меня къ себѣ жить.

А отвѣтъ все одинъ и тотъ же:

— Радъ бы я взять тебя, Иванъ-царевичъ, да мнѣ самому недолго жить. Видишь, поставленъ я горы ворочать, какъ справлюсь съ этими послѣдними, — тутъ и смерть за мной придетъ.

Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами и поѣхалъ еще дальше и дальше.

Приѣхалъ ко дворцу; дворецъ весь червонный: горитъ, переливается. И выходитъ къ нему гарна дивчина: во лбу солнце и подь косою солнце.

— Кто ты такая? — спросилъ ее Иванъ-царевичъ.

— Я — солнцева сестра.

— Прими меня къ себѣ жить!

— Иди! Добре! Будь дорогимъ гостемъ!

Приняла его солнцева сестра, кормила, поила, какъ за роднымъ сыномъ ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нѣтъ-нѣтъ да и взгрустнется по родимой сторонкѣ: хочется ему знать, что въ родномъ углу дѣлается. Взойдетъ онъ на высокую гору, посмотритъ въ ту сторону, гдѣ его отецъ жилъ, вздыхаетъ и горько плачетъ: все - все тамъ съѣдено, только однѣ стѣны остались.

Однажды онъ такъ смотрѣлъ да плакалъ, а потомъ вернулся домой, глаза крас-

ные - красные. Солнцева сестра и спрашиваетъ его:

— Отчего ты нынче, Иванъ - царевичъ, такой заплаканный?

— Вѣтромъ въ глаза надуло, — отвѣчалъ онъ и вздохнулъ.

Въ другой разъ онъ отвѣтилъ то же самое. Солнцева сестра взяла да и запретила вѣтру дуть.

Когда въ третій разъ Иванъ - царевичъ вернулся въ слезахъ, то солнцева сестра ужъ его словамъ не повѣрила и заставила во всемъ признаться. Сталь онъ тогда ее просить:

— Отпусти ты меня, добра-молодца, на родину понавѣдаться. Шибко я стосковался: все не мило...

Солнцева сестра его не пускаетъ, а онъ упрашиваетъ, — такъ-то долго они препирались. Наконецъ упросилъ - таки.

— Нечего дѣлать, Иванъ - царевичъ, отправляйся, коли тебѣ невмочь... Вотъ тебѣ въ путь-дорогу подорожники: щетка, гребенка да два молодильныхъ яблочка. Они тебѣ пригодятся.

Простился Иванъ - царевичъ съ солнцевой сестрой и отправился въ дальній путь.

Пріѣхалъ къ Вернигору, а тому только одну гору осталось своротить. Царевичъ взялъ свою щетку и бросилъ въ чисто поле. Откуда ни возьмись, вдругъ выросли изъ земли высокія-высокія горы, верхушками въ небо упираются и сколько ихъ тамъ — видимо-невидимо. Вернигоръ обрадовался, поблагодарилъ царевича и принялся за работу.

А Иванъ-царевичъ поѣхалъ дальше. Долго ли, коротко ли онъ ѣхалъ, пріѣхалъ къ Вертодубу. А тому всего три дуба вывернуть осталось. Царевичъ взялъ гребенку и кинулъ ее въ чисто поле. Откуда ни возьмись, зашумѣли, поднялись изъ земли и закачались густые дубовые лѣса, — дерево дерева толще!

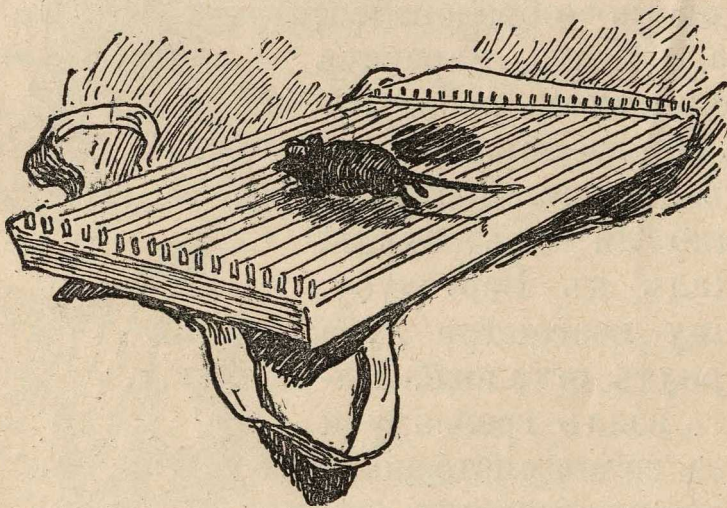
Вертодубъ обрадовался, поблагодарилъ царевича и началъ столѣтніе дубы выворачивать.

А Иванъ-царевичъ поѣхалъ дальше. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ и доѣхалъ до той избушки, гдѣ

жили старыя швеи. Онъ даль старухамъ по яблочку; онъ съѣли и вмигъ помолодѣли и подарили ему хусточку *): благодарили царевича.

— Какъ махнешь ты этой хусточкой — станеть у тебя позади цѣлое озеро.

Пріѣзжаетъ Иванъ - царевичъ домой: все

пусто, всѣ съѣдены. Выбѣжала его сестра на-встрѣчу, приголубила его и говорить:

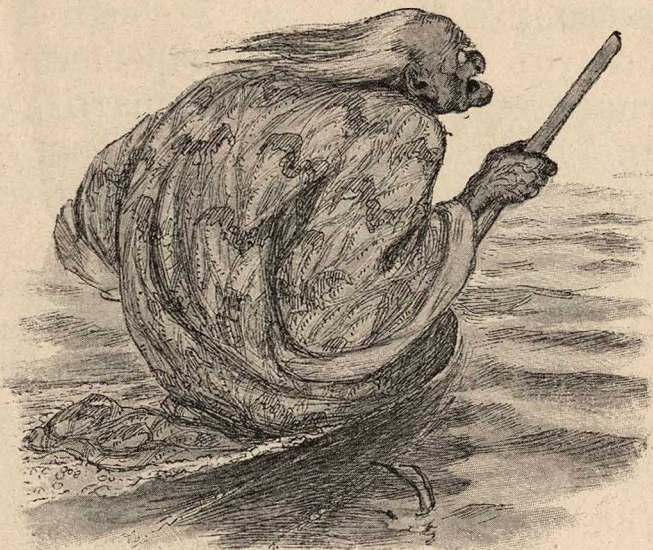
— Садись, братецъ, поиграй на гусяхъ, а я пойду тебѣ обѣдь сготовлю.

Царевичъ сѣлъ, печалится и брэнчитъ на гусяхъ; вдругъ изъ норки выбѣгаетъ мышонокъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ:

*) Полотенце.

— Спасайся, царевичъ! Бѣги отсюда скорѣе! Твоя сестра-вѣдьма ушла зубы точить. Она тебя съѣстъ.

Иванъ-царевичъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ на коня и уѣхалъ назадъ.

А мышонокъ по струнамъ бѣгаетъ: гусли бренчатъ, а сестра и не вѣдала, что братецъ ея ушелъ. Наточила она зубы, бросилась въ горницу, глядь—тамъ ни души нѣтъ, только мышонокъ въ норку скользнулъ. Разозлилась вѣдьма, заскрежетала зубами и бросилась въ погоню.

Иванъ-царевичъ услышалъ шумъ, оглянулся—видитъ, сестра за нимъ на помелѣ не-

сется, вотъ - вотъ нагонитъ его. Царевичъ махнулъ хусточкой, и стало за нимъ цѣлое озеро, огромное и глубокое. Пока вѣдьма переплывала его, онъ уже умчался далеко. Понеслась вѣдьма еще быстрѣе; вотъ - вотъ уже близко...

Вертодубъ угадалъ, что царевичъ отъ сестры спасается, и давай вырывать дубы съ корнями да валить ихъ на дорогу — цѣлую гору накидалъ и загородилъ вѣдьмѣ дорогу.

Пока она путь прочищала: грызла-грызла дубы, Иванъ-царевичъ умчался уже далеко.

Бросилась она догонять его, гналась-гналась... еще немного — и догонитъ... Тутъ Вернигоръ увидалъ вѣдьму, ухватился за самую высокую гору и повернулъ ее какъ разъ поперекъ дороги, а на ту гору навалилъ еще другую. Пока вѣдьма карабкалась да лѣзла, Иванъ-царевичъ мчался да мчался и ускакалъ далеко.

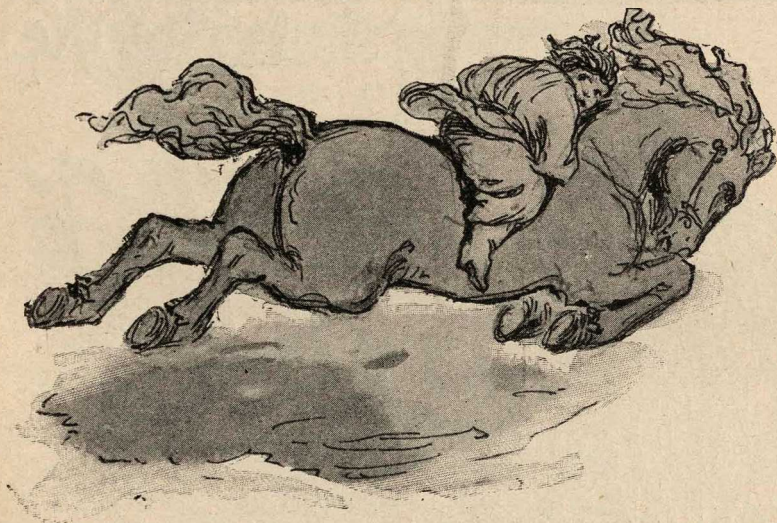
Перебралась вѣдьма черезъ горы и опять погналась за братомъ... Завидѣла его и кричить: «Теперь ужъ ты не уйдешь отъ меня!..»

Вотъ она все ближе... Вотъ уже нагоняетъ... Въ это самое время Иванъ-царевичъ доскакалъ до терема солнечной сестрицы и

громко закричалъ: «Солнце, солнце, отвори оконце!»

Солнцева сестрица живо отворила окно, и царевичъ вскочилъ туда вмѣстѣ съ конемъ.

Вѣдьма стала изо всей силы стучать въ теремъ и просить, чтобы ей выдали брата.

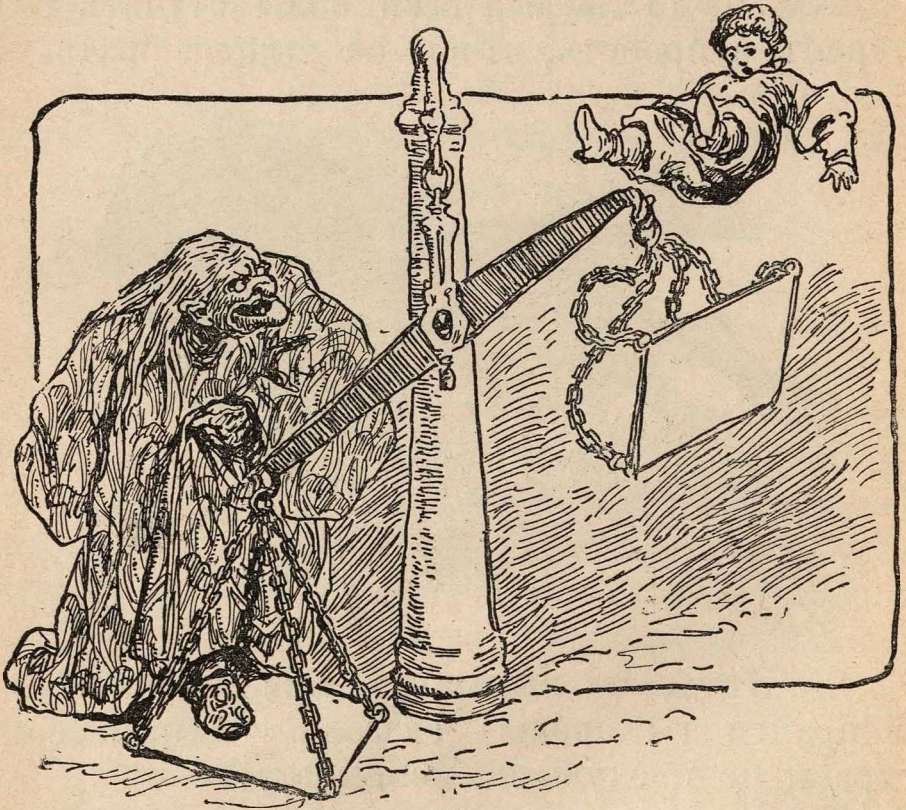
— Нѣтъ, не выдамъ Ивана - царевича!.. Убирайся ты прочь! — сказала солнцева сестра и не послушала, не выдала.

Тогда вѣдьма говорить:

— Пусть Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы вѣшаться, — кто кого перевѣситъ? Если я перевѣшу, такъ я его съѣмъ, а если онъ меня перевѣситъ — пусть меня убьетъ.

Солнцева сестрица не пускала Ивана-царевича, уговаривала не ходить:

— Нѣтъ, не долженъ царевичъ вѣдьмы бояться, — сказалъ онъ и пошелъ.

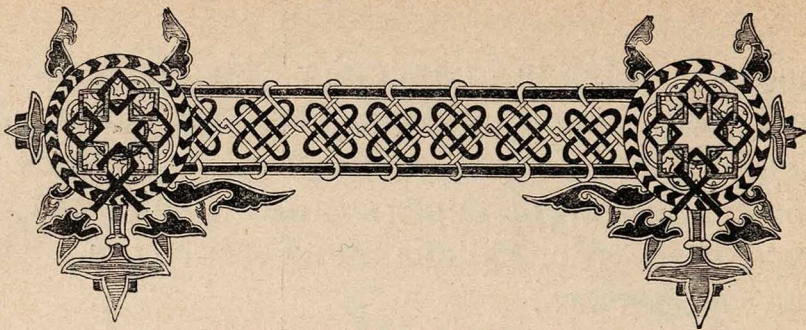

Встрѣтились они. Передъ ними огромные вѣсы. Сперва сѣлъ на вѣсы Иванъ-царевичъ, а потомъ полѣзла вѣдьма... Только ступила она ногой, какъ вѣсы взлетѣли высоко-

высоко... Ивана - царевича подбросило съ
страшной силой вверхъ. Онъ полетѣлъ; ле-
тѣлъ-летѣлъ; летѣлъ да летѣлъ и попалъ на
небо... Смотрить, передъ нимъ знакомый те-
ремъ, а въ теремъ солнцева сестрица... Онъ
туда и влетѣлъ.

А злая вѣдьма осталась жить на землѣ и
по сей часъ тамъ гдѣ-то живетъ.

Коза-дереза.

Жили-были дѣдъ да баба; у нихъ были двѣ дочки: одна Горпынка, а другая Кулинка. Накупили дѣдъ козъ и послали старшую дочку пасти ихъ.

Вотъ Горпынка пасетъ да пасетъ козъ цѣлый день, а вечеромъ ихъ напоила и погнала домой. А дѣдъ всталъ въ воротахъ, въ червонныхъ чоботахъ, да и спрашиваетъ своихъ козъ:

«Козы дорогія,
Козы непростыя,
Ѣли ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?!»

А козы дѣду въ отвѣтъ; одна изъ нихъ закричала громче другихъ:

«Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!»

Какъ бѣжали черезъ лѣсочекъ,
 Ухватили кленовый листочекъ;
 Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
 Пожилился капелькой одною;
 Только ѣли мы, только и пили,
 Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!»

Разсердился дѣдъ на свою старшую дочку Горпынку и выгналъ ее вонъ изъ своей хаты.

На другой день дѣдъ послалъ пасти своихъ козъ младшую дочку Кулинку. Пасла она, хорошо пасла ихъ цѣлый день, а подъ вечеръ напоила ихъ и погнала домой. Дѣдъ опять всталъ въ воротахъ, въ червонныхъ чоботахъ, и спрашиваетъ своихъ козъ:

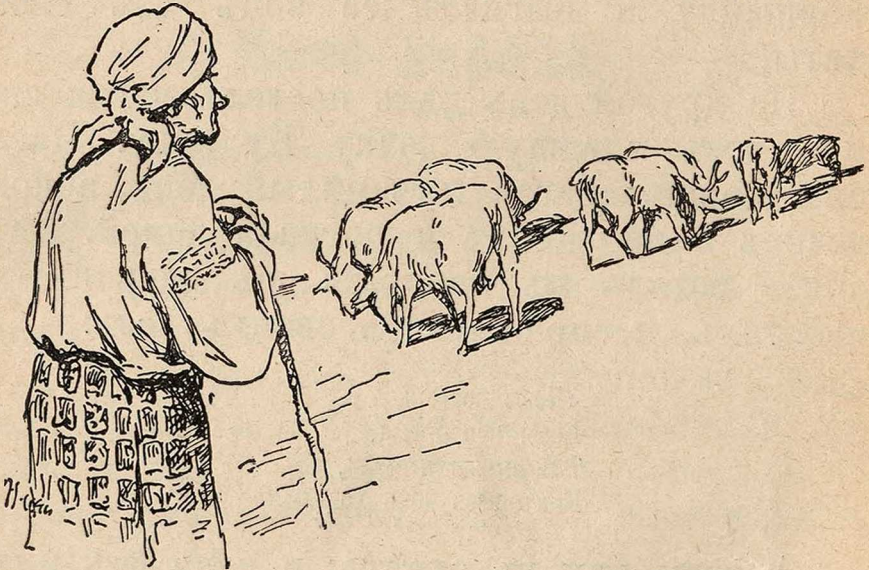
«Козы дорогія,
 Козы непростыя,
 Ёли ль вы и пили,
 Какъ весь день ходили?!»

А козы ему въ отвѣтъ; и одна изъ нихъ громче всѣхъ:

«Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
 Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!
 Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
 Ухватили кленовый листочекъ;
 Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
 Пожилился капелькой одною;
 Только ѣли мы, только и пили,
 Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!»

Осерчалъ старый дѣдъ, сталъ шибко бранить свою младшую дочку Кулинку и прогналъ ее изъ хаты.

На третій день дѣдъ послалъ пасти козъ свою бабу. Старуха пасла козъ цѣлый день, подъ вечеръ напоила ихъ и погнала домой.

А дѣдъ всталъ въ воротахъ, въ червонныхъ чоботахъ, и спрашиваетъ своихъ любимыхъ козъ:

«Козы дорогія,
Козы непростыя,
Были ль вы и пили,
Какъ весь день ходили?!»

А козы дѣду въ отвѣтъ; одна изъ нихъ закричала громче всѣхъ:

«Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
 Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!
 Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
 Ухватили кленовый листочекъ;
 Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
 Поживились капелькой одною;
 Только ѣли мы, только и пили,
 Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!»

Дѣдъ страшно разсердился на свою старую бабу и прогналъ ее изъ дома.

Пришлось теперь дѣду самому пасти своихъ козъ. Надѣлъ онъ старые чоботы и пасъ ихъ цѣлый день: накормилъ травою шелковою, напоилъ водою ключевою, а подъ вечеръ погналъ ихъ домой. Самъ же обошелъ другой дорогой, всталъ въ воротахъ, въ червонныхъ чоботахъ, и спрашиваетъ своихъ милыхъ козъ:

«Козы дорогія,
 Козы непростыя,
 Ёли ль вы и пили,
 Какъ весь день ходили?!»

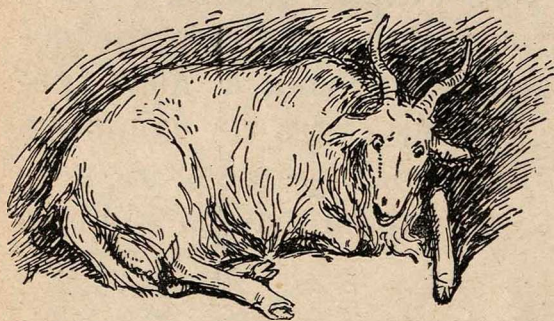
А козы ему въ отвѣтъ; одна жаловалась громче всѣхъ:

«Нѣтъ, не ѣли мы, дѣдъ, и не пили,
 Такъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!
 Какъ бѣжали мы черезъ лѣсочекъ,
 Ухватили кленовый листочекъ;
 Какъ бѣжали потомъ надъ рѣкою,
 Поживились капелькой одною;

Только ѣли мы, только и пили,
Таъ весь день въ чистомъ полѣ и ходили!»

Тогда дѣдъ разсердился не на шутку, началъ драть всѣхъ козъ и рѣшилъ ихъ всѣхъ зарѣзать; только одна коза-то, что кричала громче всѣхъ, вырвалась и съ ободраннымъ бокомъ удрала въ поле

Бѣжала коза, бѣжала безъ оглядки, забѣжала въ лѣсъ, видитъ—стоитъ маленькая хатка;

въ этой хаткѣ жилъ заяцъ, но его въ ту пору не было дома. Вотъ коза забралась въ заячью хатку, залѣзла на печь и сидитъ тамъ. Прибѣжалъ

зайчикъ, слышитъ, кто-то въ его хатѣ на печи ворочается.

— Кто въ мою хату забрался?—спросилъ зайчикъ.

А коза съ печи грубымъ голосомъ отвѣчаетъ:

«Я—коза-дереза,
Съ полъ бока луплена;
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,

Копытцами затопчу,
Хвостикомъ замету!»

Испугался зайчикъ, себя не вспомнилъ и
убѣжалъ въ лѣсъ, сѣлъ подъ дубочкомъ,
плачетъ, горюетъ, лапками слезы утираетъ.
Шель мимо него волкъ, увидѣлъ и спраши-
ваетъ:

— Что ты, зайчикъ, плачешь?

— Въ мою хату забрался страшный звѣрь.
Мнѣ теперь негдѣ жить!

— Не плачь, зайчикъ, я пойду и выгоню
его.

Пошелъ волкъ къ заячьей хаткѣ да и
спрашиваетъ:

— Кто тутъ въ заячью хату забрался?

А коза еще болѣе грубымъ голосомъ отвѣ-
чаетъ:

«Я—коза-дереза,
Съ полъ бока дуплена;
Тупу-тупу ногами,
Заколю тебя рогами,
Копытцами затопчу,
Хвостикомъ замету!»

Волкъ испугался и безъ оглядки убѣжалъ
въ лѣсъ.

А зайчикъ опять подъ дубочекъ сѣлъ,
горько плачетъ, лапками слезы утираетъ. Бѣ-
жала мимо него лисичка и спрашиваетъ:

— Что ты, зайчикъ, плачешь?

Зайчикъ рассказалъ и лисичкѣ свое горе.

— Мнѣ, моль, негдѣ жить. Какой - то страшный звѣрь мою хатку отнял.

— Не плачь, зайчикъ, я пойду и его выгоню, — сказала лисичка.

Пришла лисичка къ заячьей хаткѣ и спрашиваетъ:

— Кто, кто тутъ, въ заячьей хатѣ, живетъ?

А коза, какъ могла грубѣе, отвѣчала:

«Я—коза-дереза,
 Съ полъ бока луплена;
 Тупу-тупу ногами,
 Заколю тебя рогами,
 Копытцами затопчу,
 Хвостикомъ замету!»

Лисичка испугалась и бросилась бѣжать безъ памяти со всѣхъ ногъ.

— Охъ, боюсь я!—сказала она зайчику.— Побѣгу за другими звѣрями и тогда твоему горю мы поможемъ.

Обѣжала лисица всѣ норки и собрала разныхъ звѣрей, — итти выручать зайчика.

Собрались волкъ и медвѣдь, лягушка-поскакушка, грачъ - трубачъ, ежъ - нетрожь да ракъ-бурлакъ. Подошли они къ заячьей хатѣ, и никто не рѣшался въ нее заглянуть.

— Иди, медвѣдь!—сказалъ волкъ.

— Я толстъ, не влѣзу...

— Иди, лисичка!—сказалъ грачъ.

— Я увертлива: хвостъ мѣшаетъ.

— Я очень вкусна... Пожалуй, съѣсть.

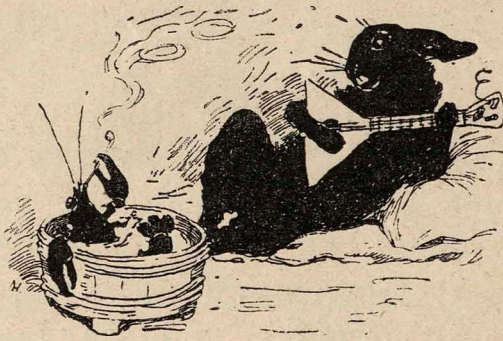
— Иди, ты лягушка!

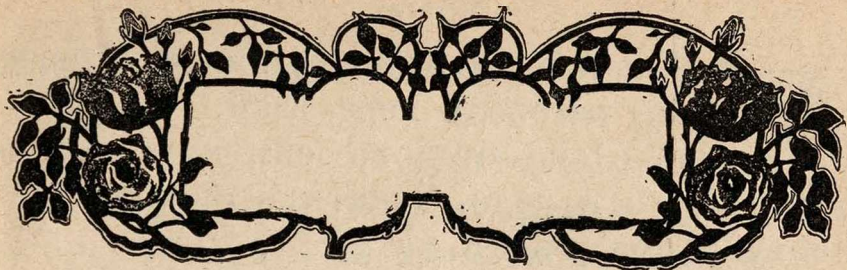
— Ну, такъ я пойду. Чего тутъ препираться,—сказалъ ракъ и полѣзъ въ хату.

Тихонько, бочкомъ, задкомъ, лѣзъ онъ, лѣзъ, взлѣзъ на печь, да какъ ущипнетъ козу за бока клещами. Коза-дереза взвыла и на полъ

свалилась, да безъ оглядки бѣжать пустилась. Всѣ звѣри бросились за нею, поймали и на клочки разорвали.

А зайчикъ съ ракомъ стали въ хаткѣ вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

Лошадиная голова.

или-были дѣдъ да баба. У дѣда была дочка и у бабы была дочка. Свою дочку баба любила, а дѣдову ненавидѣла: все ее бранить, обижаетъ, работать заставляетъ, никогда не похвалить, да и дѣда подговариваетъ, чтобы онъ свою дочку ругалъ.

Пойдутъ бывало обѣ дивчины на посидѣлки; бабина дочка была лѣнивая: хохочетъ съ хлопцами, балагурить, пока всю пряжу не спутаетъ и нитки не порветъ; а дѣдова дочка была прилежная: все прядетъ, скромненько работаетъ и часа не прогуляетъ.

Подъ вечеръ пойдутъ онѣ домой, дойдутъ до изгороди, бабина дочка и говоритъ дѣдовой:

— Дай, я тебѣ, сестричка, пряжу подержу, а ты черезъ изгородь перелѣзай.

Та безъ слова отдасть ей; а той, злой, только этого и надо. Схватить она сестрину работу и бѣжить въ хату.

— Смотри, мама, сколько я сегодня наработала. А сестра ничего не дѣлала, только съ хлопцами балагурила.

Мачеха какъ напустится на падчерицу, какъ начнетъ ее бранить:

— Ахъ, ты, такая-сякая, дурная, лѣнивая, ледащая! Ничего сдѣлать не умѣешь и работать не хочешь!

Дивчинка только горько плачетъ и сердечная слова сказать не смѣетъ, да и все равно ей не повѣрятъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже баба ненавидитъ свою падчерицу, больше ее ругаетъ, обижаетъ и со свѣта сжить помышляетъ.

Вотъ разъ баба и говоритъ дѣду:

— Отведи свою дочку въ лѣсъ; пусть ее тамъ звѣри съѣдятъ. Она лѣнивая—работать не хочетъ и даромъ хлѣбъ ѣстъ.

Дѣдъ долго отказывался, плакалъ: жаль ему было своей дочки. Да что сдѣлаешь со злою бабою? Она и старика своего держала въ рукахъ, и онъ ее боялся. Какъ пристала

она къ нему, какъ пристала—дохнуть не давала:

— Отведи да отведи твою дочку въ лѣсъ. Она де и лѣнивая, и сонливая, и неряха, и непряха. Пусть ее дикіе звѣри съѣдятъ!

Дѣлать нечего, дѣдъ и говоритъ своей дочери:

— Собирайся, дочка, пойдѣмъ въ лѣсъ.

А баба-то обрадовалась, мечется по хатѣ, что-то собираетъ, укладываетъ и говоритъ ласково:

— Вотъ тебѣ, дочка, я собрала два мѣшка: тутъ и мука пшеничная, тутъ и сало—сваришь себѣ галушекъ, спекешь кулешикъ...

Взяла дочка тѣ узелки, горько заплакала и пошла за отцомъ въ лѣсъ.

Шли-шли, долго ли, коротко ли, дошли до лѣсу; смотрять—въ лѣсу дорожка вьется. Батько и говоритъ дочери:

— Пойдемъ этой дорогой, доченька! Куда она насъ приведетъ, тамъ ты и будешь жить.

Пошли. Идутъ лѣсомъ, а лѣсъ густой-густой, что и не проглянешь и конца края не видно. Вдругъ видять они—лощинка, а тамъ пасѣвка и землянка.

Вошли они въ землянку и говорятъ:

— Добрый день!

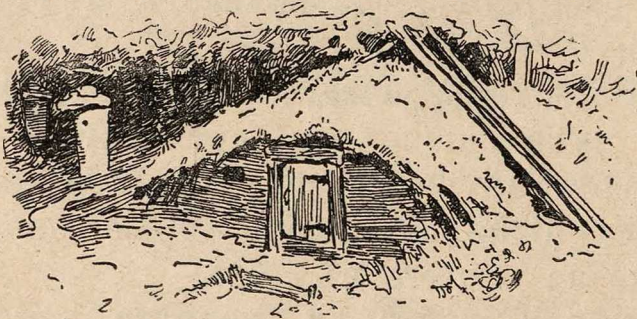
Съ печи слѣзъ старичокъ и поклонился.
— Будьте здоровы, добрые люди!

Сталъ онъ ихъ спрашивать и допытывать, что они за люди, зачѣмъ пришли. Они все рассказали: такъ, молъ, и такъ.

И просить тогда батько того дѣда:

— Прими ты мою дочку къ себѣ жить!

— Пусть остается, — сказалъ дѣдъ. — Я и радъ! Живи у меня замѣсто дочки. Я тутъ

лѣтомъ на пасѣкѣ съ пчелами сижу, а ты будешь домовничать, около огорода ходить... И зимою вдвоемъ веселѣе время коротать.

Батько тогда говоритъ дочкѣ:

— Посмотри, доченька, что тамъ мать тебѣ въ узлы навязала, да приготовь намъ ужинъ, а я пойду, дровецъ нарублю.

Развязала дѣвушка тѣ узелки, смотритъ: въ одномъ — зола, а въ другомъ — пепель. Громко она тогда заголосила.

— Не плачь, дитятко, — сказалъ дѣдъ. —
 Пойди въ кладовушку, у меня тамъ всякая-
 всячина есть; набери муки пшеничной, сала
 да свари галушекъ.

Дѣвушка пошла, взяла муки, замѣсила,
 затопила печь и начала готовить ужинъ.

Дѣдъ пошелъ на ночь домой въ село:
 ему надо было взять ульевъ и кое-какихъ
 харчей. Батько сказалъ, что переночуетъ въ
 землянкѣ, а завтра ранехонько уйдетъ домой.
 Онъ сказалъ это нарочно для того только,
 чтобы дочка не плакала. Самъ вышелъ изъ
 землянки, взялъ колодочку, привязалъ къ углу
 и скорѣе ушелъ домой.

Какъ только вѣтеръ повѣетъ, колодка объ
 уголь и застучитъ.

А дивчинка въ землянкѣ услышитъ и
 скажетъ:

— То мой батенько дровца рубить.

Вѣтеръ опять повѣетъ, колодочка опять
 стукъ да стукъ. А дивчина, стряпая ужинъ,
 прислушается и скажетъ:

— То мой батенько дровца рубить.

Вотъ она все состряпала, ужинъ собрала.
 Ждетъ-ждетъ, а батько все не идетъ ужинать,
 Ждала она, ждала да и говорить:

— Пойду, позову моего батеньку. Что онъ такъ долго.

Вышла, обошла кругомъ хаты, батьки нѣтъ какъ нѣтъ. А на дворѣ такая темень. Хоть глаза выколи...

Вернулась она въ хату, сѣла и заплакала; не стала одна ужинать. Походила - походила по хатѣ:

«Пойду, — думаетъ, — буду кликать... Можетъ, кто-нибудь отзовется».

Вышла, стала на порогъ и аукаетъ-аукаетъ:

— Ой, ау! Ой, ау! Кто въ лѣсѣ, кто за лѣсомъ, идите ко мнѣ ужинать!

Никто не откликается. Дѣвушка опять:

— Ой, ау! Ой, ау! Кто въ лѣсѣ, кто за лѣсомъ, идите ко мнѣ ужинать!

Она въ третій разъ также стала аукать, звать.

Вдругъ пошелъ по лѣсу громъ и стукъ... Кто-то къ дѣдовой дочкѣ ужинать пришелъ и стучить у порога и грубымъ голосомъ говорить:

— Дивчина, дивчина, отвори!

Она отворила.

— Дивчина, дивчина, через порогъ пересади!

Она пересадила. Анъ, смотреть — это лошадиная голова.

— Дивчина, дивчина, посади меня на печь!

Она посадила.

— Дивчина, дивчина, давай мнѣ ужинать!

Она подала головѣ ужинать.

— Дивчина, дивчина, влѣзь мнѣ въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзь!

Только хотѣла она влѣзть въ правое ухо, заглянула туда, а тамъ всякаго добра видимо-невидимо! Чего тамъ только не было!.. И одежда дорогая парчевая, и яства сахарныя, и кони, и кучера, и кареты... А золота, серебра — и не перечесть!..

— Бери себѣ всего, сколько хочешь, — сказала лошадиная голова. — Это за то, что ты до меня была ласкова да услужлива...

Дѣвушка набрала себѣ всякой-всячины и вылѣзла изъ лѣваго лошадинаго уха. А голова загудѣла и скрылась, точно сквозь землю провалилась.

Рано утромъ вернулся дѣдъ. Вошелъ въ свою землянку и не узнаетъ... Куда тебѣ!

Не узнать бѣдной землянки и сироты — дѣдовой дочки... Все тамъ прибрано, какъ въ боярской свѣтлицѣ. Дѣдова дочка сидитъ, какъ панночка, пышно одѣтая въ шелковое

платье, въ золото и самоцвѣтные каменья, около нея служанки да слуги увиваются, въ глаза смотрять. Только она глазомъ мигнетъ — они уже ее понимаютъ и всѣ ея желанія исполняютъ. Какъ вошелъ дѣдъ, она къ нему съ ласкою бросилась, все рассказала и много денегъ дала.

— Это вамъ, дидусенько, за то, что пожалѣли вы меня, несчастную сироту, и приняли за дочку.

Потомъ велѣла она запрячь карету и поѣхала къ своему батькѣ. Мачеха думала, что ее уже давно въ лѣсу звѣри разорвали. Какъ вошла она въ хату, пышная, нарядная, никто ее не узналъ. Когда она все рассказала, то мачеха чуть со злости да съ зависти не допнула, такъ объ полъ и ударилась.

Дивчина погостила недолго, дала батькѣ денегъ на разживу и уѣхала въ городъ, тамъ купила себѣ замокъ и зажила панною.

Какъ только дивчина уѣхала, баба давай и давай допекать дѣда:

— Отведи да отведи скорѣе туда мою дочку, гдѣ и твоя была. Пусть и она станетъ такою же панночкой.

— Ну, что жъ, пускай собирается... Отведу, — отвѣчалъ отецъ.

Вотъ баба наготовила своей дочкѣ всякаго кушанья да не золы и сажки, какъ падчерицѣ, а помпушекъ пшеничныхъ, галушекъ да всякаго лакомства. Обнимала и цѣловала любимую дочку и говорить:

— Слушай, мила доченька, батьку; куда онъ тебя поведетъ, туда и иди.

Пошли они. Зашли въ лѣсъ. А лѣсъ темный-темный; дубы такіе толстыя, что и тримъ не обхватить и хотъ бы гдѣ какая-нибудь тропиночка; кажется, тамъ никогда человѣческая нога не бывала.

Шли они, шли, видятъ: стоитъ хатка на куричьихъ ножкахъ. Они вошли въ ту хату. Отецъ и говоритъ:

— Здорово, кто тутъ живетъ?

Никто не откликнулся. Заглянули они на печь—и тамъ никого нѣтъ.

— Ну, оставайся тутъ, дочка, а я пойду, тебѣ дровецъ нарублю, а ты ужинь приготовь,—сказалъ дѣдъ.

Вышелъ онъ изъ хаты, опять привязалъ къ углу колодочку, а самъ скорѣе ушелъ домой.

Вѣтеръ повѣетъ, колодочка застучитъ, а бабина дочка думаетъ:

«То мой батько дрова рубить».

Наварила она ужинать, ждетъ-ждетъ батьку, а его нѣтъ и нѣтъ. Вотъ она вышла изъ хаты и кликаетъ:

— Ой, вы, кто въ лѣсу, кто за лѣсомъ, идите ко мнѣ ужинать!

Никто не откликается, не идетъ. Она въ другой, въ третій разъ стала кликать.

Вдругъ застучало, загремѣло въ лѣсу. То лошадиная голова явилась передъ хатой и просить:

— Дивчина, дивчина, отвори!

А та ей сердито въ отвѣтъ:

— Не велика барыня, и сама отворишь.

— Дивчина, дивчина, пересади черезъ порогъ!

— Не велика барыня и сама перелѣзешь!

— Дивчина, дивчина, посади меня на печь!

— Не велика барыня взлѣзешь и сама.

— Дивчина, дивчина, влѣзь ко мнѣ въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзь.

— Не хочу! Не хочу! Вотъ еще, что выдумала!—сердито закричала дѣвушка.

— А, коли ты такъ! Не хотѣла меня слушать, такъ я тебя съѣмъ!—крикнула голова. Она ухватила бабину дочку, взлѣзла на печь, забралась въ самый уголь и съѣла ее, а косточки положила въ торбу и торбу повѣсила на гвоздь.

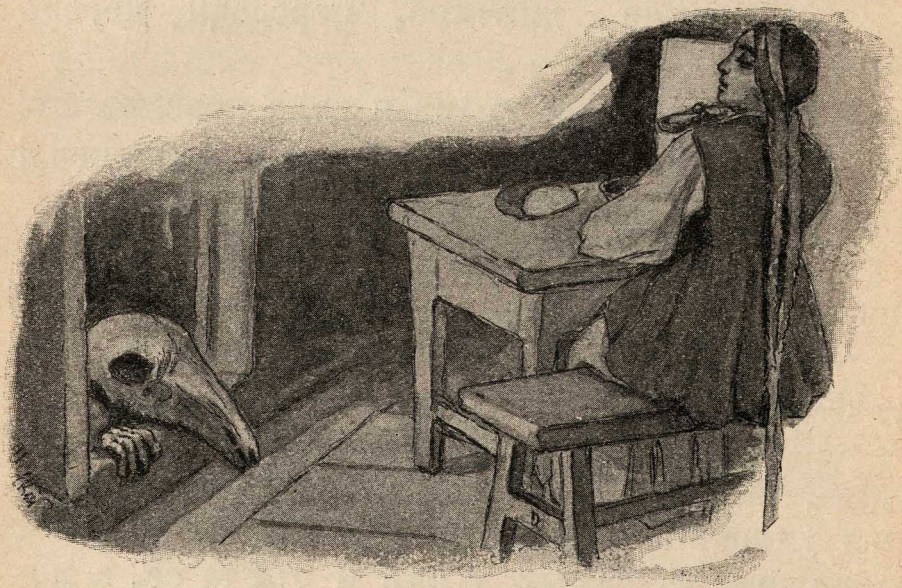
А баба тѣмъ временемъ ждетъ - пождетъ дочки... Все на дорогу смотреть, что вотъ-вотъ она панночкой пріѣдетъ.

У бабы была собачонка. Она всегда правду лаяла.

Вотъ разъ собачонка бѣгаетъ около хаты,
да знай себѣ тьявкаеть:

— Тьявъ - тьявъ - тьявъ! Дѣдова дочка, пан-
ночкой живетъ, а бабиной косточки торбочка
несеть!

Баба слушала-слушала, разсердилась, бро-

сила въ собачонку камень и перебила ей
ногу. А собачонка на трехъ ногахъ прыгаетъ
и знай тьявкаеть:

— Тьявъ - тьявъ - тьявъ! Дѣдова дочка, какъ
панночка живетъ, а бабиной косточки тор-
бочка несеть!

Баба перебила ей и другую ногу. А собачонка не унимается, прыгает на двухъ ногахъ и все свое тьявкаетъ. Баба перебила ей всѣ ноги, а она все-таки не унимается и свое тьявкаетъ.

Баба стала посылать дѣда:

— Поди да поди скорѣе, диду, навѣдаися къ моей дочкѣ. Привези ее скорѣе домой

Дѣдъ пошелъ; нашель ту же хатку, гдѣ оставилъ бабину дочку, вошелъ туда, а тамъ никого нѣтъ. Взглянулъ на печь, а тамъ висить торбочка; та торбочка полна костей.

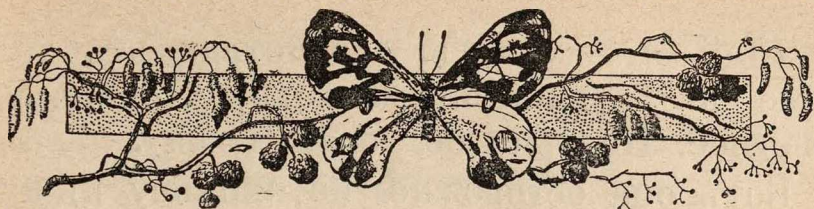
«Эхъ, правду собачонка-то тьякала», подумалъ дѣдъ.

Пришелъ онъ домой, показалъ бабѣ тѣ косточки, — какъ заплакала она да начала его бранить, какъ начала его бранить:

— Ахъ ты, такой-сякой. Можетъ, ты нарочно ее звѣрямъ отдалъ. Можетъ, нарочно ее со свѣта сжилъ. Ахъ ты, такой-сякой!

И не было уже бѣдному дѣду просвѣта до самой смерти.

Бѣдовая лисичка.

Жили-были дѣдъ да баба. Пошли они въ поле жито жать. Взяли съ собою горшокъ молока, чтобы пообѣдать. Пришли они въ поле; баба и спрашиваетъ дѣда:

— Дидусь, куда бы мнѣ горшокъ съ молокомъ спрятать?

— Поставь, старая, въ кусты

Баба послушала дѣда и спрятала горшокъ съ молокомъ въ кусты. Сверху горшокъ допушкомъ былъ накрытъ да лычкомъ обвязанъ.

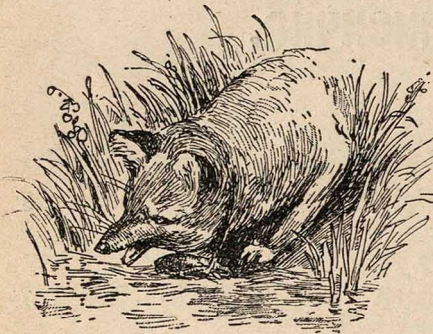
Пошли старики жать. Жнутъ да жнутъ.

Бѣжала лисичка, увидѣла въ кустахъ кувшинъ. Была она очень любопытная, да и проголодалась порядкомъ.

«Дай-ка,—думаеть,—посмотрю, что тамъ такое въ кувшинѣ? Можетъ, что - нибудь съѣстное. Недурно бы поживиться».

Вотъ она осторожно, потихоньку къ кувшину подкралась, лопушокъ прогрызла и видитъ молоко.

— Ахъ, добре! Давно я молочка не пробовала.

Сказала и начала лакать. Вкусно. Лакала-лакала; сперва, пока кувшинъ полонъ былъ, удобно было острой мордой управляться, а чѣмъ дальше — тѣснѣй да тѣснѣй становилось;

дальше и мордочка не лѣзеть.

«Что дѣлать? — думаетъ лисичка. — Не бросать же такъ вкусное молоко».

Стала она совать все глубже да глубже голову въ молоко. Засунула такъ глубоко, что назадъ и не вытащить... Бѣгаетъ лисичка, головою трясеть и говорить:

— Ну, кувшинчикъ, ну, любый, пошутить и будетъ! Выпусти мою голову! Будетъ, голубчикъ! Пусти меня!

Тѣмъ временемъ дѣдъ и баба обѣдать собрались. Пошли въ кусты, глядь—ихъ кувшинъ на боку и шевелится. Сначала они испугались. Дѣдъ, какъ гаркнетъ, какъ свистнетъ. У лисички душа въ пятки ушла.

Рванулась она, метнулась, туда, сюда; не знаетъ, въ которую сторону бѣжать. Головой

она вертитъ, мотаетъ; по счастью, за пень ударилась и кувшинъ вдребезги разбила. Дѣдъ и баба бросились за ней. А лисичка пустилась на утекъ—только хвостъ замелькалъ. Бѣжала-бѣжала, ужъ и стариковъ тѣхъ давно не было видно... А она все бѣжитъ. Наконецъ кое-какъ опомнилась, побѣжала тише.

— И чего я, глупая, такъ сильно испугалась, — говоритъ сама себѣ лисичка. — Эка невидаль — кувшинъ! Ничего въ немъ нѣтъ страшнаго!

Только она это сказала, анъ видитъ такой же кувшинъ, только съ веревочкой, на дорогѣ лежитъ, противъ вѣтра горлышкомъ повернулся и гудитъ: «бумъ-бумъ-бумъ-бу!»

Увидала его лисичка и засмѣялась.

— Слушайте, слушайте, какъ онъ гудитъ, еще и пугаетъ! Будто и въ самомъ дѣлѣ кто его боится! Вотъ понесу тебя да утоплю.

Да съ этими словами схватила она кувшинъ за веревку, что была у его горлышка привязана, накинула себѣ на шею и побѣжала къ рѣкѣ.

Прибѣжала на берегъ да, не снимая съ шеи веревки, начала кувшинъ топить.

Кувшинъ набираетъ воды да булькаетъ: «буль-буль-буль!»

А лисичка думала, что кувшинъ просится, и говоритъ: «будетъ, будетъ, будетъ...»

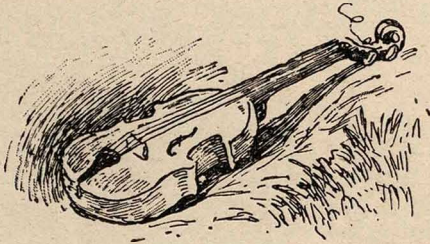
— Какъ разъ! Не жди! Лучше и не просись: ни за что не пущу. Твой братъ скверную штуку сыгралъ со мною! Я тебя утоплю.

Кувшинъ набрался до краевъ воды и совсѣмъ потянулъ лисицу въ воду.

— Стой! Это что за шутки! Пусти, дурной! — закричала лисичка.

А кувшинъ знай тянетъ да тянетъ.

Видитъ лисичка, что шутки плохи, испугалась, завертѣлась такъ, сякъ... вырвалась и убѣжала.

Побѣжала она чистымъ полемъ. Видитъ — лежитъ скрипочка. Вѣтеръ по ея струнамъ порхаетъ да такъ чудесно наигрываетъ.

Лисичка остановилась, слушала - слушала да и говорить:

— Хорошо поешь, да меня не обманешь! Знаю я васъ... Кувшины меня научили... Теперь все знаю...

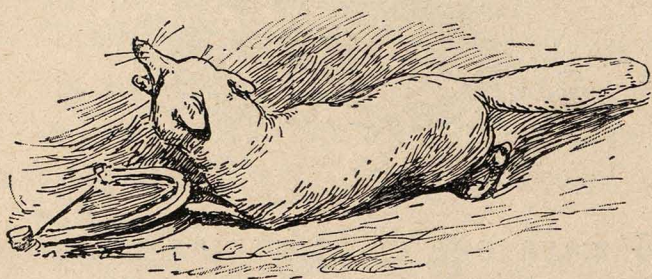
Сказала это и далеко обѣжала скрипочку.

Прибѣжала къ своей норкѣ; видитъ — какая-то игрушка стоитъ.

— Это еще что?! Скажите, какія хитрости... Будто я боюсь!

Она хотѣла убѣжать. Потомъ раздумала. Подбѣжала къ игрушкѣ, торкъ ее лапкой. Капканъ «трахъ! трахъ!» захлопнулся и лисичкины ноги прищемилъ.

На утро пришелъ охотникъ и вмѣстѣ съ съ капканомъ унесъ лисичку къ себѣ.

Корабль-самолетъ.

равно это было, можетъ-быть, не только когда нашихъ дѣдовъ, но и прадѣдовъ и прапрадѣдовъ на свѣтѣ не было...

Жили - были дѣдъ да баба; у нихъ было три сына: два умныхъ, а третій дурень. Разумныхъ сыновей дѣдъ и баба любили: баба имъ каждую недѣлю чистыя рубахи мѣняла, а дурня всѣ бранили, на-

смѣхались надъ нимъ; онъ сидѣлъ на печи въ грязной рубахѣ; если дадутъ ему ѣсть — онъ поѣстъ, а если не дадутъ. то и голоднымъ насидится.

Вотъ случилось, что по той странѣ пронесся слухъ: царь написалъ указъ, чтобы всѣ къ нему на обѣдъ собирались. Если же найдется такой человекъ, что построить корабль-самолетъ и на томъ кораблѣ къ царю прилетитъ, — за того царь отдастъ свою дочку замужъ.

Разумные братья стали между собою говорить да совѣтываться: «Пойти бы намъ къ царю на обѣдъ: можетъ, мы тамъ наше счастье найдемъ».

Посовѣтовались они между собою и стали у батька съ матерью проситься:

— Благословите насъ, пойдѣмъ мы къ царю на обѣдъ. Потерять мы ничего не потеряемъ, а, можетъ-быть, тамъ наше счастье найдемъ.

Батько ихъ отговариваетъ; мать плачетъ. Нѣтъ, гдѣ тутъ, не слушаютъ:

— Пойдемъ и пойдѣмъ... Благословите насъ въ путь-дорогу!

Нечего дѣлать: старики благословили ихъ, баба надавала имъ пшеничныхъ хлѣбцевъ,

сжарила поросенка, налила флягу горилки и поплакала.

Они пошли

А дурень сидѣль-сидѣль на печи и тоже сталь проситься:

— Тату и мамо, пойду и я туда же, куда мои братики пошли.

Старики разсмѣялись.

— Куда ты, дурень, въ грязной рубахѣ пойдешь?!

Мать его пугнула:

— Тебя тамъ волки съѣдятъ!

— Ни, мамо, не съѣдятъ. То жъ я волковъ не боюсь! Какъ хотите, а я пойду и пойду!

Старики сначала смѣялись, а послѣ ужъ сердиться стали. Ничего съ дурнемъ не подѣлать, стоитъ на своемъ и твердить одно:

— Пойду и я туда, куда братья ушли!..

— Ну, иди! Дурень, такъ дурень и есть!— закричали старики. — Иди, куда хочешь, и больше къ намъ не возвращайся! И никому не говори, что ты сынъ нашъ...

Баба дала ему торбу, наложила туда чернаго черстваго хлѣба, дала бутылку воды и выпроводила его за порогъ.

Онъ пошелъ. Идетъ да идетъ. Вдругъ дорогою у лѣсочка встрѣчаетъ дѣда. Дѣдъ старый, а борода совсѣмъ бѣлая до колѣнъ.

— Здорово, диду!

— Здорово, сынку!

— Куда ты идешь, диду?

— Куда глаза глядятъ. Хожу по свѣту да людей изъ бѣды выручаю. А ты куда, сынку, идешь?

— А я иду къ царю на обѣдъ.

— Развѣ ты умѣешь сдѣлать такой корабль, чтобы самъ леталъ?

— Нѣтъ, не умѣю.

— Такъ зачѣмъ же ты, сынку, идешь?..

— Я и самъ не знаю, дидусь, зачѣмъ. Братья пошли. Потерять я ничего не потеряю, а, можетъ, тамъ свое счастье найду.

Бѣлый дѣдъ покачалъ головой и указалъ рукой на траву.

— Садись, сынку, отдохни. Перекусимъ немного. Вынимай-ка, что у тебя въ торбѣ есть?

— Э, дидусенько, ничего тамъ нѣтъ... Только черствый хлѣбъ... Такой черствый, что вамъ и не сжевать.

— Ничего, вынимай!

Вотъ дурень сталъ вынимать изъ торбы черный хлѣбъ, смотритъ—а изъ того хлѣба такіе пшеничники бѣлые сдѣлались, что онъ такихъ сроду не ѣдалъ, — развѣ, что такіе паны ѣдятъ.

— Ну, что же, сынку, какъ же закусовать, не выпивши?—говоритъ дѣдъ.— Нѣтъ ли у тебя въ торбѣ горилки?

— Э-э-э, дидусь, какая тутъ горилка?! Есть у меня только бутылка воды.

— Ну, ничего. Вынимай!

Досталъ дурень бутылку, попробовалъ, такая тамъ оказалась крѣпкая горилка, что онъ сроду такой не пивалъ.

— Ото жъ, смачно!—похвалилъ онъ.

— Ну, то-то же!—сказалъ дидокъ.—Вотъ какъ Богъ дурню помогаетъ!

Вотъ они разостлали свитки на травѣ и расположились обѣдать.

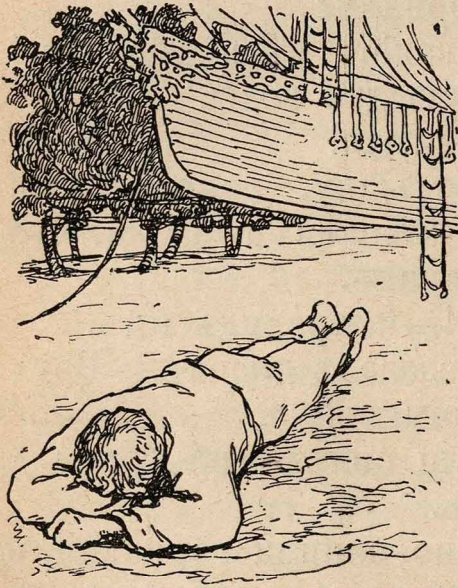
Пообѣдали они сытно, запили горилкой, и дѣдъ поблагодарилъ дурня за хлѣбъ да за горилку.

Потомъ дѣдъ и говоритъ дурню:

— Слушай, сынку, что я тебѣ скажу: вотъ тебѣ топоръ, иди теперь въ лѣсъ, подойди къ самому толстому дереву, перекрестись трижды ихвати топоромъ то дерево, а самъ

скорѣе бросайся на землю и лежи, пока тебя кто-нибудь не разбудить. Коли встрѣтишь кого дорогою, забирай съ собою.

Дурень поблагодарилъ дѣда, взялъ топоръ, распрощался съ нимъ и пошелъ въ лѣсъ, а дѣдъ пошелъ своею дорогою.

Вотъ вошелъ дурень въ лѣсъ, подошелъ къ самому толстому дереву, хватилъ его топоромъ изо всей силы, самъ бросился на землю, да и заснулъ. Спалъ онъ крѣпко спалъ... Вдругъ слышитъ: кто-то его будить:

— Вставай, вставай! Уже твое счастье пришло! Вставай!

Дурень проснулся; вскочилъ на ноги, смотритъ — а передъ нимъ чудесный, огромный корабль стоитъ: самъ золотой, снасти серебряныя, а паруса шелковые; такъ они надулись, что вотъ-вотъ корабль сейчасъ полетитъ!

Дурень, не долго думавши, вскочилъ на корабль, онъ снялся съ якоря, и они полетѣли... Поднялись высоко-высоко: выше земли, ниже неба...

Летѣлъ дурень, летѣлъ, смотритъ—на большой почтовой дорогѣ лежитъ человѣкъ на землѣ и ухомъ къ чему-то прислушивается.

— Эй, дядьку, здорово! — крикнулъ ему дурень.

— Здорово, племянничекъ!

— Что ты это дѣлаешь?

— А вотъ слушаю, всѣ ли гости собрались къ царю на обѣдъ.

— А развѣ ты туда же идешь?

— Туда, туда!

— Ну, такъ намъ по пути... Садись, я тебя подвезу.

— Добре!

Онъ сѣлъ. Корабль полетѣлъ дальше.

Летѣлъ дурень, летѣлъ, смотритъ—по большой почтовой дорогѣ идетъ человѣкъ: одна нога за ухо привязана, а на другой скачетъ...

— Эй, дядьку, здорово! — закричалъ дурень.

— Здорово, племянничекъ!

— Что это ты на одной ногѣ скачешь?

— Оттого я такъ скачу, что если бы я другую ногу отвязаль, то сразу бы черезъ весь свѣтъ перепрыгнуль. А я этого не хочу...

— Куда же ты идешь?

— Къ царю на обѣдь.

— Э, такъ садись съ нами!

— Добре. Спасибо!

И тотъ сѣлъ. Корабль полетѣлъ.

Летѣлъ дурень, летѣлъ, смотритъ: на дорогѣ стоитъ охотникъ и прицѣливается изъ лука. Кругомъ вдаль ни деревца, никакой птицы, ни звѣря не видно.

— Эй, здорово, дядьку! — крикнуль дурень.

— Здорово, племянничекъ!

— Куда это ты цѣлишься, коли кругомъ ни птицъ, ничего не видно?

— Это вамъ не видно... А мнѣ видно. За сто миль отсюда сидитъ ястребъ на сухой грушѣ.

— Ну, ладно, садись съ нами!

— Онъ сѣлъ. Корабль полетѣлъ дальше.

Летѣли они, летѣли, смотритъ дурень: по дорогѣ идетъ человекъ и несетъ за плечами полонъ мѣшокъ хлѣба.

— Здорово, дядьку! — закричалъ дурень.

— Здорово, племянничекъ!

— Куда это ты идешь?

— Иду хлѣба на обѣдъ добывать.

— На что тебѣ еще хлѣба, коли у тебя за спиной полонъ мѣшокъ?

— Много ли тутъ! Мнѣ и на одинъ разъ нехватить...

— Ну такъ, садись съ нами!

— Ладно! Спасибо!

Сѣлъ и этотъ. Корабль полетѣлъ.

Летѣли они, летѣли, дурень смотритъ: около огромнаго озера ходитъ человѣкъ и чего-то ищетъ.

— Здорово, дядьку! — закричалъ дурень.

— Здорово, племянничекъ!

— Чего ты тутъ ищешь?

— Пить очень хочется... Воды не могу найти...

— Передъ тобою цѣлое озеро... Чего жъ ты не пьешь?!

— Много ли тутъ воды?! Мнѣ и на одинъ глотокъ нехватить!

— Ну, такъ садись лучше съ нами...

— Добре! Спасибо!

Онъ сѣлъ. Корабль полетѣлъ.

Летѣли они, летѣли, дурень смотритъ: идетъ человѣкъ въ село и несетъ кулъ соломы

— Здорово, дядьку! — закричалъ дурень.

— Здорово, племянникъ!

— Куда ты солому несешь?

— Въ село.

— Вотъ невидаль! Развѣ въ селѣ соломы нѣтъ?!

— Есть, да не такая...

— А развѣ у тебя особенная?!

— Да... У меня такая солома, что какое бы жаркое лѣто ни стояло, только раскидать эту солому, — сейчасъ же явятся снѣгъ и морозъ.

— Ладно. Садись съ нами!

Онъ сѣлъ, и корабль полетѣлъ.

Летѣли они, летѣли, дурень видитъ, что идетъ человекъ и несетъ вязанку дровъ за плечами.

Дурень крикнулъ:

— Здорово, дядьку!

— Здорово!

— Куда ты дрова несешь?

— Въ лѣсъ.

— Вотъ тоже, что вздумалъ! Развѣ въ лѣсу дровъ нѣтъ?

— Какъ не быть... Да только не такія...

— А какія же?

-- Въ лѣсу дрова простыя... А эти... Вотъ только разбросать ихъ—явится передъ тобою несмѣтное войско...

— Ну, ладно. Садись съ нами!

Усѣлся и этотъ. Корабль полетѣлъ.

Долго ли, коротко ли они летѣли, близко ли, далеко ли, наконецъ прилетѣли къ царю на обѣдъ.

А тамъ посреди двора столы накрыты и всякими яствами заставлены, и бочки горилки и меду выкачаны... Ышь и пей, чего только чья душенька пожелаетъ...

А людей понашло и понаѣхало столько, что и не перечесть. Со всѣхъ концовъ, съ разныхъ государствъ собрались и старыя, и малыя, и паны, и мужики, и богатые, и бѣдные, и самыя убогія калѣки... На дворѣ стонъ-стономъ стоялъ, точно на ярмаркѣ.

Вдругъ корабль прилетѣлъ, спустился передъ окнами царя, и дурень со своими товарищами сошелъ съ того корабля. Всѣ они пошли обѣдать.

Царь смотритъ въ окно и удивляется: золотой корабль прилетѣлъ и какіе-то люди съ него сошли.

Вотъ онъ и посылаетъ своихъ царедворцевъ узнать, кто это пріѣхалъ на корабль-самолетъ?

Пошли царедворцы, узнали, вернулись, усмѣхаются и докладываютъ царю:

— Пріѣхали на томъ корабль какіе-то мужики ободранные...

Царь не повѣрилъ:

— Быть не можетъ! Чтобъ на золотомъ кораблѣ-самолетѣ да пріѣхали ободранные мужики?! Быть этого не можетъ!

Тогда царь пошелъ самъ разузнать правду и спрашиваетъ:

— Добрые люди, скажите мнѣ, кто на золотомъ кораблѣ пріѣхаль?

Дурень выступилъ впередъ, снялъ съ головы рваную шапку и поклонился:

— Это я пріѣхаль, царь-государь, вотъ съ моими товарищами: Слухало, Оббѣгало, Стрѣляло, Обѣдало, Обпивало, Замерзало, да еще вотъ этотъ дядя.

Царь, какъ взглянулъ на дурня, такъ за голову и схватился: свитка на немъ сѣрая, вся въ дырахъ, колѣни изъ заплатъ выглядываютъ, руки грубыя, голова косматая... Дурень, какъ есть дурень... Да и товарищи его — всѣ такіе же мужики неумытые и нечесаные...

Царь пошелъ, закручинился, позвалъ своихъ царедворцевъ и говорить:

— Ни за что свою дочку за такого мужика не отдамъ, хоть онъ и на золотомъ кораблѣ-самолетѣ прилетѣлъ.

Тогда одинъ совѣтчикъ посоветовалъ царю задавать дурню самыя, что ни на есть

трудныя загадки... Если не выполнить, моль, тогда и голова съ плечъ долой... Другой царедворецъ посовѣтоваль: «Пусть онъ сначала достанетъ живительной, цѣлительной воды...»

А дурень со своими товарищами рядкомъ за обѣдомъ сидѣли, сладко пили и ѣли и бѣды не ждали.

Только вдругъ Слухало все услышалъ, что царь съ царедворцами говорилъ, и дурню разсказаль. Дурень сидитъ на лавкѣ (кругомъ столовъ такія лавки были понадѣланы), голову повѣсилъ, не пьетъ и не ѣсть.

Оббѣгало его и спрашиваетъ:

— Отчего ты ничего не ѣшь и не пьешь?

— Какъ же мнѣ ѣсть-то, если мнѣ и въ горло ничего не идетъ?!

И разсказаль все:

— Хочетъ царь, что пока гости обѣдаютъ, чтобъ я ему принесъ живительной и цѣлительной воды... А гдѣ жъ я ее достану? Да и есть ли еще такая вода?!

— Не печалься, я тебѣ ее достану! — сказаль Оббѣгало.

— Отъ-то добре! Спасибо! — обрадовался дурень.

Когда царскій слуга пришелъ отдать приказъ дурню насчетъ живительной и цѣли-

тельной воды,—онъ все уже зналъ и отвѣтилъ:

— Скажи царю, что принесу такой воды.
Слуга ушелъ.

Между тѣмъ Оббѣгало отвязалъ ногу отъ уха, да какъ махнулъ мимо всѣхъ гостей, такъ сразу много миль пробѣжалъ и около

мельницы набралъ живительной и цѣлительной воды. Послѣ этого онъ усталъ.

«Э, что торопиться,—подумалъ онъ,—отдохну. Къ концу обѣда еще успѣю».

Сѣлъ онъ да и заснулъ. Люди уже царскій обѣдъ кончаютъ, а его нѣтъ и нѣтъ. Дурень сидитъ ни живъ ни мертвъ и думаетъ: «Ну, погибъ я».

Слухало увидѣлъ, что дурень закручинился, приложилъ ухо къ землѣ и сталъ

слушать... Слушаль - слушаль, да и говорить:

— Не кручинься... Онъ спитъ около мельницы. Я слышу, какъ онъ похрапываетъ.

— Что же теперь дѣлать? Вѣдь я погибъ, — горюетъ дурень.

— Не бойся! Я его мигомъ разбужу, — сказалъ Стрѣляло.

Вотъ онъ взялъ лукъ, натянулъ, да какъ стрѣльнетъ, — такъ трахнулъ за много-много миль, что вся мельница въ щепки разлетѣлась.

Оббѣгало проснулся, скорѣе въ путь; прибѣжалъ, когда гости еще изъ-за обѣда не вставали, и отдалъ дурню живительную и цѣлительную воду. А тотъ послалъ ее царю.

Царь подивился, а все неохота дочку за дурня отдавать. Тогда царь рѣшилъ загадать ему загадку, послалъ слугу и велѣлъ сказать:

— Пусть онъ мнѣ застрѣлитъ птицу-фазана... А не застрѣлитъ, то и голову съ плечъ долой.

Дурень закручинился и заплакалъ. Подошелъ къ нему Стрѣляло.

— О чемъ ты, мой милый, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать: велѣлъ мнѣ царь птицу-фазана застрѣлить. А какъ же я ее застрѣлю, когда она и въ странѣ-то нашей не водится?!

— Вѣрно, ты про меня забылъ? — сказала Стрѣляло. — Скажи царю, что, молъ, застрѣлю!

— Скажи: застрѣлю, — повторилъ дурень царскому слугѣ. А тотъ передалъ царю.

Стрѣляло натянулъ тетиву своего лука, да какъ стрѣльнетъ...

Стрѣла полетѣла черезъ лѣса, моря и горы, и въ далекомъ-далекомъ царствѣ убила птицу фазана.

— Уже она готова! — сказала Стрѣляло. — Только какъ бы ее теперь достать?

Оббѣгало помчался и черезъ часъ принесъ птицу-фазана. И была она вся золотая, съ красными перьями и съ зеленымъ хвостомъ.

Царь подивился, а все жаль дочку за дурня отдавать. Вотъ онъ и приказываетъ своему слугѣ:

— Поди, молъ, скажи ему: коли онъ съѣстъ со своими товарищами за одинъ разъ сорокъ жареныхъ воловъ, да сорокъ печей хлѣба, то, ужъ такъ и быть, отдамъ за него

свою дочку, а коли не съѣсть, то и голова съ плечь долой.

Пришелъ царскій слуга къ дурню и говоритъ: такъ, моль, и такъ, царь приказаль съѣсть сорокъ жареныхъ воловъ и сорокъ печей хлѣба.

Дурень опечалился и заплакалъ. Слухало подслушалъ и сказалъ Обѣдалу. А Обѣдало и говоритъ дурню:

— Не плачь, не кручинься. Я все это за васъ поѣмъ, еще мало будетъ...

Вотъ сжарили сорокъ быковъ, напекли сорокъ печей хлѣба. Обѣдало какъ началъ все это ѣсть, только за щеками трещало; все дочиста съѣлъ да еще просить:

— Эхъ, мало! Хоть бы еще немножко дали!

Что тутъ дѣлать? Царь: и такъ и сякъ... А все жаль дочку за дурня отдавать. И придумалъ онъ еще загадку.

— Пусть онъ за одинъ разъ выпьетъ сорокъ бочекъ воды и сорокъ бочекъ вина. А не выпьетъ—и голова съ плечь долой.

Слухало подслушалъ и все рассказалъ. Дурень горько заплакалъ. Увидѣлъ это Обпивало и говоритъ:

— Не плачь! Развѣ ты обо мнѣ забылъ?.. Я все выпью, еще мало будетъ...

Какъ началъ онъ пить, какъ началъ пить, такъ и присосался къ бочкѣ. Всѣ одну за другой выдулъ, да еще подсмѣивается:

— Эхъ, добре, да мало... Хоть бы капельку еще... Пить охота...

Царь видитъ, что ничего съ дурнемъ не подѣлаешь... А все неохота дочку за дурня отдавать...

«Хоть бы его, какъ ни есть, съ свѣта извести».

Вотъ тогда царь посылаетъ слугу:

— Скажи, молю, чтобъ этотъ чловѣкъ, что пріѣхалъ на золотомъ кораблѣ, пошелъ передъ

вѣнцомъ въ баню попариться. Дѣлать, молю, нечего, отдаю за него дочку замужъ.

А самъ, между тѣмъ, втихомолку приказалъ:

— Чтобъ баню натопили жарко, докрасна... Пускай онъ тамъ сжарится.

Банщики такъ раскалили баню, что, кажется, самого чорта можно было тамъ сжарить.

Вотъ пошелъ дурень въ баню. А слѣдомъ за нимъ Замерзало съ соломою за плечами. Только что вошли они въ баню, а оттуда жаръ такъ и пахнулъ, даже дышать невозможно было.

Замерзало какъ раскидалъ солому, сразу холодно стало... Дурень вымылся да поскорѣе на печь грѣться. И заснулъ тамъ.

Утромъ рано открываютъ баню; думали найти тамъ только его пепель... А онъ слѣзъ съ печи и выходитъ живъ-живехонекъ да еще смѣется:

— Чего не жарко баню истопили?! Эхъ, и хорошо же я заснулъ!

Вотъ доложили царю: такъ, моль, и такъ.

— Спалъ этотъ человѣкъ на печи, а въ банѣ такъ холодно, точно ее цѣлую зиму не топили.

Царь смутился и не зналъ, что ужъ и дѣлать. Думаль-думаль, думаль-думаль, думаль-думаль...

Наконецъ придумалъ и посылаетъ слугу:

— Пусть къ утру приведетъ мнѣ полкъ войска. Коли приведетъ, то ужъ, такъ и быть, отдамъ за него дочку... А не приведетъ, то тогда голова съ плечъ долой.

А самъ думаетъ: «Гдѣ такому сѣрому мужику достать полкъ войска. Я царь, да и то...»

Слухало подслушалъ и все разсказалъ дурню. Вотъ онъ заплакалъ горько, горько: — Гдѣ я войско достану?! Теперь-то я ужъ, навѣрно, погибъ!

Пошелъ онъ на свой золотой корабль къ товарищамъ и того пуще горюетъ, плачетъ.

— Охъ, — говоритъ, — братцы, бѣда! Выручайте! Не одинъ разъ выручали вы меня. А теперь плохо... Пожалуй, погибну.

— Не плачь, не горюй! Я тебя выручу! — сказалъ тотъ дядя, что несъ дрова.

Приходитъ слуга и передаетъ приказъ царя.

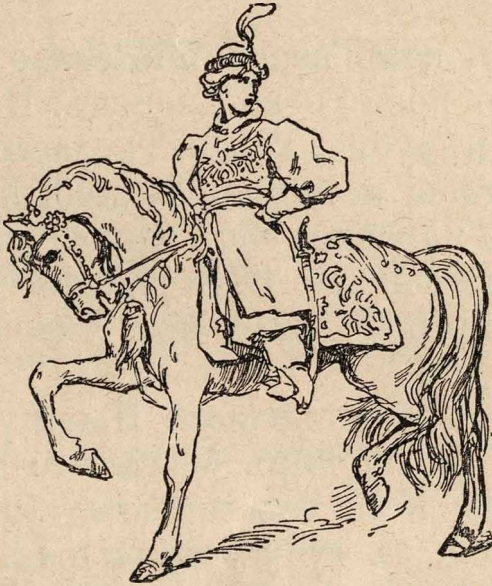
— Приказалъ тебѣ царь къ завтрашнему утру цѣлый полкъ войска выставить... Если выставишь, то царевна твоя, а не выставишь, то голова съ плечъ долой...

— Добре, добре! — отвѣтилъ дурень. Только скажи царю, если онъ мнѣ теперь не отдастъ царевну, то я пойду на него войной.

Вотъ той ночью повель товарищъ дурня въ поле и понесъ съ собою вязанку дровъ. Пришли они въ поле, какъ сталъ тотъ дядя дрова раскидывать, — что кинетъ, то человѣкъ

выскочить, если кинетъ два,—нѣсколько выскочить... И столько набралось войска, что и не перечесть.

Рано утромъ просыпается царь, слышитъ: музыка играетъ. Онъ и спрашиваетъ своихъ слугъ:

— Что это музыка играетъ такъ рано?

А ему отвѣчаютъ:

— То человекъ, который пріѣхалъ на золотомъ кораблѣ, свое войско обучаетъ...

Царь приказалъ его позвать къ себѣ.

Приходятъ слуги и приглашаютъ его къ царю. А дурень такой сталъ пригожій да

умный, что его и не узнать. Шапочка на немъ золотая, одежда шелковая, а самъ изъ себя красавецъ писанный... Ёдетъ онъ на во-рономъ конѣ впереди войска, за нимъ начальники... Подѣхалъ ко дворцу, да какъ крикнетъ громкимъ голосомъ на свое войско: «Стой!»

Войско, какъ вкопанное стало.

Дурень пошелъ во дворецъ. Царь его обнимаетъ, цѣлуетъ, говорить ласково:

— Садись, мой милый, любимый зять!

Вышла царевна; какъ взглянула на дурня, такъ и засмѣялась. Отъ радости слова сказать не могла, что у нея такой красивый мужъ будетъ.

Вотъ ихъ повѣнчали. Пышную свадьбу сыграли. Такой пиръ былъ, что дымъ коро-мысломъ до неба плыль; плыль-плыль, да и остановился: за тучу зацѣпился... А я на ту тучу смотрѣлъ, дивился да и свалился. Упалъ, да здѣсь и всталъ, сказку вамъ сказалъ... Вотъ вамъ и сказка, а мнѣ бубликовъ вязка.

Горшокъ киселя.

одной вдовы былъ сынъ парубокъ; ничего онъ не дѣлалъ и вѣчно сидѣлъ на печи; мать наварить ему горшокъ киселя, дать краюху хлѣба, онъ поѣстъ и снова сидитъ на печи или спитъ.

Выросъ парубокъ; надоѣло матери вѣчно его своимъ хлѣбомъ кормить; сдѣлала она ему удочку да и говоритъ:

— Вотъ тебѣ, сынку, удочка. Ступай, лови рыбу, зарабатывай самъ себѣ хлѣбъ; больше я не стану тебѣ варить киселя.

Вотъ онъ пошелъ; пришелъ на берегъ, закинулъ удочку въ рѣку, а самъ легъ на траву да и заснулъ. Подъ вечеръ онъ проснулся, сталъ тянуть удочку, смотритъ, рыба попалась — такая большая, здоровая. Онъ ее

на берегъ сталъ тащить, а она его стала просить, молить:

— Ой, не бери ты меня! Отпусти меня на волю: я тебѣ пригожусь. Только скажи, коли нужда будетъ: «По моему хотѣнью, по рыбьему велѣнью».

Хлопецъ отпустилъ рыбу, пошелъ домой и взлѣзъ на печь.

Мать его и спрашиваетъ:

— Что же ты, сынку, поймалъ рыбки?

Онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, мамо, ничего я не поймалъ. Я и удочку разорвалъ и бросилъ.

— Ну, такъ и живи, дурной, какъ хочешь! А я не стану тебѣ киселя варить, — сказала мать.

Вотъ сидитъ онъ голодный на печи день, сидитъ другой день, — мать все не даетъ ему ѣсть. А ѣсть ему страшно хочется. Думалъ онъ, думалъ и вспомнилъ, что ему рыба сказала: «Я тебѣ пригожусь».

«Дай-ка, — думаетъ, — скажу, какъ она меня учила: «По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью, чтобъ былъ мнѣ горшокъ киселя и краюха хлѣба».

Тотчасъ же передъ нимъ явилось все, какъ онъ сказалъ. Онъ обрадовался и досыта наѣлся; послѣ захотѣлъ пить:

— Мамо, дайте мнѣ попить, — попросилъ онъ, выглядывая со своей печки.

А она ему въ отвѣтъ:

— Вотъ еще что выдумалъ. Не великъ панъ. Поди къ колодцу да и напейся самъ!..

Вотъ онъ подумалъ, подумалъ, да и говорить:

— По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью, поѣзжай, печь, и остановись у колодца.

Только онъ это сказалъ, какъ печь сдвинулась съ мѣста и поѣхала на улицу, доѣхала до колодца, остановилась, хлопецъ напился воды и говорить:

— По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью, поѣзжай, печь, назадъ въ избу.

Печь и поѣхала. Когда онъ ѣхалъ на печи, той порой царевна домой возвращалась. Увидѣла хлопча на печи и стала смѣяться.

А онъ и говорить:

— По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью пусть эта царевна мнѣ жинкою будетъ.

Такъ все и сбылось. Долго ли, коротко ли, и свадьба была сыграна; а послѣ свадьбы

царевна къ родителямъ убѣждала и все имъ рассказала. Царь и царица очень огорчились, что ихъ дочка безъ ихъ позволенія за простого мужика замужъ вышла... Да ужъ дѣлать было нечего.

Черезъ годъ у царевны родился сынъ. Царь и царица не рады были рожденію внука.

Прошло три года. Царь собралъ совѣтниковъ, царедворцевъ и спросилъ ихъ, что ему дѣлать.

Они сказали:

— Собери къ себѣ на обѣдъ гостей. Дай царевнинуму сыну яблочко. И кому онъ то яблочко отдастъ, тотъ, значить, его батько.

Вотъ царь велѣлъ устроить богатый обѣдъ и приказалъ разослать по всему царству приказъ, чтобы съѣзжались къ нему на обѣдъ и старые, и молодые, и знатные, и простые, и богатые, и бѣдные, и люди всякаго званія.

Прослышалъ про царскій обѣдъ и тотъ хлопецъ, что на печи лежалъ, и говорить:

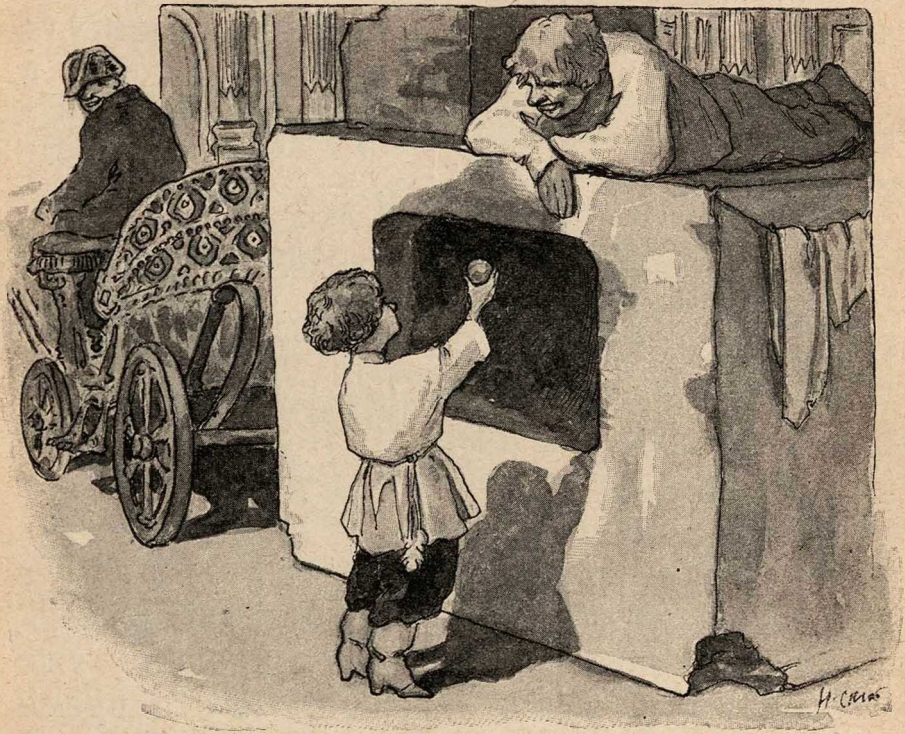
— По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью, поѣзжай, печь, къ царю на обѣдъ.

Печь сдвинулась съ мѣста и поѣхала. Шибко поѣхала, только грохотъ и стукотня слышались. Кого на дорогѣ встрѣтятъ,— тамъ карету ли, телѣгу ли, хлопецъ какъ крикнетъ:

— Эй, сторонись!

И каждый въ испугъ съ дороги сворачиваетъ.

Вотъ прїѣзжаетъ хлопецъ къ царю. А тамъ

уже видимо-невидимо народу съѣхалось. Коляски стоятъ въ рядъ, брички по другую сторону, тоже въ рядъ, а тамъ телѣги, запряженныя волами, и простые возы, тоже въ рядъ.

Хлопецъ со своею печкою всталъ на ряду съ колясками.

Когда всѣ собрались, царь далъ хлопчику—сыну дочери—яблочко и велѣлъ ему подойти къ гостямъ. Хлопчикъ побѣжалъ между колясками, побѣжалъ прямо къ печкѣ, кинулъ тому хлопцу, что сидѣлъ на ней, яблочко и крикнулъ:

— Здравствуй, тату!

Тутъ всѣ и узнали, что это его отецъ.

Тогда царь шибко разсердился, велѣлъ сдѣлать бочку, осмолить ее хорошенько и перегородить пополамъ. И велѣлъ онъ напечь хлѣба на семь лѣтъ. Въ одну половину посадили царевну и положили ей хлѣба на семь лѣтъ. А въ другую половину посадили ея мужа, а ему ничего не дали.

И пустили ту бочку въ море.

Вотъ плаваютъ они, плаваютъ, плаваютъ, плавлютъ... Годъ за годомъ прошло уже шесть лѣтъ. А мужъ съ женой за это время другъ другу и одного слова не сказали.

У царевны не стало уже харчей, тогда она постучала въ перегородку и спрашиваетъ мужа:

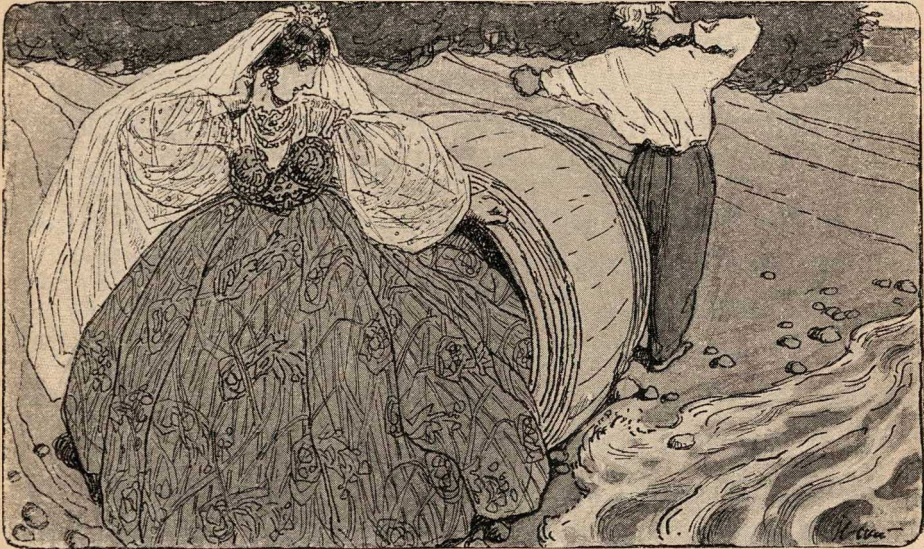
— Ты живъ или нѣтъ?

— Да, живъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ же ты прожилъ шесть лѣтъ безъ хлѣба? Вотъ у меня три дня нѣтъ хлѣба, я, пожалуй, недолго проживу...

А онъ ей въ отвѣтъ:

— Э-э-э, да я могу еще пятьдесятъ лѣтъ въ бочкѣ прожить и сытъ буду.

— Что же ты ѣшь? — спросила царевна.

— Кисель и хлѣбъ.

— Дай же и мнѣ!

— Добре!

Вотъ онъ и приказываетъ:

— По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью, чтобы сейчасъ были у царевны горшокъ киселя и краюха хлѣба.

Все такъ и исполнилось. Царевна наѣлась, а потомъ говорить:

— Не можешь ли ты такъ сдѣлать, чтобы эта стѣнка, что насъ раздѣляетъ, отвалилась? Все-таки вмѣстѣ намъ было бы веселѣе жить...

А онъ отвѣчаетъ:

— Могу!

Сказалъ онъ тѣ слова «по рыбьему велѣнью», и стѣнка въ бочкѣ отвалилась.

Тогда царевна опять просить:

— А не могъ бы ты сдѣлать такъ, чтобы бочка къ берегу пристала, и мы бы изъ нея вышли на островъ.

— Могу!

— И онъ опять сказалъ тѣ же слова, и все случилось, какъ онъ приказалъ.

А царевна опять просить:

— А не могъ бы ты такъ сдѣлать, чтобы на этомъ островѣ выстроился огромный домъ и чтобы мы въ немъ жили!

— Могу! — И онъ опять сказалъ:

— По рыбьему велѣнью, по моему хотѣнью, чтобъ выстроился на островѣ домъ.

И вдругъ началъ строиться прекрасный, большой домъ и выстроился съ окнами, дверями, садомъ, съ красивыми цвѣтами и дорогой рѣшеткой.

Вотъ и стали они въ немъ жить до поживать.

Немного погодя царевна опять говорить мужу:

— Очень я по своему батеньки стосковалась. Не могъ бы ты сдѣлать такъ, чтобы мое письмо къ нему на столъ перелетѣло?

— Отчего же не сдѣлать? Могу!

Царевна написала письмо, а мужъ опять сказалъ свои слова. Письмо мигомъ перелетѣло въ другое царство къ царевнинуму отцу на столъ.

Царь прочиталъ письмо, созвалъ свое войско; самъ сѣлъ въ карету, поѣхалъ къ своей дочкѣ, а войску велѣлъ сзади итти.

Доѣхалъ онъ до моря и остановился съ войскомъ; видитъ — среди моря островъ стоитъ, а къ острову ни моста, ни проѣзда, ни проходу, — никакъ не попасть.

А царевна тѣмъ временемъ по острову ходила; смотритъ — а на берегу москали стоятъ; она скорѣе побѣжала къ мужу и говорить:

— Приѣхалъ ко мнѣ въ гости мой батенька, стоитъ онъ на берегу съ войскомъ, а на островъ къ намъ попасть не можетъ...

Не могъ бы ты сдѣлать такъ, чтобы съ берега къ намъ мостъ перекинулся?

— Отчего жъ не сдѣлать? Могу!

И тотчасъ же онъ сказалъ:

— По рыбьему вельнью, по моему хотѣнью, перекинься, мостъ, съ берега на островъ!

Тутъ сейчасъ, откуда ни возмись, мостъ перекинулся, большой, узорчатый, красивый...

По тому мосту царь съ войскомъ перешелъ на островъ и привелъ съ собою сыночка царевны... Такой выросъ хлопецъ — хоть куда! Царь радовался, царевна радовалась и мужъ ея и сынокъ ихъ. Пили они, ѣли, веселились и гуляли.

Прогостилъ царь у дочери мѣсяцъ и сталъ собираться домой. Простились они, подошли къ мосту, смотреть — а моста-то уже и нѣтъ, и даже остатка нигдѣ не видно.

Царевна бросилась къ мужу:

— Не могъ бы ты сдѣлать, чтобы опять мостъ выстроился: мой батенька хочетъ домой ѣхать, и насъ къ себѣ зоветъ.

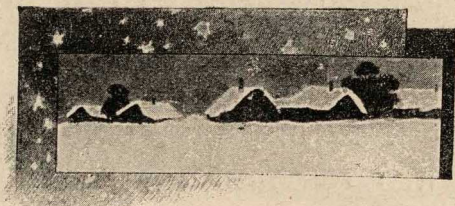
Вотъ онъ и говоритъ:

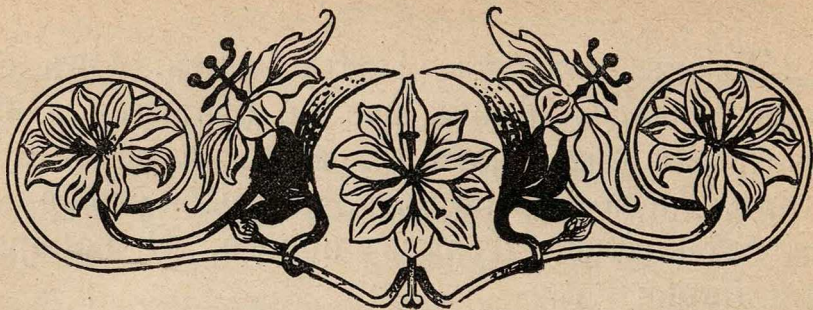
— По рыбьему вельнью, по моему хотѣнью, чтобъ сталъ мостъ отъ нашего дома до царскаго дворца.

Ждутъ - пождутъ, моста нѣтъ. Онъ еще разъ сказалъ. Мостъ все не строится. Онъ и въ третій разъ сказалъ, а моста нѣтъ и не стало. Тогда онъ понялъ, что рыба его больше не слушается. Дѣлать нечего. И говорятъ они царю:

— Оставайтесь ужъ, таточку, жить у насъ... Хотѣли вы намъ сдѣлать зло, да мы васъ прощаемъ!

Царь и остался жить у дочери и до сей поры живутъ, да хлѣбъ жуютъ, да кисель варятъ и изъ горшка ѣдятъ.

Соломенный бычокъ.

Жили-были дѣдъ да баба; дѣдъ бахчу караулить, а баба сидѣла дома да пряжу пряла. Были они очень бѣдные: что заработаютъ, то и проѣдятъ — и опять ничего нѣтъ.

Вотъ баба и пристала къ дѣду:

— Сдѣлай мнѣ, диду, соломеннаго бычка да осмоли его смолою...

Дѣдъ разсердился:

— Что ты, старая, сдурѣла, что ли?! Зачѣмъ тебѣ соломенный бычокъ?

А старуха знай одно твердить:

— Сдѣлай да сдѣлай мнѣ бычка! Я ужъ знаю зачѣмъ! Я стану его, какъ и настоящаго пасти...

Нечего дѣлать, чтобы потѣшить старуху,
дѣдъ сдѣлалъ ей соломеннаго бычка и густо
осмолилъ его смолою.

На другой день рано утромъ баба взяла
пряжу и потащила своего соломеннаго бычка
пасти; сѣла подъ
горушкою, прядетъ
да приговариваетъ:

«Ты пасись, бычокъ, по выгону,
Пряжу я тѣмъ часомъ выпяду;
Ты пасись, пасись по травушкѣ,
По муравушкѣ-дубравушкѣ!»

Пряла старуха, пряла да и задремала.

Вдругъ изъ темнаго лѣса бѣжитъ медвѣдь, наскочилъ на бычка и спрашиваетъ:

— Кто ты такой?!

А бычокъ отвѣтилъ человѣчьимъ голо-
сомъ:

«Я—бычокъ-третьячокъ,
Изъ соломы слаженный,
И смолою смазанный!»

— Ну, хорошо, — сказалъ медвѣдь, — коли ты изъ соломы да смолою смазанный, дай мнѣ немного смолы — бокъ залѣчить. Вишь, охотники задрали.

Бычокъ ничего не отвѣтилъ. Медвѣдь схватилъ его за бокъ и ну смолу отдирать. Отдиралъ-отдиралъ да и завязъ зубами, вертится, старается, никакъ не можетъ вырвать ихъ. Побѣжалъ онъ тогда и поволокъ бычка Богъ знаетъ куда...

Тѣмъ часомъ баба проснулась, глядь-поглядь: нѣтъ бычка. Она заметалась:

— Охъ, лихо! Гдѣ жъ мой бычокъ? Ужъ не ушелъ ли онъ домой?!

Побѣжала она домой. Смотрить—медвѣдь въ бору бычка треплетъ. Баба скорѣе къ дѣду:

— Диду, диду, бычокъ нашъ медвѣдя привель. Иди скорѣе убей его!

Дѣдъ выбѣжалъ, поймалъ медвѣдя, отодралъ его отъ бычка и посадилъ въ погребъ.

На другой день, ни свѣтъ ни заря, баба набрала пряжи и потащила своего бычка пасты. Сама сѣла подъ березкою, прядеть да приговариваетъ:

«Ты пасись, бычокъ, по выгону,
Пряжу я тѣмъ часомъ выпряду;
Ты пасись, пасись по травушкѣ,
По муравушкѣ-дубравушкѣ!»

Пряла баба пряжу да и задремала.

Вдругъ изъ темнаго лѣсу выбѣгаетъ сѣрый волкъ и прямо къ бычку.

— Ты кто такой?

А бычокъ въ отвѣтъ:

«Я—бычокъ-третьячокъ,
Изъ соломы слаженный,
И смолою смазанный!»

Волкъ обрадовался.

— Коли ты смолою смазанный, дай и мнѣ смолы—засмолить бокъ, а не то меня собаки ободрали.

— Бери!—сказалъ бычокъ.

Волкъ сразу на бычка бросился и въ бокъ вцѣпился, хотѣлъ отодрать. Но не тутъ-то было. Бился, онъ бился, зубами застрялъ и

прилипъ такъ, что ни взадъ ни впередъ. Бросился онъ бѣжать и бычка за собою поволокъ.

Проснулась баба, а бычка-то ея нѣтъ, какъ нѣтъ. Она и подумала:

«Можетъ-быть, мой бычокъ домой побрелъ...

Пошла она домой. Смотрить—волкъ бычка въ лѣсъ тащить. Баба побѣжала скорѣе къ дѣду и кричить:

— Диду, диду, нашъ бычокъ волка привелъ!

Дѣдъ и волка въ погребъ посадилъ.

Погнала баба и на третій день бычка пастишь; сѣла подъ горюшкою да и заснула. Бѣжить изъ лѣсу лисичка, увидѣла бычка, да и спрашиваетъ:

— Ты кто такой?

«Я—бычокъ-третьячокъ,
Изъ соломы слаженный,
И смолою смазанный!»

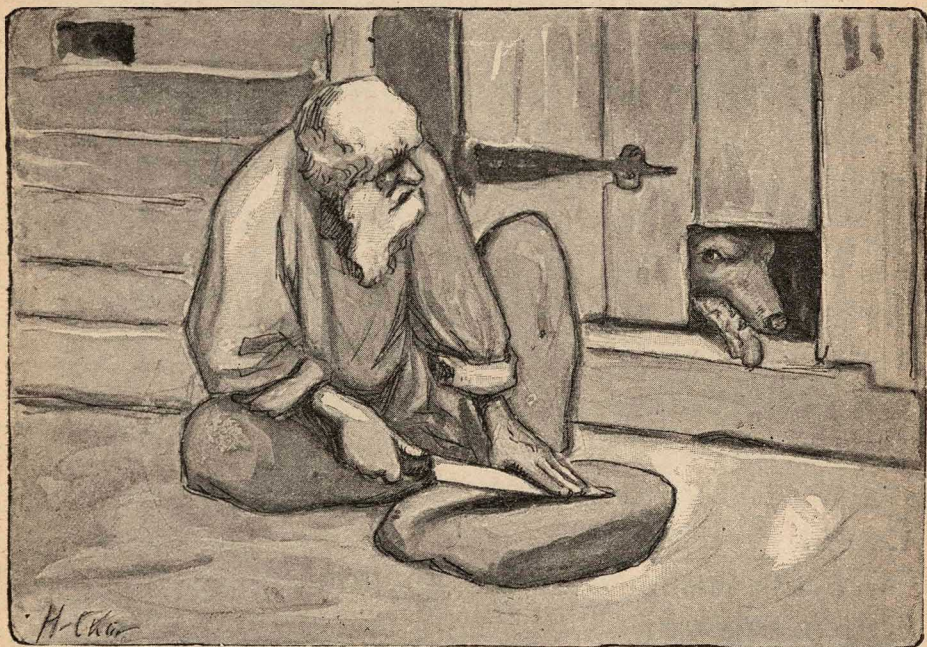
— Дай мнѣ, голубенько, смолки къ боку приложить, мнѣ собаки шкуру выдрали.

— Бери!

Лисичка также зубами завязла и вырваться отъ бычка не могла.

Баба сказала дѣду; дѣдъ посадилъ въ погребъ и лисичку. Такъ же они и зайчика-побѣгайчика поймали.

Въ погребѣ собралось много разнаго звѣрья.

Дѣдъ сѣлъ на порогѣ и давай точить поострѣе ножъ.

Медвѣдь его и спрашиваетъ:

— Диду, зачѣмъ ты ножъ точишь?

— Чтобъ съ тебя шкуру снять да сдѣлать изъ той шкуры себѣ и бабѣ кожухи на зиму.

— Охъ, не рѣжь меня, дидусю! — взмолился медвѣдь. — Пусти лучше меня на волю: я тебѣ много меду принесу.

Дѣдь его пожалѣль.

— Ну, ступай!

— И онъ выпустилъ медвѣдя, сѣлъ на порогъ и снова сталъ ножъ точить. Волкъ его и спрашиваетъ:

— Диду, зачѣмъ ты ножъ точишь?

— Чтобъ съ тебя шкуру снять да себѣ на зиму шапку сшить.

— Охъ, не рѣжь меня, дидусь, я тебѣ стадо овечекъ пригоню.

— Ну, ладно. Ступай!

И дѣдь отпустилъ на волю волка, а самъ сѣлъ на порогъ и снова сталъ точить ножъ.

Лисичка высунула мордочку и такъ тихо спрашиваетъ:

— Скажите мнѣ, будьте ласковы, зачѣмъ вы, дидусенько, ножъ точите?

Онъ отвѣчаетъ:

— У лисички шкурка гарна на опушку и на воротникъ.

— Ой, дидусенько, не снимайте съ меня шкурки; я вамъ и куръ и гусей натаскаю.

— Ступай! Ладно.—Старикъ отпустилъ и лисичку на волю.

Остался одинъ зайчикъ. Дѣдъ сталъ и для него ножъ точить. Зайчикъ его спросилъ, зачѣмъ ему ножъ, а старикъ отвѣтилъ:

— У зайчика шкурка мягкая, теплая, выйдутъ изъ нея хорошія мнѣ рукавички.

— Охъ, не рѣжь меня, дидусь, я тебѣ и ожерельевъ, и серегъ, и всякаго добра принесу.

Старикъ отпустилъ и зайчика.

Переночевали дѣдъ да баба ту ночь; слышать—рано утромъ, ни свѣтъ ни заря, кто-то въ дверь: «тукъ, тукъ, тукъ!»

Баба испугалась

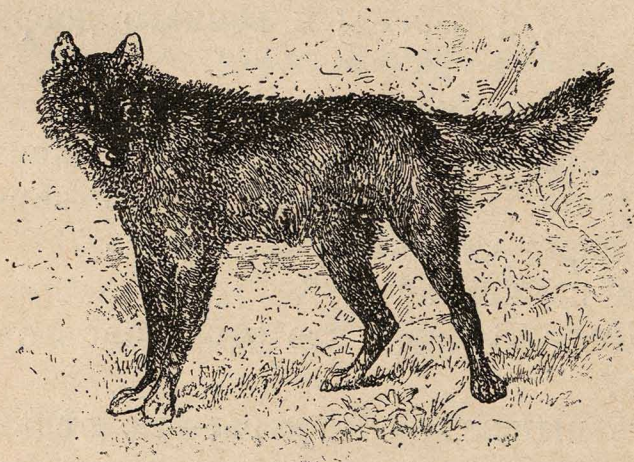
— Диду, а диду, кто это у насъ въ дверь стучить?

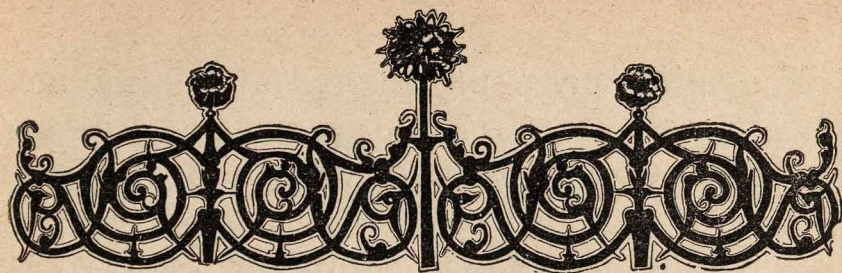
Дѣдъ вышелъ, посмотреть,—медвѣдъ цѣлый улей меду приволокъ. Дѣдъ взялъ медъ и только что легъ, какъ опять кто-то въ дверь: «тукъ, тукъ, тукъ!»

Вышелъ дѣдъ на дворъ, посмотреть—волкъ полный дворъ овецъ нагналъ. Немного погодя лисичка принесла гусей, куръ—всякой птицы; зайчикъ наносилъ сережекъ, ожерельевъ, всякаго добра. И дѣдъ радъ и баба рада.

Взяли они распродали овечекъ, накупили воловъ; сталъ дѣдъ чумачить, и такъ они разбогатѣли, что больше и не надо.

А бычокъ-третьячокъ стоялъ - стоялъ на солнышкѣ да и растаялъ.

К О Т И К Ъ .

Не знаю гдѣ, но слышалъ, что въ какомъ-то царствѣ жилъ-былъ хохоль
У него было три сына.
Вотъ умеръ батько. Осталось
сыновьямъ имущество: мельница, хлѣвъъ и
котъ.

— Давайте, братики, дѣлиться! — сказалъ
старшій братъ.

— Давайте дѣлиться! — согласился средній
братъ.

Младшій промолчалъ.

Вотъ они и подѣлились: старшій взялъ
себѣ мельницу, средній — хлѣвъъ, а младшему
дали кота.

— Ты еще не великъ, — сказали братья, —
тебѣ довольно и кота.

Младшій братъ промолчалъ, легъ на печь и заплакалъ. А котъ подь печкой лежалъ, услыхалъ, что хлопецъ плачетъ, и спрашиваетъ его:

— Пане мой милый, пане мой любый, что ты плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать, если братья меня обдѣлили... Достался мнѣ ты... А кой толкъ изъ тебя—кота?!

Котъ сказалъ:

— Не плачь, мой любимый пане... Я тебѣ пригожусь. Дай мнѣ мѣшокъ...

— Для чего тебѣ мѣшокъ? — удивился хлопецъ.

— Пойду хлѣба добывать тебѣ и мнѣ.

Взялъ котъ мѣшокъ, набралъ капустнаго листа и пошелъ въ тотъ хлѣвъ, что среднему брату достался; тамъ водились кролики; сѣлъ онъ у хлѣва, раскрылъ мѣшокъ и стережетъ... Набрались въ мѣшокъ кролики, стали капусту грызть, а онъ выскочилъ, завязалъ мѣшокъ и понесъ къ царю.

— Вотъ, молъ, царь-государь, мой панъ Запеченскій кланяется и прислалъ подарки...

Царь хорошо его поблагодарилъ и велѣлъ насыпать мѣшокъ зеренъ и дать денегъ.

Вот котикъ принесъ домой зерно, смолоть его на мельницѣ, что досталась старшему брату, и отдалъ своему хозяину. Они напекли хлѣба и поѣли.

Только средній братъ и догадался, что котикъ въ его хлѣвѣ кроликовъ ловить. Разсердился онъ и говорить младшему брату:

— Слушай, братъ, твой котъ въ моемъ хлѣвѣ кроликовъ ловить и ѣсть. Ты смотри за твоей дурной звѣрюгой... А не то я ему голову сверну!

Подѣвъ панъ Запеченскій на свою печь, легъ и заплакалъ.

Котъ увидѣлъ и спрашиваетъ:

— Пане мой милый, пане мой любый, что ты плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать! Средній братикъ хочетъ тебя убить за то, что ты его кроликовъ ловишь...

— Не плачь, мой милый пане. Пойдемъ со мною! Все будетъ хорошо!

Собрались они и пошли. Идутъ. Хлопецъ и спрашиваетъ:

— Куда ты меня, котикъ, ведешь?

— Къ рѣчкѣ, мой любый пане.

— Зачѣмъ?

— Иди, не спрашивай! Дѣлай, что я тебѣ скажу. И тебѣ и мнѣ будетъ хорошо!..

Котикъ зналъ, что около рѣчки царь съ дочкою въ тотъ часъ всегда гуляетъ.

Вотъ они шли-шли. Пришли къ рѣчкѣ... Смотрять—и царь съ дочкою идетъ.

Котикъ и говорить:

— Пане мой милый, пане мой любый, скидывай скорѣе сорочку, прыгай въ воду и кричи: «Спасите, спасите!»

Вотъ онъ все сдѣлалъ, какъ ему котикъ сказалъ: сорочку снялъ и бросился въ воду.

— Спасите!—кричить. — Ой, спасите, помогите, добрые люди!

Царь услышалъ. А котикъ уже тутъ, какъ тутъ... Подбѣжалъ и говорить царю:

— Прикажи, царь-государь, его спасти. Разбойники пана Запеченскаго ограбили и въ воду кинули... Не дай ему погибнуть!

— Ой, лишенько! Не тотъ ли это панъ Запеченскій, который намъ кроликовъ прислалъ? — спросила царевна.

— Тотъ самый... Онъ и есть, царевна!—отвѣчалъ котъ.

Царь закричалъ и отдалъ приказъ его спасать. Откуда ни возьмись, сбѣжался на-

родъ, отвязали лодки, закинули невода и спасли хлопца.

Вотъ царевна и просить царя:

— Возьмите, батюшка, пана Запеченскаго къ намъ во дворець... Онъ такой хорошій, добрый... кроликовъ намъ присылалъ...

Царь согласился. Вотъ они его принарядили и во дворець повезли. Царевнѣ онъ такъ понравился, что ихъ и поженили, и пышную свадьбу справили... И хлопцу тому хорошо, а коту еще лучше!

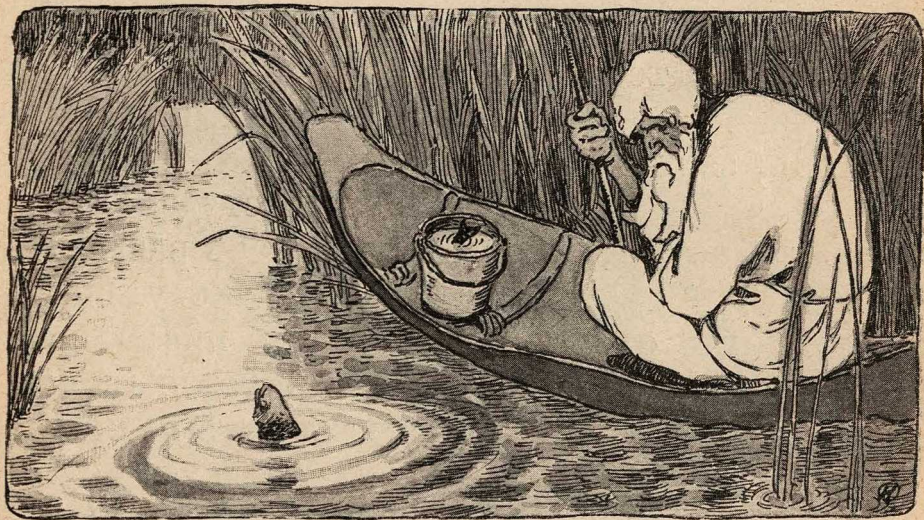
Озеро-слободка.

Какъ-то по озеру съ удочкой ѣздилъ
рыбакъ въ перелѣскѣ;
Рыба почти не ловилась и сталъ
онъ домой собираться.
Вдругъ и поймалась одна, да такая
красивая рыбка,
Что ни перомъ описать ни въ словахъ раз-
сказать не сумѣшь.
Чуть онъ въ ведро успѣлъ перебросить
вертлявую рыбку,
Тихо предъ нимъ поднялась надъ пучиною
рыбка постарше, —
Блѣдная вся, будто кто испугалъ ее, вышла
наружу
И человѣческимъ голосомъ вскрикнула такъ
надъ водою:

— «Гдѣ ты, дитя мое, гдѣ ты, моя неразумная рыбка.
 Стадо пора загонять; погляди, закатилось
 солнце...
 Гдѣ ты, откликнись, дитя, али хищная цапля
 рѣчная
 Въ когти изъ волнъ подхватила тебя, моя
 рыбка родная».
 Долго сновала по озеру, въ страхъ и въ трепетъ, рыбка;
 Долго рыбацкъ, опустивши весло, съ челнока
 дивовался...
 Взялъ напоследокъ ведро онъ, привсталъ и
 откликнулся рыбкѣ:
 — «Вотъ твое дитяtko, вотъ; ты возьми свою
 дочку, пожалуй,
 Но уговоръ лучше денегъ: повѣдай по истинной правдѣ,
 Что ты за диво сама и какіе края ваши воды».
 Быстро плеснувшись въ водѣ и уставя пугливые глазки,
 Такъ начала говорить замирающимъ голосомъ рыбка:
 — «Охъ, человѣкъ, много лѣтъ той порѣ,
 какъ на этой полянѣ,
 Вмѣсто воды, камышей и кустовъ, красовалась слободка,

Въ шумной слободкѣ жила на дворѣ на ши-
рокомъ молодка.
Много добра и богатства у ней по амбарамъ
лежало,
Много далекихъ купцовъ и мірянъ къ ней
во дворъ наѣзжало.

Разъ, о полудни, она на крыльцѣ на тесо-
вомъ сидѣла;
Дочь на рукахъ убаюкавъ, съ крыльца за
ворота глядѣла;
Видитъ—идеть отъ села человекъ, утомился,
бѣдняга,
Низко поклоны кладеть у воротъ и у оконъ
слободки:

Просить онъ ковшикъ студеной воды у ре-
 бятъ и у старшихъ...
 Только не слышать ребята, играютъ себѣ по
 затишьямъ;
 Старшіе жъ, кто на гумнѣ, кто съ иглой
 али съ пряжей усѣлся.
 Вотъ подошелъ онъ ко мнѣ, говорить:
 «Твоя хижина съ краю,
 Глушь за тобой и поля, я жъ отъ жары
 изнываю;
 Встань, захвати гдѣ-нибудь мнѣ хоть каплю
 водицы студеной».
 Умъ ли померкъ у меня, и теперь разгадать
 не умѣю;
 Только въ отвѣтъ старику я промолвила
 такъ, усмѣхаясь:
 — «Какъ, старина, разбудить, какъ покинуть
 мнѣ малую дочку.
 Хочешь напиться, такъ вонъ, погляди, и ру-
 чей подь горою;
 Подемъ успѣешь дойти и, авось, не умрешь
 на дорогѣ, —
 Здѣсь же, у насъ, въ слободѣ, ты и капли
 воды не отыщешь».
 Странникъ поникъ головой и, какъ тѣнь,
 изъ околицы вышелъ...

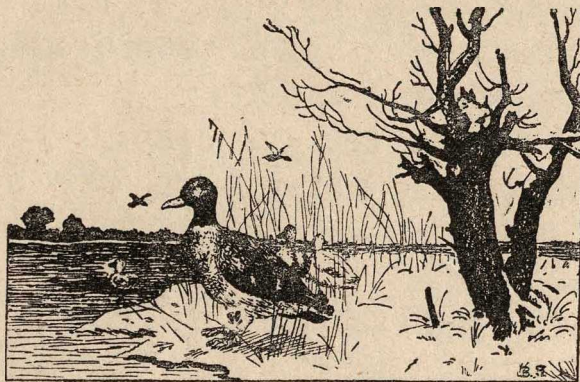
Вдругъ слышу я — въ тишинѣ, по околицѣ
 звуки несутся,
 Точно посыпался градъ, али гдѣ-то западали
 зерна...
 Вижу -- и замерь мой духъ. на столѣ самъ
 собой, за порогомъ,

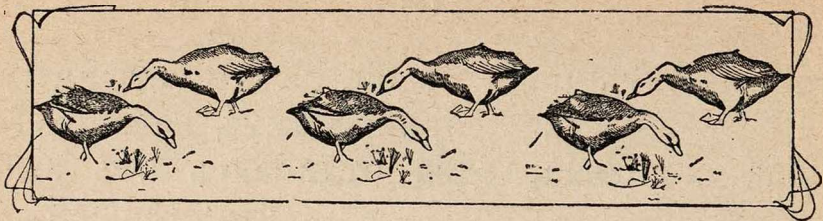
Брызнуль кувшинъ, а за нимъ у дверей изъ
 печурки плеснуло;
 Возлѣ изъ погреба струйка воды, словно
 дымъ, поднялася;
 Миски, лаханки и ведра всплываютъ, несутся
 къ воротамъ,
 Имъ же навстрѣчу, смотрю, выбѣгаютъ дру-
 гіе потоки.

Въ ближнихъ дворахъ та же притча: всплы-
 ваютъ шесты и заборы.
 И не опомнилась я, какъ кругомъ берега
 поднялися;
 Зелено стало въ глазахъ; колыхаясь, осѣла
 слободка;
 Тамъ же, вверху, какъ туманъ, заходили сту-
 денныя волны...
 Ты не дивися, рыбакъ, если въ озеро днемъ
 ты посмотришь;
 Темныя кочки на днѣ — это хижины нашей
 слободки;
 Мелкія травки — сады, а ложбинки — пруды
 да колодцы.
 Ранней зарею, пока не шелохнулись по лѣсу
 листья,
 Съ берега ухо наставь ты къ водѣ, тутъ сей-
 часъ и услышишь —
 Какъ далеко-далеко, подь тобой, въ потоплен-
 ной слободкѣ,
 Вѣтеръ по кровлямъ шумить, словно пле-
 щутся мелкія струйки,
 Куры кудахчуть, пѣтухъ на гумнѣ заливадается
 звонко...
 И раздаются въ водѣ колокольные тихіе
 звуки,
 Будто засохшій тростникъ отъ дуновенія вѣтра

Тихо звенить надъ водой, надъ пустыннымъ
 побережьемъ качаясь».
 Рыбка замолкла, едва отливаясь отъ зыби
 стемнѣвшей...
 Въ волны ей бросилъ рыбакъ цѣлыхъ су-
 токъ добычу обратно;
 И, привязавши челнокъ межъ осокой, обратно
 въ потемкахъ
 Вышелъ на берегъ, безлюдный и дикій, съ
 пустыми руками *).

*) Данилевскаго.

Лисичка-сваха.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ, жилъ-былъ богатый пань. Понадобился ему нанять свиней пасти.

Вотъ посылаетъ онъ своего приказчика искать свинаря и говоритъ:

— Найми ты его съ такимъ условіемъ: если прослужить годъ, дамъ ему десятину поля на годъ, а не прослужить — ничего не получить.

Пошелъ приказчикъ по селамъ, вездѣ ищетъ и спрашиваетъ, нѣтъ ли гдѣ такого наймита, а найти нигдѣ не можетъ. Никто на такія условія не соглашается.

Наконецъ кто-то ему сказалъ:

— Поди туда-то и тамъ живетъ одинъ очень бѣдный парубокъ. Можетъ, онъ пойдетъ...

Тотъ парубокъ согласился. Приказчикъ его нанялъ. Отслужилъ онъ годъ, и дали ему десятину поля на годъ.

Идетъ онъ отъ пана, а самъ думаетъ горькую думу:

«Служилъ я, служилъ пану хорошо цѣлый годъ и далъ онъ мнѣ поле. На что оно мнѣ? Что мнѣ съ нимъ дѣлать?»

Идетъ и все думаетъ-думаетъ:

«Развѣ посѣять баштанъ... Можетъ-быть, не разбогатѣю ли?!»

Подумалъ, опять подумалъ:

«А чѣмъ же я поле-то вспашу? Нѣтъ у меня ни плуга ни воловъ...»

Подумалъ онъ еще и, наконецъ, надумался:

«Пойду-ка я къ пану...»

Приходитъ онъ къ пану и говоритъ:

— Пане мой любый, пане мой милый, служилъ я у васъ годъ... Выслужилъ десятину поля на годъ... Да нечѣмъ мнѣ то поле вспахать. Прикажите мнѣ дать плугъ и воловъ, чтобы эту ниву вспахать.

Панъ сказалъ:

— Добре!

Вспахали ту нивку, наймитъ посѣялъ баштанъ... И уродился же тотъ баштанъ!

Ковуны *) -то во-о-о-о-ть какіе!.. А дыни-то во-о-о-о-о-ть какія!

Парубокъ радуется, Бога благодарить да пана хвалить. Построилъ онъ себѣ курень **) средь баштана, сталь тамъ жить да ковуны да дыни караулить.

Только что стали созрѣвать дыни и сталь онъ замѣчать, что кто-то въ баштанѣ пошалаваетъ. Сегодня онъ примѣтитъ, лежитъ дынька гарная, большая, а утромъ встанетъ—уже она съѣдена и только кожа отъ нея валяется.

«Ну, берегись: я тебя подстерегу... Кто ты такой, дурной, что мои дыни переводишь? погоди жъ ты, я тебѣ задамъ!» подумаль парубокъ.

Пришла ночь. Набраль онъ хлѣба, съль въ куренѣ, не спить, стережетъ... Вдругъ слышитъ—въ баштанѣ кто-то: «хрумъ-хрумъ-хрумъ»... Значить, дыньку похрустываетъ.

Парубокъ нашъ потихоньку туда... Смотрить—это лисичка. Подкрался онъ да цапъ-царапъ, схватилъ лисичку за хвостъ и поймалъ. Она завизжала, а онъ крѣпко ее держитъ:

*) Арбузы.

**) Шаланѣ.

— Ага, теперь я тебѣ задамъ! Будешь мои дыни таскать...

Схватилъ онъ палку и замахнулся на лису. А она лапки сложила и взмолилась человѣческимъ голосомъ:

— Ой, человѣ-

че, голубчикъ, не бей меня! Сослужу я тебѣ хорошую службу...

— А кто мои дыни таскаетъ и ѣлъ?— спрашиваетъ парубокъ и началъ бить лису. А она только кричитъ-проситъ:

— Ой, лихо мнѣ! Не бей меня, человѣче! Хоть живую оставь! Сослужу тебѣ великую службу!

Билъ ее, билъ парубокъ, она едва дышитъ. Онъ и спрашиваетъ:

— Ну, я тебя отпущу. Какую же ты мнѣ службу сослужишь?

— Я за тебя царевну высватаю, — сказала лисица.

Засмѣялся парубокъ и отпустилъ лисичку: «Ну и хитра же лиска... Что выдумала.. Царевну сватать...»

Между тѣмъ лисичка побѣжала къ царю. Увидѣли ее: отъ воротъ гонять, не пускаютъ... А она лѣзетъ, просится:

— Нужно мнѣ самого царя видѣть! Я ему что-то важное скажу...

Ее гонять, а она все просится. Царь услышалъ и спрашиваетъ:

— Что за шумъ? Что случилось?

А ему царедворцы отвѣчаютъ:

— Тутъ бродяга приплелась... Тебя, царь-батюшка, хочетъ видѣть.

— Пустите ее! — приказалъ царь.

Вотъ ее пустили. Вбѣжала она во дворецъ и прямо царю въ ноги:

— Смилуйся, царь-государь! Пришла я къ тебѣ съ недоброю вѣстью!

— Съ какою такою недоброю вѣстью? Говори! — приказываетъ царь.

— А вотъ съ какою... Была я у Змѣя Змѣевича... Хвастается онъ, что идетъ на тебя войной... И дочку твою за себя замужъ возьметъ...

Царь, какъ услышалъ эту вѣсть, такъ и схватился за голову:

— Охъ, лихо! А у меня войско не готово!

Приказалъ онъ позвать царедворцевъ и разсердился, закричалъ на нихъ:

— Гѣ, вы, такіе-сякіе! Со мной Змѣй хочеть воевать... А вы ничего не знаете?!

Сердился онъ, шибко сердился.

— Собирайте совѣтъ...

Собрались тутъ генералы, сенаторы, паны: совѣтуются, разсуждаютъ, какъ бы Змѣя завоевать... Судили-рядили—ничего не придумали: нѣтъ войска—ничего не подѣлаешь.

А лисичка тѣмъ временемъ пробралась къ царю и прямо въ ноги:

— Смилуйся, царь-государь!.. Выслушай, что я тебѣ скажу... Есть у меня одинъ царь, зовутъ его царь-Куриній!.. У него войска много. Онъ можетъ того Змѣя завоевать... Только онъ сказалъ, что если ты отдашь за него дочку, тогда онъ только согласится.

Царь туда-сюда, дѣлать нечего; говоритъ лисичкѣ:

— Ну, пусть ужъ твой царь-Куриній побѣдитъ Змѣя. Отдамъ за него дочку...

Лисичка побѣжала на баштанъ къ тому наймиту. Онъ сидѣлъ въ куренѣ и ложкой ковунъ ѣлъ.

— Ге, ге, здорово, Куриній-царь!—закричала лисичка.

— Здорово, лисичка-сестричка!

— Я тебѣ добрую вѣсть принесла.

— Говори. Что за добрая вѣсть?

— А то, что была я у царя: сватала за тебя его дочку.

— Ну, и что же, царь тебя велѣлъ прогнать?

— Ни-ни... Сказалъ: отдамъ за него дочку, если онъ Змѣя повоюетъ... Пойдемъ скорѣе воевать!

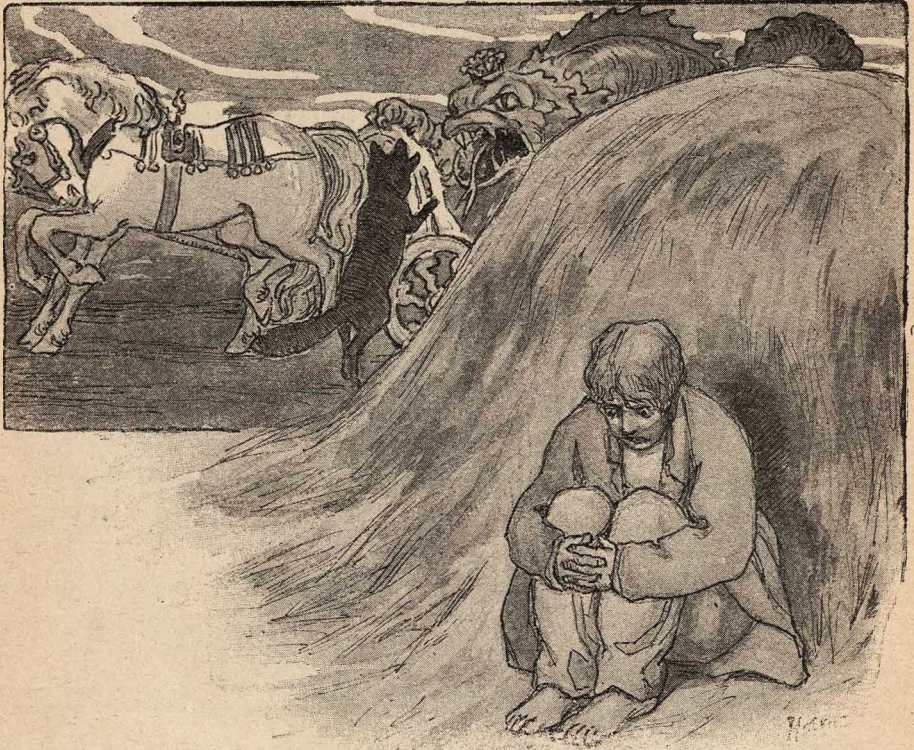
— Тю-тю, дурная! Какъ же я пойду воевать, если я не умѣю...

— Ничего... Повоюешь... Слушай только меня: все будетъ хорошо. Одѣвайся скорѣе. Пойдемъ!

— А кто же мой баштанъ станетъ караулить?

— А ну его. твой баштанъ... Пойдемъ скорѣе...

Едва уговорила его лисичка. Они пошли. Идутъ они полемъ. Лисичка впередъ бѣжить; парубокъ сзади идетъ.

Вдругъ они видятъ: идетъ имъ навстрѣчу Змѣй; шумить-гремитъ, изъ пасти огонь вылетаетъ, изъ глазъ искры сыплются. Парубокъ испугался. Лисичка ему и говоритъ:

— Коли ты боишься, спрячься скорѣе вонъ въ копну сѣна.

Парубокъ спрятался и дрожить весь, думаетъ: «Ну, пришелъ мнѣ конецъ».

А лисичка смѣло побѣжала навстрѣчу Змѣю.

— Здорово, змѣенька-братикъ!

— Здорово, лисичка-сестричка!

— Что я тебѣ скажу, змѣенька-братикъ!

— А что, лисичка-сестричка?

— Бѣгу я къ тебѣ съ недоброю вѣстью!

— Ой, лихо, не пугай меня! Что случилось?—спросилъ Змѣй.

— А то, что идетъ на тебя царь войной... Хочетъ тебя завоевать и твое богатство отнять...

— Гдѣ же онъ? Далеко?

— Нѣтъ, недалеко... А уже близко

— Что же мнѣ теперь дѣлать?—взмолился Змѣй.

— Я тебѣ дамъ добрый совѣтъ,—сказала лисичка.—Вонъ на полѣ, подъ копною, спрятался человекъ. Отними у него одежду, одѣнься въ нее. А свою отдай ему... Дай ему и коней, и коляску, и все... Иначе пропадешь...

Змѣй скорѣе отнялъ у парубка одежду отдалъ ему свою, переодѣлся въ свитку и бросился бѣжать, крикнувъ:

— Спасибо, лисичка, за то, что меня отъ смерти избавила!..

Тогда тотъ баштанникъ нарядился въ змѣиную золотую одежду и сталъ такой красивый, что даже если не хочешь и то его полюбишь...

Сѣли они съ лисичкой и поѣхали. А лисичка ему и говорить:

— Вотъ ты еще боялся... Завоевалъ Змѣя...

Пріѣхали они въ то царство. Лисичка прямо царю въ ноги:

— Такъ, моль, и такъ... Царь-государь, шлетъ тебѣ поклонъ и подарки царь-Куриный. Завоевалъ онъ змѣя и просить отдать за него замужъ твою дочку...

Царь обрадовался. Царица тоже обрадовалась. Царевна и слова сказать не могла отъ радости. Вышли они ему навстрѣчу, взяли его за руки и во дворець повели...

На другой день и свадьбу справили. И я тамъ былъ, медь, вино пилъ, по бородѣ текло. а во рту не бывало...

Борисъ-трехъ-сынъ.

авно это было. Жили-были хохоль и жинка. Жили они, не тужили и былъ у нихъ маленькій хлопчикъ-дитинка.

Однажды пошли хохоль и жинка въ поле жать; взяли съ собою дитинку; сдѣлали изъ сучьевъ люльку, положили туда дитинку и повѣсили на здоровомъ дубовомъ сучкѣ. Вѣтерокъ вѣялъ, люлька колыхалась, и дитинка спалъ. Отецъ съ матерью работали.

Откуда ни возмись, прилетѣлъ орель, укралъ дитинку, унесъ и положилъ въ свое гнѣздо въ томъ же лѣсу.

Недалеко, въ лѣсной хаткѣ, жили три брата-лѣсника. Старшій братъ ходилъ по лѣсу и услышалъ, что кто-то кричитъ. Онъ тотчасъ же вернулся въ хату и сказалъ братьямъ:

— Гей, братики, у насъ въ лѣсу на деревѣ кто-то жалобно кричитъ человѣчьимъ голосомъ. Пойдемте, поищемте!

Пошли, стали искать и нашли того дитинку-хлопчика въ орлиномъ гнѣздѣ. Обрадовались они дитинкѣ и понесли его къ попу крестить. Каждый братъ хотѣлъ его отцомъ быть и не знали, какъ его назвать. Спорили-спорили, наконецъ рѣшили.

— Назовемъ его Борисъ - трехъ - сынъ. И пусть онъ будетъ сыномъ всѣмъ троимъ.

Такъ и сдѣлали: принесли дитинку въ свою хату и растили и берегли его всѣ трое, какъ родного сына.

Росъ хлопчикъ не по днямъ, а по часамъ и выросъ красивый и добрый хлопецъ.

Вотъ онъ тогда и говорить:

— Батеньки, а батеньки, я хочу отъ васъ уйти!

— Ой, сынку, куда жъ ты пойдешь?— разомъ спросили братья-лѣсники.

— Пойду свѣтъ посмотрѣть и себя показать.

— Что жъ намъ съ тобой дѣлать! Иди, коли охота! Возьми съ собой что-нибудь въ дорогу.

— Ничего не надо, батеньки! Спасибо вамъ за добро и ласку!

А братья-то стали его упрашивать, уговаривать:

— Возьми да возьми хоть что-нибудь!

— Ну, такъ дайте мнѣ лошака.

И парень указаль на самую маленькую замухрышку-лошаденку: хуже ее и въ табунѣ не было.

— На что жъ тебѣ, сынку, лошака? То жъ онъ малюсенькій, поганенькій! Возьми лучше коня!

— Ни-ни, не нало, батеньки! Не хочу! Дайте мнѣ маленькаго лошака. Мнѣ его жалко.

— Ну, бери!

Взяль онъ того лошака и пошелъ. Идетъ лѣсомъ, лошака въ поводу ведетъ. Вдругъ видитъ—вдали что-то блеститъ. Онъ прибавилъ шагу, идетъ-идетъ, а вдали все блеститъ что-то. Усталъ онъ и говорить:

— Эхъ, лошаденка, хоть бы ты меня подвезла... Гдѣ тебѣ! Больно мала...

А лошакъ вдругъ отвѣтилъ человѣчьимъ голосомъ:

— Подожди, Борисъ-трехъ-сынъ, повожу тебя и я... Придетъ время — я пригожусь.

Дошли они до того, что блестѣло. Смотритъ хлопецъ — анъ, это перо жарь-птицы.

Такъ оно и сверкаетъ и блеститъ. Нагнулся хлопецъ и сказалъ самъ себѣ:

— Возьму это перо.

А лошакъ ему въ отвѣтъ:

— Ой, Борисъ-трехъ-сынъ, не бери. Это не простое перо, а горе-перо. Много ты съ нимъ горя увидишь.

Не послушалъ хлопецъ, взялъ - таки перо и спряталъ за пазуху.

Пошли они дальше. Шли долго ли, коротко ли, дошли до царскаго дворца. Попросился Борисъ-трехъ-сынъ жить во дворецъ; царь взялъ его конюхомъ, чтобы только лошадей чистить. И дали ему старшіе конюхи самыхъ плохихъ лошадей, такихъ, на которыхъ только навозъ возили. Сталъ онъ ихъ по ночамъ перомъ жарь-птицы чистить и ухаживать за ними. И стали тѣ кони такіе красивые, видные, сытые, что всѣ только дивились. Царь какъ-то увидѣлъ ихъ и велѣлъ для себя закладывать. А Бориса-трехъ-сына полюбилъ и подарками пожаловалъ.

Однажды царь велѣлъ его позвать къ себѣ и сталъ допрашивать:

— Что ты насчетъ коней знаешь? Отчего они у тебя стали больно хороши?

Хлопецъ ни въ чемъ не сознался, только увѣрилъ царя, что онъ ничего такого не знаетъ.

Вотъ другіе конюхи стали шибко ему завидовать, подглядѣли за нимъ и обо всемъ донесли царю.

— Есть, моль, у этого конюха перо жарь-птицы... И онъ, моль, хвастается, что можетъ и жарь-птицу достать.

Царь осерчалъ, велѣлъ къ себѣ позвать Бориса-трехъ-сына и спрашиваетъ его:

— Есть у тебя перо жарь-птицы?

Онъ отвѣчалъ:

— Есть

— Ну, такъ достань же мнѣ и жарь-птицу. А если не достанешь, то вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ

Закручинился, заскучалъ Борисъ-трехъ-сынъ. Пошелъ въ конюшню и заплакалъ. А въ уголкѣ лошакъ стоялъ, увидѣлъ, что хозяинъ плачетъ, и спрашиваетъ:

— О чемъ ты, Борисъ-трехъ-сынъ плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать! Велѣлъ мнѣ царь достать жарь-птицу... А гдѣ я ее возьму? И какая она такая?! Ничего я не знаю!

— О, то жь, говорилъ я тебѣ, не бери ты пера жарь-птицы. Будетъ тебѣ съ нимъ горе. Не послушалъ... Ну, ничего, не горюй... Я тебѣ помогу... Поди къ царю и попроси, чтобы далъ онъ четверть горилки и мѣшокъ гороху... Только, чтобъ горилка самага первѣйшаго сорта была!

Пошелъ хлопецъ къ царю, все попросилъ, какъ сказалъ лошакъ, и прибавилъ:

— Прикажи, царь, дать горилки самага первѣйшаго сорта.

Царь все приказаль дать.

Пошелъ Борисъ-трехъ-сынъ со своей лошадежкой въ чистое поле. Лошакекъ все его училъ, что дѣлать. Выкопаль онъ яму глубокою-преглубокою. Царь ему на помощь далъ четырехъ человекъ. Въ ту яму насыпаль онъ гороху и налилъ горилки. А самъ спрятался поблизости. Прилетѣла жарь-птица, наѣлась гороху и напилась горилки.

Лошакекъ тогда и говоритъ тихонько своему хозяину:

— Гляди, какъ напѣется жарь-птица, да какъ повернется въ гору ножками и начнетъ дрыгать крылышками, тутъ ты ее и хватай!

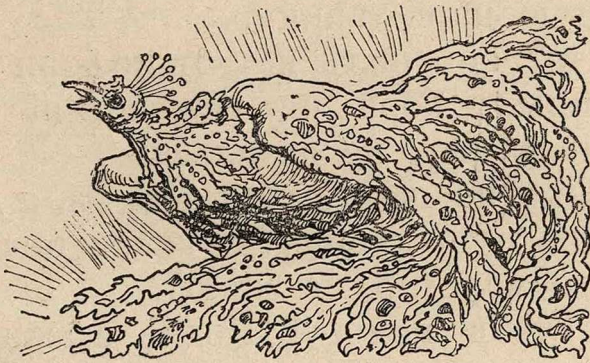
Онъ такъ и сдѣлалъ: накрылъ жарь-птицу своею свиткою и поймалъ ее, а она-то кричить:

— Ой-ой, Борисъ-трехъ-сынъ, не для тебя летала, да къ тебѣ попала!.. Не для тебя летала, да къ тебѣ попала!..

Принесъ хлопонецъ жарь-птицу къ царю, а царь такъ обрадовался, что и высказать невозможно: не знаетъ гдѣ и посадить Бориса-

трехъ-сына, какъ его и похвалить, и награ-
диль его по-царски.

Много во дворцѣ было разныхъ слугъ, а
никого царь не жаловаль, какъ того хлопца.
И стали другіе завидовать и совѣтоваться,
какъ бы его со свѣта сжить; вотъ они и доло-
жили царю:

— Этотъ хлопецъ досталь перо жарь-
птицы и самое жарь-птицу, а теперь похва-
ляется, что можетъ достать изъ-за моря пре-
красную царь-дѣвицу.

Царь приказаль позвать его и говорить:

— Досталь ты перо жарь-птицы, досталь
самое жарь-птицу; достань же ты мнѣ изъ-за
моря прекрасную царь-дѣвицу, если же не
достанешь, то вотъ мой мечъ, а тебѣ голова
съ плечь!

Пошелъ хлопецъ въ конюшню и горько заплакалъ; увидѣлъ лошака и спрашиваетъ:

— О чемъ ты, Борисъ-трехъ-сынъ, плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать! Задалъ мнѣ царь дѣло такое, что ни мнѣ, ни тебѣ не сдѣлать...

— Какое же такое дѣло?

— А такое... чтобъ досталъ я изъ-за моря прекрасную царь-дѣвицу.

— Что? Говорилъ я, тебѣ не бери ты перо жаръ-птицы... Гора не оберешься! Вотъ и вышло такъ. Ну, не печалься!

— Какъ не печалиться, Гдѣ жъ я достану эту прекрасную дѣвицу? И какая она такая? И гдѣ это море? Я не знаю!..

— Я тебѣ помогу! Поди, скажи царю, чтобы далъ онъ тебѣ сѣтей и зеркалъ побольше да, пожалуй, тысячу платьевъ да огромный ящикъ.

Пошелъ хлопецъ къ царю и попросилъ все, какъ сказалъ лошака. Царь велѣлъ все дать съ радостью.

Пошелъ хлопецъ къ морю и лошака за нимъ и все учить:

— Поставь ты зеркала вокругъ моря и развѣшай всѣ платья.

Онъ такъ и сдѣлалъ.

Только вдругъ море забурлило, заволновалось и вышла изъ него прекрасная дѣвица Настасья; такая прекрасная, бѣлая, полная да румяная, что ни въ сказкѣ разсказать ни перомъ описать.

Стала она одѣваться и въ зеркала на себя любоваться, каждое платье примѣряла, въ каждое зеркало смотрѣлась, охорашивалась и приговаривала:

— О, то жъ я гарна! О, то жъ я гарна!

Какъ надѣла на себя послѣднее платье прекрасная дѣвица Настасья—Борисъ-трехъ-сынъ накинулъ на нее сѣть и поймалъ.

Забилась она въ сѣти, заплакала и взмолилась не своимъ голосомъ:

— Ахъ-ахъ-ахъ! Борисъ - трехъ - сынъ, отпусти ты меня изъ неволи на волю! Награжу я тебя: дамъ тебѣ свое обручальное колечко и будешь ты съ нимъ счастливый...

— Ишь ты, какая ловкая! А царь-то что со мной сдѣлаеть?! Ни-ни, ни за что не отпущу тебя, — отвѣчалъ хлопецъ.

Онъ ее не отпустилъ. Прекрасная дѣвица Настасья разсердилась, порвала на себѣ двѣнадцать нитокъ жемчуговъ и побросала ихъ въ море.

Хлопецъ привезъ ее къ царю. Царь такъ обрадовался, такъ обрадовался, что и слова сказать отъ радости не могъ, и наградилъ Бориса-трехъ-сына по-царски. А самъ задумалъ жениться на прекрасной дѣвицѣ Настасьѣ.

Стали всѣ дивиться тому хлопцу, завидовать и на него царю наговаривать. А царь его любилъ да жаловалъ.

Только разъ прекрасная дѣвица Настасья и говоритъ царю:

— Пускай Борисъ-трехъ-сынъ достанетъ со дна моря мои жемчуги. Иначе и замужъ за тебя не пойду!

Царь велѣлъ позвать того хлопца, приказалъ ему достать со дна моря жемчуги прекрасной дѣвицы Настасьи и прибавилъ:

— А не достанешь, то знай, вотъ мой мечъ, а тебѣ голова съ плечъ!

Пошелъ хлопецъ къ своему лошаку и горько заплакалъ. Лошакъ его и спрашиваетъ:

— О чемъ же ты, Борисъ-трехъ-сынъ, опять плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать!.. Задалъ мнѣ царь загадку... Ни ты ни я ее не разгадаемъ...

— Какую такую загадку?

— А вотъ какую... Приказалъ онъ мнѣ достать со дна моря всѣ двѣнадцать нитокъ жемчуговъ, что Настасья Прекрасная разорвала и покидала.

— Эге, не кручинься... Достанемъ!—сказалъ конь.—Ступай скорѣе къ царю и попроси его дать сто бочекъ мяса и сто тысячъ челоуѣкъ.

Царь все далъ.

Лошакъ опять говоритъ хлопцу:

— Разрѣжьте это мясо мелко. Какъ придете къ морю, такъ и положите его кругомъ по берегу; вылѣзутъ раки мясо ѣсть... Пусть

люди хватаютъ ихъ, а ты самъ хватай бѣленькаго, это—ихъ царь. И не выпускай его до тѣхъ поръ, пока раки не отдадутъ всѣхъ жемчужинокъ.

Борисъ-трехъ-сынъ такъ все и сдѣлалъ, какъ сказалъ ему лошакъ. Только что раки повылѣзли изъ моря и начали ѣсть мясо, всѣхъ ихъ похватили, а бѣленькаго словилъ самъ хлопецъ. Раки стали плакать, кланяться:

— Отпусти насъ на волю! Мы тебѣ доставимъ, что хочешь, со дна моря.

— Достаньте мнѣ жемчугъ, что побросала дѣвица Настасья Прекрасная, тогда я васъ отпущу!

Бросились всѣ раки вразсыпную, заторопились, поползли въ море.

Живо вернулись они и вынесли жемчужинки, нѣкоторую одинъ несъ, а то и по два, по три и болѣе... Положили они жемчугъ передъ Борисомъ-трехъ-сыномъ. Онъ обрадовался и хотѣлъ пустить бѣленькаго рака, какъ вдругъ услышалъ голосъ:

— Стой, подожди, Борисъ-трехъ-сынъ, не пускай этого рака!.. Еще одной жемчужинки нехватаетъ.

То лошакъ примчался и своего хозяина остерегалъ.

Вотъ раки опять по-ползли, бросились въ море; долго они тамъ искали жемчужинку, наконецъ вытащили огромную щуку и отдали ее хлопцу. Тотъ разрѣзаль щуку, нашель въ ней жемчужину и отпустиль бѣленькаго рака.

Привезъ Борисъ-трехъ-сынъ царю жемчугъ; обрадовался царь; всѣ дивятся, завидуютъ хлопцу, а царь его отличаетъ и награждаетъ.

А дѣвица Настасья Прекрасная опять привередничаетъ и просить царя:

— Пошли ты, царь, этого хлопца къ солнышку. Пусть онъ спросить его, почему оно прежде рано вставало красенько, а теперь поздно встаетъ бѣленько? Что съ нимъ дѣлается?

Царь приказаль хлопцу пойти къ солнцу и все разузнать.

Заплакаль Борисъ-трехъ-сынъ, пошелъ къ лошаку и все ему рассказалъ.

— Не горюй! — утѣшаетъ его тотъ. — Труднѣе царь задавалъ загадки, и все сходило хорошо. Отправляйся скорѣе въ путь-дорогу!

Вотъ собрался нашъ хлопецъ и поѣхалъ. Ъхалъ долго ли, коротко ли, видитъ садъ. Около сада стоятъ сторожа; увидѣли его и спрашиваютъ:

— Куда ты идешь, Борисъ-трехъ-сынъ?

— Иду къ солнышку, узнать, почему оно прежде вставало рано красненько, а теперь поздно встаетъ, да бѣленько?

— О, то жъ, будь такъ добръ, узнай и про насъ: отчего прежде этотъ садъ такъ родилъ, что весь свѣтъ кормилъ, а теперь захудалъ и на сторожей плодовъ не послалъ?..

— Добре! Все узнаю.

Идетъ нашъ хлопецъ дальше. Видитъ— стоятъ два солдата на часахъ, не шелохнутся и спрашиваютъ его:

— Куда ты, Борисъ-трехъ-сынъ, идешь?

— Иду къ солнцу узнать, отчего оно прежде вставало рано, да красненько, а теперь встаетъ поздно, да бѣленько?

— Ахъ, узнай тамъ и про насъ: долго ли намъ покою не знать и на часахъ стоять?

— Добре, добре! Все узнаю.

Пошелъ онъ дальше. Идетъ и видитъ дубъ; кругомъ дуба бѣгаютъ мужъ и его жинка; бѣгаютъ они и ловятъ двухъ голубей, а поймать никакъ не могутъ. Увидѣли они хлопца и закричали:

— Куда ты идешь?

Онъ имъ все разсказаль. Они его жалобно попросили:

— Охъ, узнай ты тамъ у солнца и про насъ: долго ли намъ ноги бить и голубей ловить?

— Ну, добре, добре! Все узнаю.

Борисъ-трехъ-сынъ пошелъ себѣ дальше. Идетъ да идетъ... Вдругъ видитъ два колодца; отъ одного къ другому бѣгаетъ шинкарка и переливаетъ воду. Увидѣла она хлопца и спросила:

— Куда ты идешь?

«Такъ, молъ, и такъ...»

Онъ все ей разсказаль.

— Эхъ-хе-хе, узнайка ты тамъ и про меня: долго ли мнѣ воду таскать и изъ пустого въ порожнее переливать?

— Добре! Узнаю.

Хлопецъ зашагалъ дальше... Вдругъ близко ли, далеко ли, видитъ онъ, что посреди дороги лежитъ рыба-китъ... лежитъ, ротъ раскрываетъ, чуть дышитъ... А по рыбѣ-киту и люди, и животные, и повозки, и телѣги, и кареты взадъ впередъ ходятъ, ѣздятъ... Такую они дорогу по рыбѣ-киту протоптали, что даже всѣ его ребра были видны...

— Пить, пить!—просилъ рыба-китъ. Никто ничего ему не давалъ.

— Куда ты идешь? — закричалъ рыба-китъ, завидѣвъ Бориса-трехъ-сына.

Разказалъ онъ про все и рыбѣ-киту.

— Ухъ-ухъ, узнай тамъ и про меня: долго ли мнѣ еще не пить и людей на себѣ носить?

— Ну, добро, добро, рыба-китъ, все узнаю!

Прошелъ день, прошла ночь, еще прошелъ день и наступилъ вечеръ. А Борисъ-трехъ-сынъ все идетъ да идетъ... Зашелъ онъ въ лѣсъ... Вдругъ видитъ, въ лѣсу огонекъ блеснуть... Онъ къ нему... Стоитъ тамъ избушка на курьихъ ножкахъ, дверца дубовая. Онъ въ эту дверцу толкнулся.

Въ избушкѣ свѣтло. Сидитъ тамъ баба, такая старая-престарая, что старѣе и быть не можетъ.

— Что тебѣ надо, хлопецъ? — спросила старуха.

— Я ищу солнце. Надо мнѣ узнать, почему оно прежде рано вставало красненько, а теперь поздно встаетъ, да бѣленько?

— Такъ я жъ его мати... Той мой сынокъ. Зачѣмъ тебѣ солнце?

Обрадовался Борисъ-трехъ-сынъ и все старухѣ рассказалъ:

— Видѣлъ я солдатъ на посту, видѣлъ я огромный садъ, который прежде такъ кормилъ, что весь свѣтъ кормилъ, а теперь захудалъ и на сторожей плодовъ не послалъ. Видѣлъ я солдатъ, что на часахъ стоятъ; видѣлъ человѣка и жинку, что голубей ловятъ и не словятъ; видѣлъ шинкарку, что воду таскаетъ и переливаетъ; видѣлъ и рыбу-кита, что людей на себѣ носитъ и пить просить...

Старая баба слушала хлопца: старухи любятъ розказни слушать... Потомъ дала поужинать и велѣла спать лечь.

Явилось солнышко и тоже легло спать.

Встали рано. Мать и говоритъ солнцу:

— Слушай-ка, сынку, что мнѣ во снѣ-то сегодня снилось?

— А что, матушка?

— Снилось мнѣ, что гдѣ-то есть садъ огромный, что прежде весь свѣтъ кормилъ, а теперь и сторожей не прокормить!..

— Эге, матушка, правда, такой садъ есть... Тамъ закопаны разбойничьи деньги; если ихъ вырыть, то онъ опять будетъ хорошо плоды родить.

— Еще что мнѣ снилось, сынку...

— А что, матушка?

— Стоять два солдата на часахъ, сойти не могутъ и покоя не знаютъ!

— Эге-ге-ге и то есть, матушка. Вотъ кабы солдаты деньги-то изъ сада выкопали да на нищихъ пожертвовали, они бы и сошли съ мѣста...

— А еще-то что мнѣ снилось, сынку...

— Что же?

— Человѣкъ и жинка вокругъ дуба бѣгають, голубей ловятъ и поймать не могутъ...

И будутъ они ловить ихъ весь вѣкъ и не поймаютъ... Когда они были молоды, Богъ далъ имъ пару дѣтокъ, они ихъ не берегли, доброму не учили и вышли тѣ дѣти злодѣи...

— Еще я видѣла во снѣ, сынку...

— А что же, матушка?

— Бѣгаетъ отъ колодца къ колодцу шинкарка, воду таскаетъ и изъ пустого въ порожнее переливаетъ.

— Эге-ге-ге... Точно. Это есть! Ну, и будетъ она переливать воду, пока отъ солнышка свѣтъ будетъ... Какъ молода была, шинокъ держала и многихъ обманывала...

— И что то мнѣ еще снилось, сынку!

— А что же, матушка?

— Будто гдѣ-то лежитъ рыба-китъ и хочетъ онъ пить, а не хочетъ на себѣ людей носить.

— Есть и это на свѣтѣ... Проглотилъ тотъ китъ корабль съ людьми,—кабы онъ откашлянулъ его, тогда и ушелъ бы въ свое море-океанъ.

— И еще мнѣ снилось, сынку!

— А что же такое, матушка?

— Когда ты, сынку, прежде вставало рано, то красненько, а теперь восходишь поздно, то бѣленько...

— Такъ, такъ, матушка... Прежде моя дивчинка около моря гуляла. Я, какъ увижу ее, застыжусь и выйду рано и красненько... А теперь нѣтъ со мной моей дивчинки, я и встаю поздно и бѣленько.

Вотъ стало подниматься солнышко по небу и не мало дивилось, отчего это его матери все снилось такъ, какъ на свѣтѣ бываетъ.

Мать окликнула солнышко и сказала:

— Запиши ты мнѣ своими лучами на запискѣ про все.

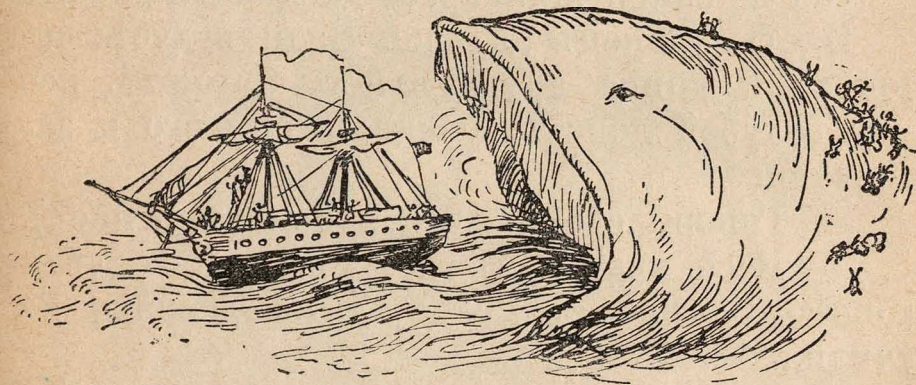
Солнце записало на запискѣ про все, что они говорили, и снова поплыло по небу.

А старая баба, солнцева мать, разбудила Бориса-трехъ-сына, дала ему поѣсть и отдала

ту записку, что написало солнышко. А въ ней про все, про все было написано.

Борисъ-трехъ-сынъ поблагодарилъ старуху, поклонился ей въ поясъ и отправился въ путь-дорогу.

Идетъ назадъ. Лежить рыба-китъ и еще издали закричалъ:

— Эй, что ты про меня узналъ?

— До тѣхъ поръ тебѣ не пить и людей на себѣ носить, пока ты не откашлянешь корабль съ людьми, что проглотилъ.

Рыба-китъ, какъ понатужился, какъ кашлянулъ, даже земля кругомъ задрожала, всѣ люди, телѣги, коляски съ него попадали, а изъ огромнаго рта выплылъ корабль съ людьми. Рыба-китъ радостно вильнулъ хвостомъ и уплылъ въ море-океанъ.

Борисъ-трехъ-сынъ пошелъ дальше. У колодца бѣгаетъ шинкарка; увидѣла его и закричала:

— Ну, что ты про меня узналъ?

— А то: до тѣхъ поръ тебѣ воду перебивать, пока у солнышка свѣтъ, потому что ты людей обманывала, когда торговала.

Опечалилась шинкарка, да дѣлать нечего.

Идетъ хлопецъ дальше. Видитъ дубъ: человекъ и жинка кругомъ него бѣгаютъ, все еще голубей ловятъ; увидѣли они его и закричали:

— Говори скорѣе, что узналъ про насъ?

— Весь вѣкъ вамъ ноги бить и голубей ловить. Зачѣмъ съ молодую дѣтей доброму не учили...

Борисъ-трехъ-сынъ пошелъ дальше. Видитъ, солдаты все еще на часахъ стоятъ; увидѣли его и спрашиваютъ:

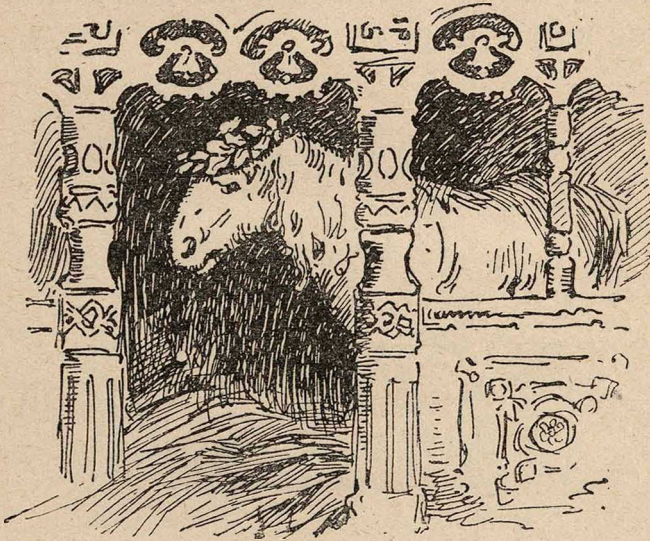
— Что ты у солныца про насъ узналъ?

— Узналъ я, что до тѣхъ поръ вамъ покою не знать и на часахъ стоятъ, пока вы не выкопаете деньги, что зарыты въ саду, и не пожертвуете ихъ на нищихъ.

— Выроемъ и пожертвуемъ! — сказали солдаты и сразу же пошли въ садъ. А тамъ сторожа, увидѣвъ хлопца, закричали:

— Что ты узналъ про насъ?

— Узналъ я, что вашъ садъ оттого захудаль и вамъ плодовъ не послалъ, что въ саду разбойничьи деньги зарыты. Коли ихъ выроете, то садъ опять весь свѣтъ кормить станетъ.

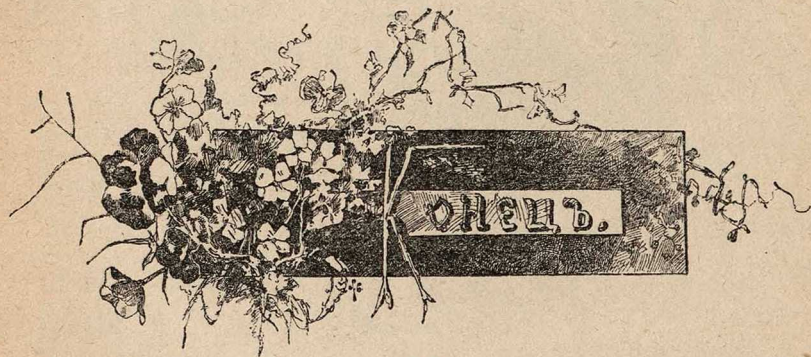

Сторожа и солдаты бросились искать лопаты и начали садъ перерывать...

Между тѣмъ Борисъ-трехъ-сынъ вернулся къ царю и къ прекрасной дѣвицѣ Настасьѣ, все имъ разсказалъ и отдалъ записку солнышка. Они про все узнали и очень обрадовались. Царь хлопца щедро наградилъ и по-

ловину царства отдалъ и сталъ его вмѣсто брата почитать и любить.

Борисъ-трехъ-сынъ позвалъ къ себѣ трехъ лѣсниковъ, что ему вмѣсто отцовъ были, и надѣлилъ ихъ всякимъ добромъ. Лошаку построилъ золотую конюшню. И стали они жить да поживать, на лопатѣ золото возить, ведрами серебро носить.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Полпѣтушокъ	3
Левъ и щука	16
Покотигорошекъ	19
Царевна - жаба	32
Человѣкъ, волкъ, кабанъ и медвѣдь	56
Козель и баранъ	60
Вѣдьма и солнцева сестра	66
Коза - дѣреза	78
Лошадиная голова	87
Бѣдовая лисичка	101
Корабль - самолетъ	107
Горшокъ киселя	131
Соломенный бычокъ	142
Котикъ	153
Озеро - слободка	157
Лисичка - сваха	164
Борисъ-трехъ-сынъ	174

Въ книжныхъ магазинахъ

Т-ва И. Д. Сытика,

въ Москвѣ, у Ильинскихъ воротъ, д. Титова; въ С.-Петербургѣ, Садовая, 25; Кіевѣ, Варшавѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ, Ростовѣ-на-Д. и на Нижегородской ярмаркѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Клавдіи Лукашевичъ:

Для младшаго возраста:

- **) Свѣтлый лучъ. Хрестоматія для семьи и школы. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просв. удостоена неполной преміи имени Д. С. С. Езерскаго. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.

Разсказы,

удостоенные преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества:

- **) Аксютка-нянька. Ц. 30 к.
- **) Рыбка-колошка-рѣзвухка. Ц. 30 к.
- **) Макаръ. Ц. 50 к.
- **) Птичница-Агаоыя. Ц. 50 к.

Сборники разсказовъ,

со множествомъ рисунковъ, въ изящныхъ переплетахъ, исполненныхъ извѣстною художницею Ел. Бемъ:

- **) Гнѣздышко. Ц. 1 руб.
- **) Зернышки. Ц. 1 р.
- **) Любимые друзья. Ц. 1 р.
- **) Дѣтскіе годы. Ц. 50 к.
- **) „Кузовокъ“ (сборникъ разсказовъ, сказокъ, игръ, занятій, работъ, стихотвореній, шарадъ и ребусовъ, съ приложеніемъ таблицъ, нотъ и съ раскрашен. картинками). Ц. 1 р. 25 к.
- Малороссійскія сказки (со множествомъ рисунковъ). Ц. 1 р.
- **) Сказки родной Украины (со множествомъ рисунковъ и съ 5-ю раскрашенными картинками). Ц. 1 р.
- Забава. Ц. 1 р.
- Сказки для самыхъ маленькихъ дѣтей. Ц. 80 к.

Отдѣльные разсказы,

богато иллюстрированные,

для младшаго возраста:

- Первые сапоги (изящно издан., съ раскрашен. картинками). Ц. 40 к.
- Пастухъ Ваня (тоже). Ц. 40 к.
- **) Нянька-Ванька. Ц. 15 к.
- **) Чушка. Ц. 15 к.
- **) Медаль. Ц. 15 к.
- **) Няня. Ц. 30 к.
- *) Охъ (сказка). Ц. 15 к.
- *) Волкъ-братикъ (сказка). Ц. 15 к.
- *) Золотой черевичекъ. Ц. 15 к.
- *) Ивашечка. Ц. 15 к.
- *) Кривенькая уточка (сказка). Ц. 15 к.
- *) Волкъ-глухая голова. Ц. 15 к.
- *) Котъ и пѣтушокъ. Ц. 15 к.

Для средняго возраста

сборники разсказовъ,

со множествомъ рисунковъ.

- **) Ясное солнышко (4-е изд.). Ц. 1 р. 25 к.
- **) Труженики (3-е изд.). Ц. 1 р.
- **) Одинъ изъ многихъ (3-е изд.). Ц. 50 к.
- „На жизненномъ пути“, изданіе Губинскаго. Ц. 1 р. 25 к.
- **) По морю житейскому. Его же. Ц. 1 р. 25 к.
- Обо всемъ понемногу (альман.). Ц. 50 к.
- Почитаешь, другимъ скажешь (альманахъ). Ц. 60 к.

Отдѣльные разсказы:

- **) Даша Севастопольская (съ рисунками Н. Н. Каразина). Ц. 25 к.
- **) Дядюшка-флейтистъ. Ц. 40 к.
- **) Босоногая команда. Ц. 40 к.
- **) Изъ деревни. Ц. 30 к.
- **) Сиротская доля (повѣсть). Продолженіе „Дядюшки-флейтиста“. Ц. 50 к.
- *) Оборона Севастополя. Ц. 30 к.

Для старшаго и средняго возрастовъ:

- ** Оборона Севастополя и его славные защитники (со множествомъ портретовъ и рисунковъ, снятыхъ въ г. Севастополь въ музеѣ и съ рѣдкихъ изданій. Книга составлялась въ г. Севастополь со словъ очевидцевъ-севастопольцевъ и изъ достовѣрныхъ архивныхъ источниковъ. Обложка исполн. извѣсти художникомъ Н. Н. Каразинымъ). Ц. 2 р.
- ** Изъ недавняго прошлаго (3-е изд.). Обложка Н. Н. Каразина. Ц. 1 р.
- * Изъ жизни. Ц. 1 р. 25 к.

Отдѣльные рассказы въ дешевомъ изданіи:

- ** Другъ несчастныхъ—докторъ Гаазъ (біографія, 6-е изданіе). Ц. 5 к.
- ** Курскій астрономъ-самоучка Семеновъ (біографія). Ц. 5 к.
- ** Какъ жилъ и что писалъ В. А. Жуковский (біографія). Ц. 5 к.
- ** Къ свѣту (повѣсть). Ц. 8 к.
- ** Одинъ изъ многихъ. Ц. 3 к.

- ** Песня Божія. Ц. 5 к.
- ** Бѣдный родственникъ. Ц. 5 к.
- ** Дядюшка-Яковъ-офеня. Ц. 5 к.
- ** Въ тихомъ углу. Ц. 5 к.
- ** 20 разсказовъ изъ Севастоп. обороны.
 - 1) Гроза надвигается. Ц. 5 к.
 - 2) Вылазки. Матросъ Кошка.
 - 3) Два памятныхъ дня. Ц. 5 к.
 - 4) Свѣдлый праздникъ. Ц. 4 к.
 - 5) Малаховъ курганъ. Ц. 5 к. и др.

Комедіи

для домашнихъ и школьныхъ спектаклей (театрально цензурою одобренные къ представленію):

- * Въ сельской школѣ. Ц. 15 к.
- * Побѣдила. Ц. 15 к.
- * Красный цвѣточекъ (съ пѣніемъ и танцами). Ц. 15 к.
- * Веселые дни (съ пѣніемъ, танцами и приложеніемъ нотъ). Ц. 15 к.
- * Среди цвѣтовъ (съ пѣніемъ, танцами и приложеніемъ нотъ). Ц. 15 к.
- Кукольный переполохъ (съ рисунк.). Ц. 15 к.
- Елка. Трубочистъ. Ц. 15 к.

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

для дѣтей,

Клавдіи Лукашевичъ,

выходитъ въ сентябрѣ ежегодно.

Изящная папка исполнена художницею Ел. Бемъ. На обратной сторонѣ отрывныхъ листочковъ помѣщенъ интересный матеріалъ на каждый день: сказки, рассказы, стихи, ребусы, шарады, работы, портреты, рисунки. Цѣна 50 коп.

Книги, отмѣченныя звѣздочкой (*), **ДОПУЩЕНЫ** Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ ученичesk. библіотеки низшихъ учил., въ такыя же библ. среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

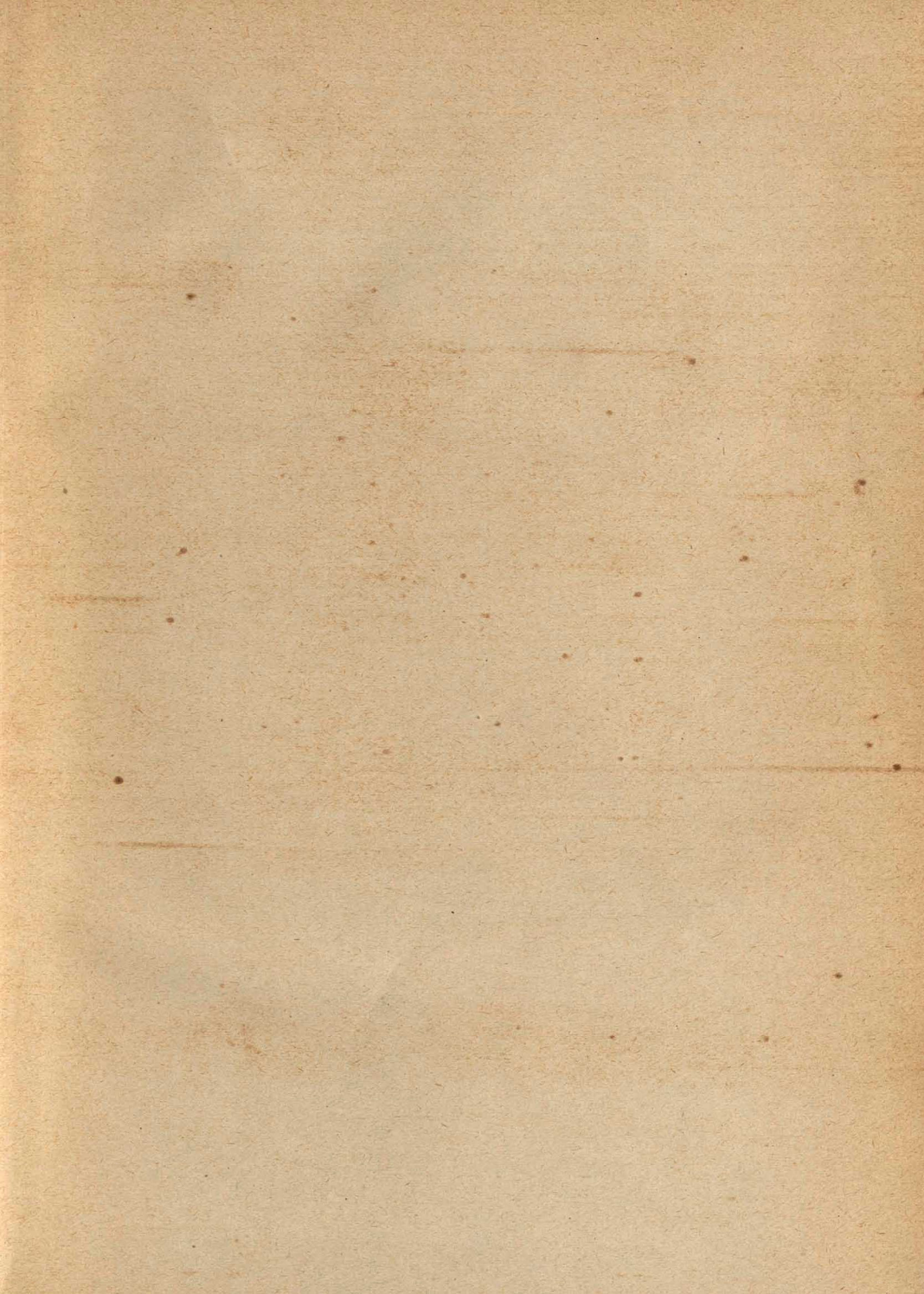
Книги, отмѣченныя (**), допущены въ церковно-приходскія школы и библіотеки.

НОВАЯ ИЗДАНИЯ: ДѢТСКІЕ ПРАЗДНИКИ и какъ ихъ устраивать. Декламация. Сцены. Живыя картины. Шествыя. Игры. Пѣніе. Комедіи. Сборникъ со множествомъ рисунковъ и нотъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

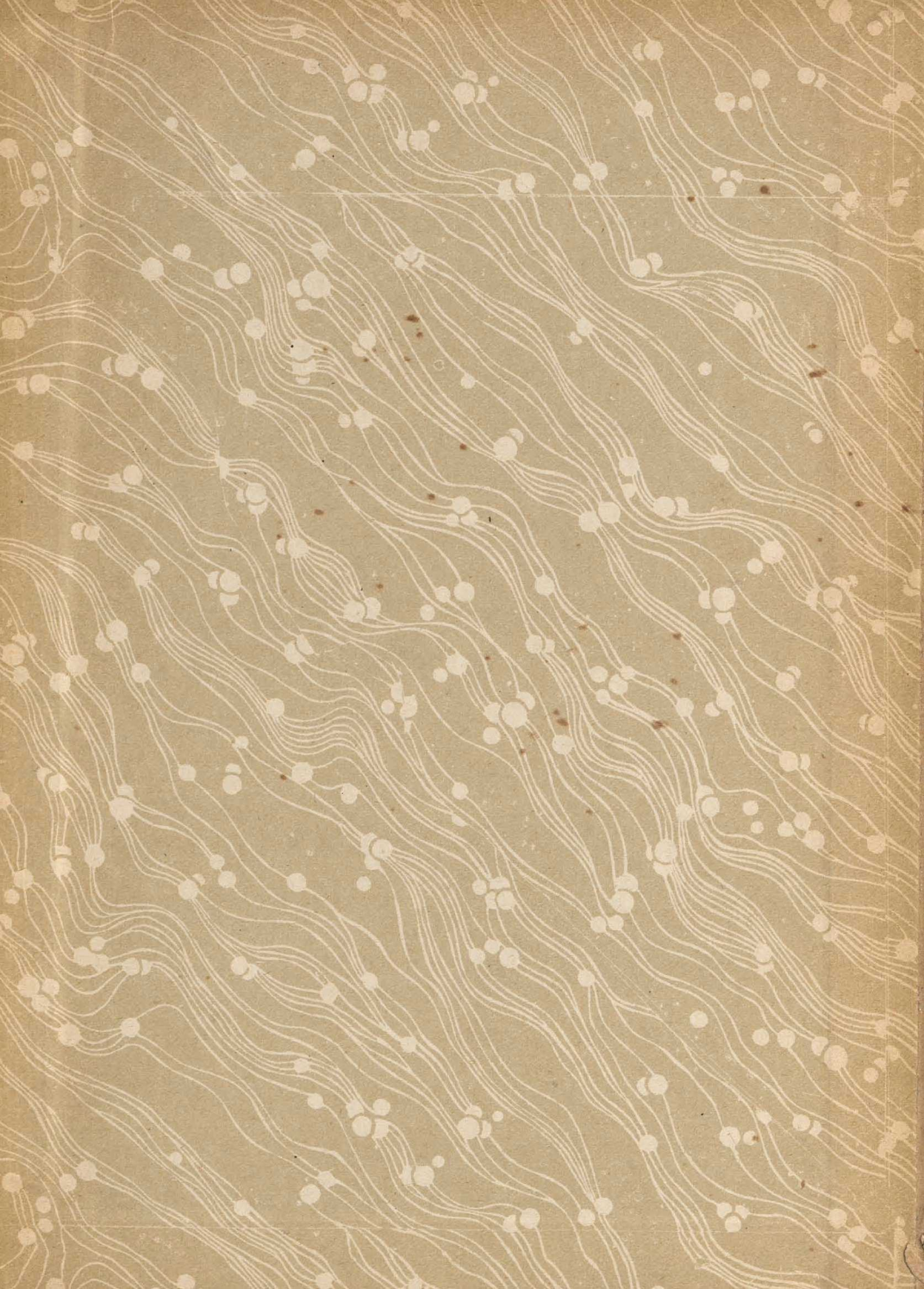
ОТДѢЛЬНЫЕ ВЫПУСКИ ДѢТСКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ:

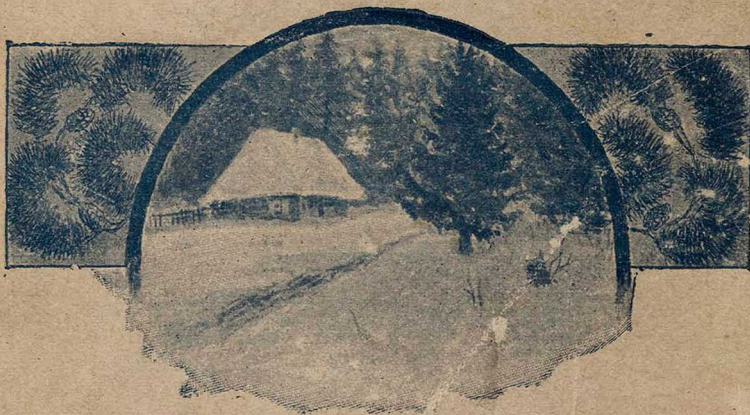
1) Школьный праздникъ „Елка“. 2) Школьное литературно-музыкальное утро въ честь Л. Н. Толстого.

ГОТОВЯТСЯ И СКОРО ВЫЙДУТЪ: 1) Школьные праздники и какъ ихъ устраивать. 2) Школьный праздникъ въ память 19 февраля и др.

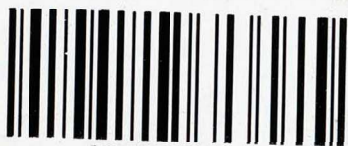

Цѣна 1 руб.

2015147672